

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПОЭТЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ПОЭТЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Предисловие П. Антокольского

Вступительная статья, биографические справки и подготовка текста

М. Рафили

Примечания А. П. Векилова

Общая редакция
А. Н. Болдырева и А. П. Векилова

Редакция стихотворных переводов
А. Адалис

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД · 1962

Р 1
П 67

Поэзия Азербайджана — одна из древнейших и богатейших на земле. Великие поэты Азербайджана известны всему культурному миру. Двум из них — Низами и Сабиру — посвящены отдельные выпуски Большой серии «Библиотеки поэта». В настоящий сборник вошли переводы лучших произведений Хагани, Насими, Физули, Вагифа, Видади, Закира, Ахундова, Хади, Джавида и др. Сборник дает представление о развитии классической азербайджанской поэзии XI—XX веков. Переводы многих стихотворений на русский язык осуществлены впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из отличительных и ярчайших особенностей азербайджанской поэзии во все времена и в любом индивидуальном творчестве является напряженный *лиризм,* роднящий ее с музыкой, с пением.

Что такое лиризм? Это голос автора: непременное присутствие самого поэта, как лирического героя, в каждом его произведении. Поэт-автор может подразумеваться, но может быть назван и прямо по имени, как это было обязательно в таких поэтических формах, как газель и касыда, в их последних строках: здесь сохраняется для будущих читателей подпись автора как некое удостоверение «сделано таким-то, — имярек». Но это, конечно, простейший случай.

Лиризм перекрывает собою все. Он оттесняет тему и внешний сюжет на второй план, чтобы всецело завладеть душой читателя или слушателя. У лиризма свои законы, неписаные, но весьма требовательные и жесткие. Главный из них — закон правды. Хочет того лирический поэт или нет, но он обязан быть искренним до конца, иначе он вообще не поэт. Это условие искусства, правило игры. Только непринужденная искренность в выражении чувства делает и самого поэта и его произведение достойным того искусства, которому он служит.

Такова в первую очередь азербайджанская лирика. Но и не только лирика. Со времен Низами лиричен и азербайджанский эпос. В поэмах самого Низами решительно отсутствует пограничная черта между эпосом и лирикой. Низами всегда как бы нехотя расстается с возможностью «высказать себя», он длит и длит вступления к своим поэмам, «хамсе», растягивая их на тысячи и тысячи строк: тут и философские раздумья, и спор с современниками, и семейные дела автора, и его социальное окружение, и жалобы на суровое к поэту

время, и воспоминания о навсегда ушедших близких, — словом, тут весь поэт, живой, конкретный, типический человек своего времени, в подлинном смысле слова — лирический герой. Но голос автора непрерывно врывается и в дальнейшее повествование и разрывает его ткань. Он остается ведущим началом в любом, самом действенном и драматически напряженном эпизоде. Лирические отступления Низами носят характер наступления. Это не размышления «по поводу», не замечания в скобках, не обмолвки, — нет, это двигательный нерв рассказа: авторский монолог о любви, страдании, смерти, бренности всего сущего, о старости, о высоком назначении человека-творца.

Низами — это двенадцатый век, далекая историческая даль, окутанная синей дымкой легенды, между тем с какой силой и правдой звучит его поэтический голос и для нашего времени:

Одна лишь страсть да будет не забыта:
Свобода от построенного быта.
Не обольщайся помощью людской.
Будь как огонь. Огонь всегда такой.

Ты будешь славен, оставаясь чуждым
Любым делам, пристрастиям и нуждам.
Псом, сторожащим чей-то дом, — не будь
И кошкой под чужим столом — не будь!

Гори, как факел, хоть коротким часом,
Лишь бы своей смолой, своим запасом!
Я — Низами. На пиршестве любом
Султан вселенной служит мне рабом.

Поистине эта поэзия была обречена на великое будущее!

В старейшей немецкой книге о знаменитом чернокнижнике докторе Фаусте (1587) мы можем прочесть о том, как, странствуя по всей ведомой тому времени вселенной, Фауст однажды очутился в обществе дьявола на «острове Кавказе, который превосходит своими вершинами и высотой все прочие острова». Здесь Фауст надеялся увидеть наконец и рай. И действительно, глядя с вершины этого вполне сказочного Кавказа на восток, он заметил «далекий свет, словно от ярко светящего солнца, огненный поток, поднимающийся подобно пламени от земли к небу, опоясывая пространство величиною с маленький остров». Дьявол, сопровождавший смелого странника, утверждал, что это и есть рай.

Так европеец XVI века описывал далекий Восток, где, конечно,

сам никогда не бывал, — описывал по смутным рассказам купцов, по темной молве в маленьких немецких городах, по сказкам. Других источников у него не было.

Но что же это за огненный поток на Кавказе, поднимающийся от земли к небу? Какая реальная действительность может быть заподозрена в монашеском баснословии? Поистине нет дыма без огня! Во всяком случае, в сказках его нет. И нам очень хочется пристальнее вглядеться в сказку, узнать в ней реальную действительность, назвать ее по имени.

Может быть, правда, речь идет здесь о нашем Городе Огней, то есть об известном еще в античности капище огнепоклонников, об огненных фонтанах нефти, испокон веков бьющих из-под земли на Апшеронском полуострове? Гипотеза, конечно шаткая, но она непроизвольна, и ей хочется верить!

Книга о Фаусте, только что цитированная нами, была напечатана через тридцать лет после смерти несравненного азербайджанского лирика, человека горчайшей личной судьбы, бедняка, почти нищего, но поэта, гордого своей мощью, своей творческой властью над людьми. Это был Физули:

Все стихии вселенной слово мое не сотрут,
Не раздавит его колесо вероломной судьбы.
Пусть властители мира мне не даруют благ:
У меня в голове есть корона скромной моей резьбы.

Я свободен во всем! Кто бы ни был слушатель мой,
Ты не должен за корку хлеба преходящему быть слугой.

(Перевод В. Луговского)

Таким был запев азербайджанской лирики, ее сверкающий первоисточник. В дальнейшем эта песня разлилась половодьем широкой и бурной реки. Мы знаем самые крутые и высокие ее волны. Это страстная любовная лирика Вагифа, горестная философия мусаддесов (шестистиший) Видади, реалистическая поэзия Закира, высокий лирический строй просветителя азербайджанского народа Ахундова, с такой силой откликнувшегося в 1837 году на гибель Пушкина, и уже совсем близко к нашему времени — политическая сатира, гневная инвектива Сабира.

Здесь перечислено немногое, далеко не все в богатстве азербайджанской классики, названы только наиболее популярные имена, но ведь и их достаточно, чтобы дать представление об энергии этого векового поэтического напора, о разнообразии в нем направлений и оттенков.

Заслуга нашего советского, поэтического и литературоведческого, поколения, как в самом Азербайджане, так и у нас в России, заключается в том, что течение великой реки прослежено, что удалось добраться до ее народных первоисточников — подземных ключей в устной поэзии ашугов, в народном эпосе, в «Деде Коркуде», в «Кероглу» и в других народных преданиях.

Достаточно указать на две антологии азербайджанской поэзии, предшествующие настоящему изданию «Библиотеки поэта». Первая из них вышла в свет еще в 1939, вторая, трехтомная, — в 1960 году.

П. Антокольский

ПОЭЗИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

История азербайджанской поэзии изучена недостаточно. Еще не вскрыты ее древнейшие пласты, а некоторые ее страницы даже не написаны. И все же сохранившиеся поэтические памятники наполняют наши сердца гордостью за гений азербайджанского народа. Его вклад в сокровищницу мировой поэзии велик. В глубоком прошлом берет свои истоки азербайджанская поэзия. Еще в далекие мидийские времена, задолго до нашей эры, на равнинах и горах Азербайджана рождались песни, легенды и сказания. Трудно восстановить полностью поэтическое творчество седой древности, но некоторые его образцы все же дошли до нас. Историю многовековой поэзии Азербайджана нельзя понять без раскрытия исторических судеб азербайджанского народа.

1

XI—XII века — один из самых значительных периодов азербайджанской истории. Это — время укрепления государственной самостоятельности феодального Азербайджана, дальнейшего формирования его этнического состава, создания социально-экономических предпосылок для расцвета его культуры.

В первой половине XII века, в связи с распадом сельджукского государства, на политической арене выдвинулись два крупных азербайджанских феодальных царства — Ширван с центром в Шемахе и Азербайджанское атабекство с центром в Тебризе.

В Закавказье развивалась интенсивная политическая жизнь. К западу от Ширвана сильно выросла Грузия, переживавшая в эту эпоху национальный и политический подъем.

Ширван поддерживал с Грузией тесные политические и куль-

турные связи. Ширваншах Менучехр был женат на дочери грузинского царя Давида Строителя. Объединенные военные силы североазербайджанского государства и Грузии не раз отражали нападения хазар и сельджукских султанов. Во дворцах обоих государств устраивались поэтические турниры, встречались ученые мусульманского и христианского миров.

Создание крупной азербайджанской государственности, развитие городской жизни, связь с зарубежными странами создали предпосылки для подъема новой светской культуры, являющейся выражением протеста против необузданных и неограниченных феодальных насилий, классового гнета и закабаления народных масс деревни и города.

Глубокие изменения происходили и в этническом составе азербайджанского народа. В него вливались сотни тысяч семей огузских, туркменских, кыпчакских и других племен, поселившихся в Азербайджане и постепенно смешавшихся с аборигенами страны. Это оказывало влияние и на язык местного населения, на рост тюркоязычных элементов, на утверждение в Азербайджане нового народного языка, начало развития которого надо отнести к более ранним векам. На этом азербайджанском языке к XI веку и оформился один из выдающихся памятников мирового эпоса — «Китаб-и Деде Коркуд» («Книга деда Коркуда»).

Эпос создан народными певцами-озанами. По своему содержанию, исторической основе, идейным тенденциям и особенностям языка эпос «Деде Коркуд», бесспорно, связан с кавказским, азербайджанским миром. Он отобразил в себе основные стороны жизни и быта огузских племен в Азербайджане, героизм и доблесть, природу Кавказа, его горные ущелья и сочные роскошные луга, виноградные сады и шатры полукочевых скотоводческих племен, расселившихся в Азербайджане.

Эпос дошел до нас в записи XV века, находящейся в Дрезденской библиотеке. Еще в начале XIX века рукопись привлекала внимание западных ученых, и одно из сказаний было переведено на немецкий язык. К концу XIX века интерес к этому древнему памятнику особенно усилился. Эпос был переведен на русский язык В. В. Бартольдом, который в течение всей своей научной деятельности неоднократно возвращался к работе над ним. Кроме В. В. Бартольда, много внимания уделяли изучению «Китаб-и Деде Коркуда» А. Г. Туманский, К. А. Иностранцев и др.

Живо и ярко изображают озаны жизнь храброго и мужественного народа. Правда, честь, слава, защита родного очага, верность своей земле и племени, ненависть к врагам, высокие чувства

товарищества и долга — вот что характеризует полуфантастических, но в то же время правдиво изображенных героев «Деде Коркуда».

Одним из наиболее ранних сказаний, вошедших в книгу о Коркуде, надо признать «Сказание о Бамсы Бейреке», где рассказывается о любви Бейрека к Бану Чичек (девушка-цветок), о его пленении и возвращении на родину. В этом сказании, нашедшем, кстати, определенное отражение и в более позднем азербайджанском народном романе «Ашуг Гариб», есть мотивы, перекликающиеся с мотивами «Одиссеи» (возвращение Одиссея и избиение женихов Пенелопы).

Очень красочно по сюжету взволнованное сказание о Бугаче, сыне Дерсе хана: обманутый коварными вассалами, Дерсе хан ранит своего единственного и любимого сына, но мать спасает его от смерти, наложив на его рану бальзам «из горных цветов и материнского молока». Забыв о нанесенной обиде, в минуту смертельной опасности, на выручку своему отцу спешит благородный и отважный Бугач.

Сказания о «Безумном Домруле» и «Об убиении Бусатом Телегёза» перекликаются с героическими мотивами, характерными для древнего эпоса разных народов и стран.

Храбрыми и отважными изображены в азербайджанском эпосе не только мужчины, но и женщины. Храбростью и ловкостью не уступает своему возлюбленному Бану Чичек, необычайной силой и героизмом поражает всех трапезундская красавица Сельджан хатун, которую похищает влюбленный богатырь Кантуралы.

Много красочных, полных обаяния и поэтичности эпизодов в этом гениальном эпическом творении азербайджанского народа. «Деде Коркуд» не свободен от влияния идеологии феодальных слоев — кочевничьей знати, а также мусульманской религии, сузивших идейное богатство народно-эпических творений.

Эпос «Китаб-и Деде Коркуд» был создан на азербайджанском языке, но в силу исторически сложившихся условий поэты Азербайджана XI—XII веков, да и позднейших столетий, в значительной мере пользовались общекультурными языками Переднего Востока — арабским и персидским. На арабском языке развивалась наука, а на персидском — поэзия азербайджанского народа.

Азербайджанская классическая поэзия основана главным образом на квантитативном (метрическом) арабском стихосложении «аруз». Эта система стихосложения, основанная на чередовании долгих и кратких слогов, завоевала право гражданства в азербайджанской поэзии. Много выдающихся творений было создано азербайджанскими поэтами на основе этого стихосложения.

Но народной формой стиха является «хеджа», соответствующая силлабическому стиху. Для хеджа характерно равное количество слогов в каждой строке. Ашугские песни, стихотворные части дастанов написаны в этой стихотворной форме. Главное выражение хеджа находит в «гошма» — коротком одиннадцатислоговом лирическом стихотворении. К этой форме часто обращались поэты Азербайджана Насими, Хатаи, Амани. Но лишь после появления Видади, и особенно Вагифа, она одержала полную победу. В наши дни она является основной стихотворной формой азербайджанского стиха.

2

Крупнейшим представителем поэзии XI века был Катран Тебризи. Это один из первых поэтов Азербайджана, писавших на персидском языке. В среде придворных поэтов он выделялся широтой своих наблюдений, яркостью и свежестью таланта, ясностью и четкостью мысли, оригинальной образностью стихов. Даже в привычное прославление представителей придворного мира он вносил личное чувство, свои душевные движения, сочные поэтические описания природы. Его внимание привлекали и народные бедствия, как например землетрясение в Тебризе, к описанию которого он подошел как живой свидетель трагического события.

Талантливый поэт не мог до конца примириться с узкими рамками придворной панегирической поэзии и часто вводил в ткань своих стихов образы народных легенд, писал газели, рубаи, песни о страданиях и радостях человеческого сердца. Изредка в стихах Катрана можно услышать и голос протеста против несправедливостей тиранов, но подобные стихи теряются среди многочисленных его панегириков.

Периодом наивысшего расцвета азербайджанской культуры был XII век. Этот расцвет был тесно связан с ростом азербайджанских городов, пробуждением протеста против оков и гнета мусульманской церкви и феодального произвола.

Высокие крепостные стены, великолепные дворцы и мавзолеи, мечети, сторожевые башни строились в эту эпоху. До сих пор еще высятся полуразрушенные стены величественной Мардакянской башни, нахичеванских мавзолеев Атабека и Атабабы, построенных азербайджанским зодчим Эджеми Нахичевани, сыном Абубекра. Бирюзовой глазурью и искуснейшим орнаментом украшены эти архитектурные творения нахичеванского мастера. К этой же эпохе относят бакинскую «Девичью башню», дворец ширваншахов в Гюли-

стане, знаменитый Худаферинский мост через Аракс и другие мосты через реки Азербайджана. Керамика, роскошный орнамент на посуде, изразцовые фризы, тончайшая резьба на камне, богатство музыкальных мелодий, развитие хореографии свидетельствуют о том, что искусство этой эпохи отражало общий подъем азербайджанской культуры.

Литературная жизнь XII века протекала главным образом во дворцах крупных феодалов, в придворных кругах. Сюда стекались лучшие одописцы, здесь оформлялись эстетические вкусы и философские взгляды эпохи, процветала придворная, панегирическая поэзия. Основным ее поэтическим жанром была касыда — ода, развернутое и гиперболическое восхваление коронованных особ, льстивая и высокопарная поэзия. Но сама придворная поэзия не всегда носила единый характер. В противовес придворно-феодальной литературе, в борьбе с ней развивалась гуманистическая поэзия, лучшими представителями которой были Хагани Ширвани и Низами Гянджеви.

Хагани — старший современник Низами, один из самых ярких и блестящих представителей азербайджанского гуманизма. Несмотря на свои официальные связи с придворными кругами ширванских царей Менучехра и Ахситана, Хагани был правдивым и смелым обличителем несправедливостей своей эпохи, пламенно мечтавшим об освобождении человека от духовного и физического гнета, о свободе разума и личности.

Хагани вступил в литературу как крупнейший новатор стиха, как противник господствовавшего в XII веке панегирического пустословия. «Знатоки меня считают мастером, — писал поэт, — ибо я разрушил старые правила и обновил смысл слов».

Классовая борьба в литературе проявлялась в самых разнообразных формах. Резкая полемика между «царем поэтов» Абуль-Ула и Хагани, суровые отповеди Низами придворным поэтам-прихлебателям явились ярким проявлением той ожесточенной социальной борьбы, которая шла между консервативными и прогрессивными силами литературы в XII веке.

Размах творческой деятельности Хагани и Низами был обусловлен городской культурной средой XII века, той социально-исторической обстановкой, которая и создала возможность проявления идей Ренессанса в закавказских странах. Многие вопросы, поднятые позднее западноевропейским Ренессансом, уже волновали таких гигантов мировой поэзии, как Низами и Руставели.

Низами Гянджеви родился в городе Гяндже. Здесь провел он свою жизнь. С юных лет Низами овладевал науками, философией

античного и мусульманского мира, глубоко изучал историю, поэзию, астрономию, искусство, жизнь и быт народа.

Тысячами невидимых нитей связана поэзия Низами с народными массами, с политическим и культурным развитием его родной страны. Человек энциклопедических знаний, он чутко прислушивался к новым идеям, навеянным социальным протестом трудовых слоев города и деревни.

В творениях Низами — выдающегося представителя азербайджанского Ренессанса — была открыта человеческая личность как высшее создание природы. Религиозным, спиритуалистическим, мистическим воззрениям он противопоставил разум, как основу познания мира, мусульманскому аскетизму — общечеловеческие задачи, освобождение человека от феодального гнета, воспевание его земных интересов, радостей и счастья земного существования.

С особенной силой прозвучало в эту эпоху обращение Низами к языческому миру, к античности греческой и иранской, к культу языческой красоты.

В 1176 году Низами создал свое первое крупное произведение — «Сокровищницу тайн».[1] В рассказе о Нуширване и его визире поэт в остроумной форме осуждает век насилий, разорительных войн и феодального угнетения. Старуха прядильщица смело бросает в лицо султану Санджару обвинение в насилиях над народом. Султан — раб и ничтожество, хотя одет в царское платье. Он сорвал крыши с домов горожан, он вытряс зерно из колосьев дехкан, он попрал справедливость и закон. Но настанет день правосудия, и смерть найдет злодея и за царской стеной. Простой старик горожанин бесстрашно обвиняет царя в притеснениях народа, в жестокостях и злодеяниях. Кровавым тиранам Низами противопоставляет простых, честных, правдивых тружеников из народа — старика кирпичника, ремесленника, горожанина, мудреца. Правдивость, трудолюбие, уверенность в своих силах, мужество, честность, скромность, справедливость — вот те качества, которыми должен быть наделен человек. «Сокровищница тайн» освещает основы человеческого бытия, намечает пути к человеческому счастью, эта поэма — яркое выражение социальных идеалов Низами, передовое, мужественное произведение эпохи, имевшее огромное воспитательное значение.

Через несколько лет после создания «Сокровищницы тайн» поэт заканчивает поэму «Хосров и Ширин». Это песня о торжествующей любви, о всемогущей силе человеческих чувств, о человеке —

---

[1] Произведения Низами составят отдельный том второго издания Большой серии «Библиотеки поэта». — *Ред.*

творце своего счастья. Поэт поднял свой голос в защиту земной любви и жизни, в защиту земного, чувственного наслаждения, разума, свободы. Именно об этом говорят образы каменотеса Фархада, совершающего подвиги во имя любви преданной и благородной Ширин, готовой перенести любые страдания, любые жертвы ради своего возлюбленного. Все эти настроения и идеи, чуждые мусульманским религиозным представлениям, были освежающими, очищающими веяниями эпохи, выражением возрастающего среди народных масс протеста против религиозных и феодальных цепей, мечтой об осуществлении общечеловеческих этических идеалов.

Гуманизм Низами проявляется не только в повышенном интересе к внутреннему миру человеческой личности, но и в заботах о разумном, независимом, гармоническом и свободном существовании. Пусть любовь приносит страдания, горе и безумную скорбь, но она неотделима от человека, свойственна его природе, она составляет его неотъемлемое право, смысл и содержание земной жизни.

В поэме «Лейли и Меджнун» Низами привлек внимание людей XII века к новым, серьезнейшим проблемам человеческого бытия. И здесь перед нами — вера во всемогущую силу человека. «Если бы человек знал, каким образом бог сотворил вселенную, возможно, что и он смог бы так же сделать». Низами хорошо понимает, что в условиях деспотизма и жестокости царей, в условиях рабского существования, «гнев лучше подавлять и эти сказанные мною слова лучше не говорить, но с точки зрения опытности, безмолвие есть бесчестье». К стойкости, к целеустремленности, бодрости, к восстанию против мирских зол зовет Низами в поэме «Лейли и Меджнун».

Поэма защищает людей, терпящих несправедливость владык мира, переносящих безжалостную тиранию законов. Меджнун — птица с подрезанными крыльями. Лейли — узница, заточенная без цепей. Лейли и Меджнун гибнут в тщетном стремлении к своему счастью, и в этой трагической смерти двух влюбленных звучит голос всепобеждающей любви, правды, торжество человеческих чувств и разума.

В обеих своих поэмах — «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджнун» — Низами ставит вопрос о человеческом счастье. Он возвращается к этому и в поэме «Семь красавиц», законченной в 1197 году. Почему человек несчастлив? Почему он не может радоваться в полной мере солнцу, красоте, жизни? Добро? Да, оно может принести человеку некоторое успокоение. Правда? Да, и она может дать одному человеку счастье. Красота? Но ведь полностью вкусить сладости природы и красоты невозможно. Вместе с розами она несет и тер-

нии. Власть? Всего можно добиться властью, но и власть преходяща. Сасанид Бахрам владел всем: красивыми женами, богатствами и властью над землей и людьми, и благородством души, и любовью к правде. Но он не был счастлив, а народ под властью и этого, незлого, царя бедствовал и страдал. Даже простой пастух оказался более мудрым и трезвым, чем всесильный монарх. Так где же счастье?

Эта загадка стояла перед Низами и во время создания его последней эпопеи «Искендер-наме».

Самой высшей власти достиг Александр Македонский. Он сеял всюду добро и справедливость, он освобождал народы от неволи и гнета, он завоевал мировую славу, обеспечил расцвет греческой науки, дошел до края земли, где закатывалось солнце, даже пытался найти живую воду, достичь физического бессмертия, хотя это оказалось невозможным. Но он добился духовного бессмертия, оставил память в веках, и имя его никогда не забудется на земле. Так почему же и он ушел из мира без счастья, без улыбки и, умирая, не дошел даже до родины своей?

Десятки лет мучился Низами от неразрешимости этой великой общечеловеческой проблемы. Он написал сто тысяч стихотворных строк, лампада его горела над рукописью до утренней зари, но все было напрасно. Порою ему казалось, что он уйдет из мира, не найдя решения задачи. Но жизненный опыт, философия античного, мусульманского и христианского миров, а главное — философия самой жизни помогли ему ответить на вековой вопрос, найти свое собственное решение: не достаточно одному человеку быть счастливым и свободным. Только тогда человек станет в подлинном смысле слова свободным и счастливым, когда весь народ, все общество, все человечество станет таким. И в последних главах своей гениальной эпопеи об Александре Македонском Низами набросал общие контуры той счастливой жизни, к которой должно стремиться человечество.

Никто из представителей мировой поэзии до Низами не нарисовал столь величественную картину жизни грядущего человечества. Разумом и гением своим Низами предвосхитил на несколько веков и Данте с его «Божественной комедией», и Томаса Мора с его «Утопией».

В эпоху Низами жили и творили гянджинский хлебопек Гивами Мутарризи, сын потомственных ремесленников Хагани Ширвани, образованная и выдающаяся женщина XII века — Махсети Гянджеви. Махсети дерзко и открыто воспевала в своих четверостишиях радости земной жизни, страстное стремление освободить жен-

щин от оков религии, обычаев и традиций. Поэт Хагани, закованный в цепи в сырой Шаберанской темнице, восставал в защиту просвещенного ума, «окрыленного бега» к человеческому счастью.

Вся эта передовая гуманистическая поэзия противостояла реакционным литературным силам эпохи — придворной панегирической поэзии, служившей классовым интересам господствующих феодалов.

3

В 1221 году монголы вторглись в Азербайджан. Как смерч, прошли они через страну, сметая все на своем пути, особенно жестоко расправляясь с городами, оказавшими сопротивление. Монгольские ханы обложили страну неисчислимыми налогами. Грабеж и разорение дошли до чудовищных размеров.

Но уже во второй половине XIII века экономическое и политическое положение в Азербайджане несколько изменилось. Основанное Хулагу ханом государство эльханов превращалось в самостоятельное государство с центром в Азербайджане. Тебриз стал резиденцией правителей страны. Вся территория Южного и Северного Азербайджана вошла в состав нового государства. Укрепились торговые связи как внутри самого государства, так и с зарубежными странами. Китайские и генуэзские купцы стали нередкими гостями в Азербайджане.

Налаживалась и культурная жизнь. В 1259 году в Мараге была построена обсерватория. При Газан хане в Тебризе были организованы художественные мастерские, создан «Уголок ученых». Министром Газан хана стал Рашидеддин, автор знаменитой «Всеобщей истории». При дворе состоял штат художников, историков, географов. Науки и искусство нашли в лице эльханов благосклонных покровителей.

XIII, XIV и XV века — тревожные и неустойчивые периоды исторического развития Азербайджана. В то время, когда между туркменскими племенами Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу шла ожесточенная борьба за власть, в Ардебиле началось новое мощное движение семи крупных азербайджанских племен, называвшихся кызылбашами. После ряда серьезных неудач, в 1499 году им удалось завладеть Ширваном, а затем разгромить и государство Ак-Коюнлу. На руинах мелких феодальных государств была создана многонациональная азербайджанская держава, во главе которой стал юный потомок ардебильского шейха Сефи — Исмаил, выдающийся государственный деятель и одаренный поэт.

Правление шаха Исмаила (около 1485—1524) — важный этап в развитии феодального Азербайджана. Вместо феодальной раздробленности был создан новый политический порядок самодержавной власти, временно положившей конец междоусобным войнам кочевых племен. Границы государства были широко раздвинуты. Государство шаха Исмаила заняло видное международное положение. Со многими странами Востока и Запада завязались тесные дипломатические и торговые связи.

Объединение азербайджанских земель в одном государстве, укрепление экономики страны, международные связи создали условия для развития национального самосознания азербайджанского народа, лучшим выражением которого явился расцвет искусства и поэзии этой эпохи.

Вообще надо заметить, что XIV—XVI века являются веками постепенного подъема азербайджанской культуры. Задержать полностью ее развитие не смогли ни монгольское разорение, ни грабительское нашествие Тамерлана.

Еще в XIII—XIV веках в Барде и Карабагляре были воздвигнуты роскошные мавзолеи, а на Апшероне величественные замки и башни, сохранившиеся и до наших дней. А в XV веке был построен знаменитый бакинский дворец ширваншахов, являющийся одним из наиболее выдающихся памятников азербайджанского зодчества.

В эту же эпоху особенно пышно стала развиваться поэзия на азербайджанском языке. В конце XIII — начале XIV века жил и творил зачинатель азербайджанской письменной литературы Гасаноглу Асфараини. Благодаря патриотическому подвигу Гасаноглу народный язык одержал победу в письменной литературе. На этом языке писал свои богоборческие, пантеистические песни Насими Имадеддин, положивший на плаху свою голову ради торжества идеи свободного человека.

Насими родился в Ширване около 70-х годов XV века. Еще в молодые годы он бывал в Баку, где встречался с учителем хуруфитов философом Фазлулла Астрабади, павшим жертвой жестокого правления наместников Тамерлана. После смерти своего учителя Насими долгое время блуждал по городам и селам Ближнего Востока, пропагандируя идеи хуруфизма, собирая вокруг себя толпы последователей.

Хуруфитское движение было направлено против местной знати, высшего духовенства и иноземного гнета Тамерлана. В основе учения хуруфитов лежала мистическая идея о символическом значении букв Корана. Каждая буква, учили хуруфиты, — знак божий, и тот, кто познает эти буквы, сам становится богом. Отсюда еретическая

идея о человеке-боге, в образе которого сливается мир духовный и мир материальный — человеческий. Насими явился лучшим выразителем этого своеобразного пантеистического учения. За свои воинственные еретические стихи он был казнен блюстителями мусульманской религии в Алеппо в 1417 году.

В народе и сейчас передают легенду о трагической гибели поэта-пантеиста, смело выступившего против догматов ислама.

По преданию, песни Насими пользовались огромным успехом в народе. Один из чтецов был схвачен фанатиками. Его повели на казнь. Но вскоре явился сам поэт и потребовал, чтобы освободили невинного человека. Услыхав мужественное признание поэта в том, что он является автором еретического стихотворения, изуверы схватили Насими и специальным решением религиозных авторитетов — фетвой — осудили его на смерть. Долго мучили страстного вольнодумца. С живого человека сдирали кожу. Обливаясь кровью, но не падая духом, он произнес перед народом свой последний стих:

Если у аскета отрезать палец, он от бога отречется.
Смотри на стойкого певца, с него сдирают кожу — он даже
не плачет.

Силы изменяли поэту. Он умирал, лицо его бледнело, палачи смеялись над ним: «Насими, ведь ты утверждал, что ты — бог, так почему же бледнеет твое лицо?» Легенда гласит, что, когда Насими услышал эти слова, он собрал последние силы и дерзко бросил в лицо своим врагам слова, полные величия: «Я солнце, взошедшее над горизонтом великой человеческой любви. Когда солнце идет к закату, оно всегда бледнеет».

Так оборвалась благородная жизнь великого пантеиста, стихи которого звучат с потрясающей силой:

В меня вместятся оба мира,
Но в этот мир я не вмещусь.

Поэзия Насими на азербайджанском языке проложила путь дальнейшему развитию национальной литературы. Именами десятков поэтов украшены XV—XVI века, но среди них как яркие звезды горят имена Хабиби из Геокчая и Мухаммеда Физули. Большое значение в развитии азербайджанского литературного языка имела лирическая поэма «Дех-наме» («10 писем»), созданная Хатаи (поэтическое имя шаха Исмаила).

Ужасы и гнет феодальной тирании не могли заглушить чистый голос народного протеста. Поэзия Физули завершила победу родного языка над персидским и арабским языками:

Пусть многие свои стихи слагают на фарси
Затем, что трудно их писать на тюркском языке;
Пусть просторечием богат, не гладок, диковат,
Опасен он для мастеров, от славы вдалеке, —
На тюркском буду я писать! И раннею весной
Разглажу розы острый шип в нежнейшем лепестке.

Творчество Физули — выдающийся вклад азербайджанского народа в мировую поэзию. В отличие от мистико-религиозной поэзии шаха Исмаила Хатаи, эпикуреизма и гедонизма Хабиби, Физули воспел духовный мир человека, создал много пленительных лирических песен-газелей, сделавших его любимейшим поэтом народа. На всем Востоке Физули известен как мастер лирического стиха. Газели, созданные им, распевались не только среди тюркоязычных народов, но также получили признание персидского и арабского читателя. Физули поднял значение газели до небывалых высот. Лирические герои поэта — влюбленные юноши, жертвующие всем во имя достижения своих целей — встречи, соединения с любимой. Если любишь — ты бесстрашен, терпелив, добр, человечен. Так утверждает поэт. В своих газелях Физули воспел достоинство, физическую и духовную красоту реальных людей, живущих земными интересами.

У Низами и Физули училась вся классическая литература Азербайджана, их творения стали достоянием и других народов, десятки лучших поэтов мусульманского мира видели в них своих учителей. Влияние, которое оказали эти два поэта на литературу, свидетельствует о выдающейся исторической роли азербайджанского народа в судьбах ближневосточных стран.

Просвещенный человек своего времени, поэт, ученый, Физули высоко поднял значение родного языка, создав вдохновенные газели и гениальную романтическую поэму «Лейли и Меджнун». Много поэм было создано о любви Лейли и Меджнуна, но ни одна из них не подымалась до уровня бессмертной поэмы Низами, написанной на персидском языке. Лишь творение Физули можно смело поставить в один ряд с поэмой его великого земляка. Физули отлично знал, какие трудности ожидают его при создании этой поэмы, но он смело взялся за дело и добился победы. Этой поэмой Физули наглядно доказал могущество и богатство азербайджанского языка. По своим художественным достоинствам «Лейли и Меджнун» Физули

является одним из наиболее совершенных произведений мировой литературы.

Физули осудил в своих стихах коварство, предательство, преступления, кровавые войны своего века, выступил в защиту прав человека, разума и свободы.

В наиболее резкой форме критика язв общественного строя, современником которого был поэт, нашла свое отражение в его замечательном «Шикает-наме» («Жалобы»). Между прочим, это первое прозаическое произведение в жанре социальной сатиры, написанное на азербайджанском языке. Беспощадно заклеймил поэт сильных мира сего. В многочисленных аллегорических поэмах Физули отстаивал передовые идеи своего века, защищая правду и справедливость, идею централизации государства, законность, мир и порядок в стране. Особое место среди аллегорий Физули занимает его поэма «Бенг-у-Баде» («Гашиш и вино»). Широко используя богатые возможности аллегории, Физули вскрывает причины бессмысленных феодальных войн. Поэт с болью в сердце повествует, что часто войны, стоящие жизни тысячам простых тружеников, начинаются из-за эгоизма и себялюбия государей. В этом произведении с большой силой зазвучали гуманистические мысли поэта, который мечтал увидеть землю, свободную от войн.

4

В конце XVI века, после смерти Физули, кызылбашское государство, не нашедшее в лице преемников шаха Исмаила сильных правителей, постепенно утратило свою независимость.

Азербайджан XVII века вновь был раздроблен на мелкие феодальные владения, на его территории стали создаваться многочисленные небольшие ханства, раздираемые междоусобными феодальными войнами. Страна стала вновь подвергаться нашествиям турок и иранцев, беспощадно расправлявшихся с азербайджанским населением. С новой силой разгорелась борьба народных масс за освобождение от чужеземного и феодального гнета.

Ярким выражением подъема освободительной борьбы служит народный героический эпос «Кероглу», направленный против гнета турецких султанов и пашей. Героические мотивы «Кероглу» воплотили свободолюбивые стремления трудовых слоев, ненависть и гнев народа против захватчиков.

Весьма богата народная эпическая и песенная литература того времени, существовавшая в самых различных жанрах (народные

романы, поэмы, сказки, притчи, бытовые и социальные зрелища, песни-баяты, поговорки и пословицы). Это сокровищница мудрости, практического разума, правды, светлых дум, нежных чувств, благородных идей. Несмотря на известную ограниченность, связанную с влиянием религиозного мировоззрения, народная литература, как и литература письменная, отражает своеобразие жизни и быта, прекрасные качества азербайджанского народа — простоту, душевность, любовь к правде и справедливости, наконец, его свободолюбие и героизм.

Раздробленный, истощенный, переживший унижение, позор и неволю, азербайджанский народ в XVII—XVIII веках лишился прежних политических и культурных центров. Но из тьмы феодальной ночи раздавался голос лучших людей Азербайджана, осуждавших лихолетия, войны и гнет, выносивших суровый приговор позорному и жестокому веку:

Нет, привлекают меня не богатства земные,
Не суета, не раздоры, не помыслы злые.
Вспомню о бедных, о горестях их на чужбине —
Слезы, кровавые слезы глаза застилают.

Так писал Видади.

Крупнейшие азербайджанские поэты XVIII века Видади и Вагиф были хорошо знакомы с классическими традициями восточной поэзии, но выросли и воспитались они на лучших образцах поэзии ашугов, и это в значительной мере способствовало тому, что их творчество стало достоянием широких народных масс.

Видади ясно видел и ощущал трагический характер своей эпохи, необузданный произвол, деспотизм феодальной знати. В одном из лучших своих произведений, «Журавли», Видади выразил горькие раздумья над окружающей его действительностью:

Я скажу, и в словах моих правда живет:
Вас крылатый злодей на дороге ждет,
Злобный сокол размечет ваш перелет,
Алой кровью окрасите грудь, журавли!

Тяжелая обстановка произвола и деспотизма феодального строя, частые разорительные войны с иноземными захватчиками и ханские междоусобицы наложили отпечаток пессимизма на творчество поэта. Эти настроения нашли свое отражение в «Мусибат-наме» («Книге страданий») поэта, где он с душевной болью призывает феодалов к миру и справедливости, осуждает бесконечные войны ханов, несу-

щие неисчислимые бедствия народу. Однако необходимо отметить, что Видади, несмотря на пессимистические мотивы, не приходит к фатализму, не теряет веры в лучшее будущее.

Видади вместе со своим другом и современником — выдающимся поэтом Вагифом — значительно обогатили лирическую поэзию Азербайджана, мастерски использовав замечательные образцы народной поэзии.

Велико обаяние стихов Вагифа, считающегося основоположником новой азербайджанской поэзии, во многом освободившейся от влияния устаревших классических традиций. Вагиф оживил и упростил поэтический язык, приблизил форму стихосложения к фольклору. Поэт-ученый, визирь Карабахского ханства, Вагиф был выдающимся человеком своего времени. Светлое и радостное восприятие мира — основа поэзии Вагифа, и это отличает его оптимистическое творчество от творчества Видади. Любовь, человеческая красота, картины природы — основные мотивы поэзии Вагифа.

Простота, искренность, мелодичность стиха сделали лирику Вагифа народной. Много поколений азербайджанских ашугов учились у него поэтическому мастерству. Крупный государственный деятель XVIII века, Вагиф был сторонником ориентации на союз и дружбу с Россией. Он явился одним из вдохновителей борьбы против иранского шаха Ага Мухаммед хана. Жизненные невзгоды, превратности политической судьбы, вражда и коварство согнули главного визиря Карабаха в последние годы его жизни. Жестокая действительность разрушала романтические грезы поэта. И тогда раздавался крик боли и тоски:

Я правду искал, но правды снова и снова нет:
Всё подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят, в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей —
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей...

Неприятности и тяготы, вызванные борьбой с политическими противниками, отравляли поэту жизнь. Оптимизм и радостное мироощущение сменяются язвительной иронией. Вагиф проникается ненавистью к окружающему миру, презрением к системе насилия, обмана, зла и притворства, создает поэтические произведения большой силы.

В истории азербайджанской поэзии Вагиф создал новое направление, основал свою поэтическую школу.

Творчество Вагифа заканчивает и как бы подытоживает путь, пройденный азербайджанской поэзией в XVII и XVIII веках.

5

С начала XIX века наступает новая полоса в исторических судьбах азербайджанского народа. Присоединение Азербайджана к России в первой четверти XIX века стало крупнейшей вехой и в истории его общественной и художественной мысли.

Азербайджан к этому времени представлял собой феодальную страну. Самодержавие искусственно сдерживало экономическое и культурное развитие азербайджанского народа. Но несмотря на все преграды, чинимые реакционным царским режимом, передовые деятели Азербайджана близко общались с русским народом, осваивая его богатейшую культуру. Лучшие люди страны упорно и неустанно боролись за дружбу с Россией, за приобщение к ее демократическим традициям.

Бакиханов (1794—1846), крупнейший азербайджанский ученый и писатель первой половины XIX века, был первым общественным деятелем, который сумел повернуть развитие культуры родного народа в сторону сближения с русской культурой. Его связи с А. С. Грибоедовым, А. С. Пушкиным, А. А. Бестужевым — яркий факт в истории культурных взаимоотношений наших народов.

Прогрессивные стороны деятельности Бакиханова высоко поднял, развил, обогатил и укрепил его младший современник Мирза Фатали Ахундов, с именем которого связана вся передовая демократическая азербайджанская культура XIX—XX веков.

М. Ф. Ахундов является основоположником азербайджанской драматургии. В своих комедиях «Молла Ибрагим Халил-алхимик», «Мусье Жордан», «Визирь ленкоранского хана», «Гаджи Кара» и других драматург разоблачает предрассудки, отсталость, деспотизм. Известный на Западе и в России как азербайджанский Мольер, М. Ф. Ахундов выступил первым поборником новой реалистической школы, крупнейшим новатором своей эпохи. Он вырос в борьбе против мистической поэзии, против идейно убогой лирики поборников «искусства для искусства», занявших видное место в литературных меджлисах XIX века.

В творчестве М. Ф. Ахундова заметное место принадлежит поэзии. Свое первое крупное поэтическое выступление М. Ф. Ахундов

посвятил смерти А. С. Пушкина. Мотивы этого стихотворения являются выражением тех новых веяний, которые властно входили в общественную и литературную жизнь XIX века. В стихотворении «О новом алфавите» М. Ф. Ахундов говорит о борьбе за новую азербайджанскую письменность, о косности религиозных, феодальных кругов, препятствующих принятию алфавита, доступного широким кругам народа.

Большим успехом пользовались также стихотворения М. Ф. Ахундова, посвященные борьбе против религиозных предрассудков и вековой отсталости азербайджанского народа.

Повесть «Обманутые звезды» явилась не только обличением паразитизма, дикости феодального государства, но и выдвинула идею необходимости борьбы против несправедливой власти. Песня песней Ахундова — его знаменитые «Письма индийского принца Кемалуддовле к иранскому принцу Джелалуддовле и ответ последнего». Эта книга — боевой материалистический памфлет, направленный против тирании феодалов и нищеты религиозной мысли ислама, его реакционной и человеконенавистнической сущности.

В своей беспримерной в истории народов Ближнего Востока критике старого мира, выражая свободолюбивые стремления азербайджанского народа, Ахундов опирался на учение русских революционных демократов, вдохновлялся идеями освободительной борьбы своей эпохи. Мы смело можем назвать его гениальным учеником революционно-демократической литературы, просветителем, который, не отрываясь от родной почвы, выдвигал существенные и волнующие вопросы азербайджанской действительности.

Одним из крупных представителей азербайджанского реализма первой половины XIX столетия был поэт Мирза Шафи Вазех, известный в Европе по переводам Фридриха Боденштедта. Большое поэтическое дарование, философское отношение к действительности, реалистическое мироощущение, остроумие, трезвость мысли, глубокий лиризм, политическая ирония — таковы отличительные черты Мирза Шафи, как можно судить о нем по сохранившимся произведениям, материалам о его жизни, отзывам современников и переводам Фридриха Боденштедта.

Уже к началу 1830-х годов Мирза Шафи выдвигается как крупный азербайджанский ученый и поэт. К этому же времени (1832—1833 гг). относится его встреча с юным Мирза Фатали Ахундовым, сыгравшая в жизни последнего большую роль.

Хорошо знакомый с основами мусульманского богословия и пантеистической философией Востока, Мирза Шафи явился одним из активных борцов против средневековых догматов ислама. Он

выступал с критикой духовенства, разоблачал предрассудки и фанатизм, бичуя окружавшую действительность в остроумных и смелых стихах. Не случайно Мирза Шафи подвергался преследованиям со стороны духовенства. Его стихи встречались бранью и насмешкой, но несмотря на это имели большой успех у народа.

В песнях Мирза Шафи бьет ключом жизнерадостная поэзия, любовь, глубокий оптимизм, твердая вера в жизнь, в счастье, в земной рай.

В сороковых годах Мирза Шафи был учителем азербайджанского языка в одном из тифлисских учебных заведений, которым руководил известный армянский писатель Хачатур Абовян. В Тифлисе Мирза Шафи познакомился с немецким востоковедом Фридрихом Боденштедтом, вел с ним частые беседы на литературные и философские темы. Боденштедт, увлеченный замечательной личностью и поэзией Мирза Шафи, записал под диктовку многочисленные песни поэта.

После отъезда из Тифлиса Боденштедт изложил свои впечатления о пребывании на Кавказе в книге «1001 день на Востоке» (1850), где он дал яркое описание встреч с поэтом Мирза Шафи и привел ряд его стихотворений в переводе на немецкий язык. В 1851 году Боденштедт издал целый сборник своих переводов под названием «Песни Мирза Шафи». Книга имела огромный успех. Впоследствии Боденштедт пошел на открытый плагиат и цинично объявил переведенные стихи своими. Советское литературоведение разоблачило беспрецедентный плагиат немецкого путешественника.

В азербайджанской поэзии XIX века значительное место занимает лирическое творчество поэтессы Натаван Хуршидбану.

Натаван глубоко понимала и знала произведения классиков азербайджанской поэзии, она умело и с пользой училась на произведениях великого Физули и Вагифа. Изящные, умные стихи поэтессы Натаван овеяны романтической дымкой пленительной поэзии Физули. В поэзии Натаван преобладают мотивы любви.

В середине XIX столетия она организовала в Шуше литературный кружок, на собрания которого съезжались лучшие поэты тогдашнего времени. Ее свободолюбие, независимый образ жизни, участие в поэтических состязаниях, близкое знакомство со многими поэтами сделали эти собрания одной из блестящих страниц в истории литературной жизни Азербайджана XIX века.

Одним из крупнейших представителей азербайджанской сатирической поэзии XIX столетия является замечательный лирик и стилист Касум бек Закир.

В сороковых годах прошлого столетия Касум бек Закир был уже

известным поэтом, автором многочисленных сатирических стихов, направленных против мулл, помещиков и царских чиновников.

Блестящий талант поэта-сатирика, резкая критика существующих порядков, смелость создали ему немало врагов среди фанатиков и имущих слоев, вызывали гнев местных властей.

Я не боюсь ни шахов, ни царей,
Родившись львом от матери своей, —

так характеризовал себя Закир. Он беспощадно клеймил продажность царских чиновников, лицемерие мулл, насилие и жестокость помещиков, жадность купцов. О беззакониях и жестокостях, творимых царскими чиновниками в Карабахе, с большой смелостью и силой он говорил в своих поэтических посланиях. Закир реально ощущал противоречия действительности, едко и зло осмеивал деспотизм и произвол феодального общества.

Закир, являясь продолжателем реалистической школы Вагифа, был главой нового сатирического направления в поэзии XIX века, он писал простым, понятным языком, всеми силами стремясь стать близким своему народу. Для творчества Закира характерны пафос обличения и в то же время глубокий лиризм. В его наследии большое место занимают лирика, басни и сказки.

Замечательным поэтом второй половины XIX века был просветитель, сатирик, лирик Сеид Азим Ширвани. Вся его жизнь и все творчество были посвящены борьбе с фанатизмом, пропаганде просветительских идей. В условиях патриархально-феодального Азербайджана творчество Сеид Азима Ширвани сыграло прогрессивную роль, содействуя росту культуры и самосознания трудящихся масс. Своими смелыми выступлениями он вызывал тревогу у мулл и изуверов. Автор бичующей просветительской сатиры был объявлен еретиком.

Основное место в лирической поэзии Сеид Азима Ширвани занимают его замечательные газели. Известно до 1000 газелей поэта. В своих лирических произведениях Сеид Азим следует по стопам Физули. Его лирические стихи оказали большое влияние на всю последующую азербайджанскую поэзию. Поэт с уважением относился к русской культуре, призывая своих современников изучать русский язык и литературу. В Шемахе в 1875 году Сеид Азим Ширвани открыл русско-азербайджанскую школу, сыгравшую большую роль в борьбе за культуру. Одно из своих произведений Сеид Азим Ширвани посвятил памяти А. С. Пушкина в день открытия ему памятника в Москве в 1880 году.

Под воздействием передовой русской культуры перед демократической интеллигенцией Азербайджана открылся путь к освобождению народа от феодального гнета, путь борьбы за счастье и свободу.

Вслед за Ахундовым на арену борьбы против реакционной феодальной культуры, за науку и прогресс выступил Гасан бек Зардаби, крупнейший азербайджанский публицист и общественный деятель, издатель первой демократической азербайджанской газеты «Экинчи» («Пахарь»), издававшейся в 1875—1877 годах. Под знаком реализма развивалось и творчество Наджаф бека Везирова, А. Ахвердиева, Д. Мамедкулизаде, которые, следуя лучшим традициям передовой азербайджанской интеллигенции, учились бороться за счастье и свободу родного народа у революционных мыслителей России, у передовой русской литературы.

6

Революция 1905 года вызвала огромный демократический подъем и могучий рост мирового освободительного движения. Разбуженные раскатами революции, народы Азии включились в революционно-демократическое движение.

Революционный подъем охватил и Азербайджан. 13 декабря 1904 года началась грандиозная всеобщая стачка в Баку.

Напуганная силой революции отсталая азербайджанская буржуазия вместе с дряхлым и уже гибнущим помещичьим классом бросилась в объятия царизма, реакции, мракобесия, национализма, панисламизма. К могучему революционному движению примыкали лучшие люди азербайджанского народа — «молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам, демократия азиатских стран». [1]

Как сложившаяся нация азербайджанский народ заявил о себе накануне тех лет, когда в Закавказье были созданы боевые организации большевистской партии, сплачивавшей трудящихся русских, азербайджанцев, армян для решительной борьбы против царизма и буржуазно-помещичьего гнета.

В борьбе против поработителей и эксплуататоров народа объединялись передовые рабочие всех национальностей. «У нас и на Кавказе, — писал В. И. Ленин Горькому в 1913 году, — с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали *вместе,* в *единой* с.-д. организации *больше десяти лет*. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение». [2]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 19, стр. 66.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 35, стр. 58.

Так решала национальный вопрос большевистская партия, в то время как самодержавие и буржуазия всячески натравливали друг на друга различные национальности Закавказья.

Азербайджанская буржуазия, проповедуя воинствующий национализм, заражая воздух отравой пантюркизма и панисламизма, служа на деле турецкой реакции и западноевропейским империалистам, пыталась отнять у азербайджанского народа его родной язык, подавить в нем стремление к свободе, превратить его в покорного раба бакинских нефтепромышленников и гянджинских помещиков.

«В *каждой* национальной культуре, — писал В. И. Ленин, — есть хотя бы не развитые *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры». [1]

В дореволюционном Азербайджане на роль господствующей культуры претендовала буржуазно-помещичья культура, и лозунг «национальной культуры» был лозунгом буржуазной нации, лозунгом реакционным, антинародным, направленным к порабощению и угнетению народных масс.

Али бек Гусейнзаде и Ахмед бек Агаев, «властители дум» азербайджанской буржуазии начала XX века, проповедовали в своих писаниях классовый мир, возбуждали ненависть к другим национальностям, низкопоклонствовали перед царизмом и турецким халифатом.

Именно в этот период на литературной арене появляется могучая фигура Мирзы Алекпера Сабира. [2]

Сабир внимательно прислушивался к голосу революции. Как эхо революционных битв звучали в его стихах слова гнева, надежды, ненависти, веры в будущее:

А если уйду — ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зари!
Свобода, великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 20, стр. 8.

[2] Произведения Сабира составят отдельный том второго издания Большой серии «Библиотеки поэта». — *Ред.*

Сабир, великий народный поэт, глубоко знавший классическую и народную поэзию, выступил в начале XX века как новатор, создатель нового стиля, понятного широким народным массам. Он обладал редким талантом доносить до народа сложнейшие общественно-бытовые, политические и международные проблемы. Поэтичность и простота, идейность и народность в настоящем смысле этого слова характеризуют творчество этого мастера поэзии.

Большое агитационное значение имела сатира Сабира. Он был поэтом-агитатором, художником-реалистом. Ни одна крупная общественно-политическая проблема не ускользала от внимания Сабира. Сабир с едкой насмешкой рисует картины старой жизни, ее темные стороны и заставляет читателя проникаться ненавистью к этому страшному миру. Беспощадное перо Сабира жалило духовенство и религию, невежество и фанатизм. Изображая старый быт, рабство и неравенство женщин, Сабир всегда стоял на передовых позициях своего времени. Как поэт революционной эпохи, эпохи широких народных движений, Сабир высмеивал все реакционное, мешающее движению вперед. Он понимал историческую миссию рабочего класса, воспевал интернационализм.

Стихи Сабира, пробуждавшие классовое самосознание, находили широкий отклик не только в Азербайджане, но также на всем Ближнем Востоке. Сабир был певцом национально-освободительного движения народов феодального Востока. Его стихи заучивались наизусть и вдохновляли трудящиеся массы на борьбу за свободу и счастье.

Современником и другом Сабира был поэт Аббас Сиххат (1874—1918), представитель азербайджанского романтизма начала XX века.

Аббас Сиххат боролся за просвещение, за культуру, против продажности и лицемерия духовенства, против либерализма буржуазной интеллигенции.

В поэзии Сиххата романтические и сентиментальные элементы сочетаются с реальными картинами крестьянской жизни и природы.

На творчество Сиххата огромное влияние оказала русская поэзия — стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других. Под влиянием некрасовского «Поэта и гражданина» Сиххат написал одно из лучших своих произведений — «Поэт и муза». Он является автором замечательных произведений для детей. Аббас Сиххат широко известен среди азербайджанских читателей своими талантливыми переводами русских и западноевропейских поэтов.

В сложной обстановке революционной борьбы народа со ста-

рым миром начали свою литературную деятельность азербайджанские поэты-романтики Мухаммед Хади и Гусейн Джавид.

Творческая деятельность Мухаммеда Хади относится в основном к 1905—1919 годам. Творчество Хади глубоко противоречиво по своим идейным тенденциям, временами поэт оказывался в плену реакционных настроений. В 1906—1907 годах Хади близко познакомился с литературой, философией и общественной мыслью Запада. В частности он интересовался творчеством Виктора Гюго, Шиллера, произведениями немецкой идеалистической философии.

В 1908 году вышел сборник стихов Хади «Фирдовси-илхамат», имевший большой успех.

Поэт любит свою родину, народ, хочет помочь ему, но не видит реальных путей к этому. Через все творчество Хади проходят идеи просветительства. Выступая против служителей религии, он призывал народ к знанию.

С 1914 года Хади жил в Баку. Здесь он переводил на азербайджанский язык Омара Хаяма, увлекся учением Дарвина.

Испытывая определенное влияние буржуазной пропаганды, Хади часто принимал за чистую монету обещания буржуазных политиков. Однако горькая действительность скоро возвращала его к реальной оценке вещей. И тогда Хади впадал в глубокое отчаяние. Его духовный кризис обострился после пребывания на фронте во время первой мировой войны. В ряде произведений поэт резко клеймил организаторов войны.

Во многом противоречиво и литературное наследие Гусейна Джавида. Начало его литературной деятельности (примерно до 20-х годов) отмечено влиянием мистики и идеализма.

Не сразу Джавид понял советский строй, он прошел долгий, мучительный путь колебаний. В последние годы своей литературной деятельности Джавид сделал определенные попытки приблизиться к современности, уяснить смысл великих преобразований, происшедших в жизни азербайджанского народа.

Широкой известностью пользуются драмы поэта «Шейх Санан», «Иблис», «Шейда», «Сиявуш» и другие. В этих драмах Джавид показывает трагедию личности в капиталистическом обществе. Он восстает против материальной и моральной неволи, но не видит пути, который привел бы человечество к освобождению. В одном из своих лучших произведений, пьесе «Шейх Санан», автор смело противопоставил силу любви религии.

В таких произведениях, как «Азер», «Князь», «Хайям», написанных в последние годы жизни поэта, проявилось его сочувствен-

ное отношение к существующему советскому строю, признание великих достижений социалистической революции.

В противовес романтическому течению, после революции 1905 года в азербайджанской литературе заметно возрастает значение реалистических традиций, возрожденных и высоко поднятых демократической интеллигенцией, тесно связанной с широкими массами народа. Писатели-демократы, сочувствуя растущему революционному движению, подняли знамя борьбы против мракобесия, фанатизма, помещичьего гнета, реакционной идеологии пантюркизма. На простом народном языке они обращались к многомиллионным массам, беспощадно разоблачали продажность и паразитизм духовенства, кровавые методы колониальной политики царизма, продажность и антинародность шахской и султанской власти, их лакейство перед империалистическими государствами Европы.

Демократическая литература сыграла огромную роль в революционизировании масс, в подъеме национального самосознания азербайджанского народа. Журнал «Молла Насреддин», издававшийся писателем-демократом Джалилом Мамедкулизаде, стал орудием революционного воспитания масс, знаменем демократии и прогресса. На страницах «Молла Насреддина» выступал великий народный поэт Сабир, пламенно ратовавший за высокоидейное искусство, объявивший беспощадную войну старому миру. Большевики Азербайджана поддерживали это демократическое движение в борьбе против самодержавия и капитализма.

Азербайджанская литература XIX—XX веков, насыщенная идеями патриотизма, народности, гуманизма, являлась могучей трибуной борьбы за освобождение народных масс от феодального и капиталистического гнета. «Литература у народа, не имеющего политической свободы, — говорил Герцен, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести».[1]

Русская литература была великой школой для многих демократических писателей эпохи. Гоголь, Горький стали излюбленными писателями Мамедкулизаде и Ахвердиева. Реалистическая школа Ахундова и русская культура помогли им найти путь к художественной правде, высоко поднять значение реалистического искусства в Азербайджане.

В эту эпоху зародилась пролетарская литература. На страницах большевистской печати появились произведения первых рабочих

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. 6. Пг., 1919, стр. 350.

поэтов. Широкое распространение получила революционная публицистика. Пламенные статьи Нариманова Нариманова и Мир Джафара Пишевари помогали борьбе за свободу и счастье азербайджанского народа.

28 апреля 1920 года в Азербайджане была восстановлена советская власть. «Ровно в полночь 27 апреля, — говорил С. М. Киров, — у дверей, ведущих в страны Восходящего солнца, свершилось событие, от которого подгнившая буржуазная капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключается в том, что изнывавший под бекоханским игом Азербайджан повенчался с Великой Советской страной — Рабоче-крестьянской Россией». [1]

Уничтожение национального гнета и победа советского строя привели к национальному возрождению азербайджанского народа, к росту его национальной культуры, к укреплению дружеских интернациональных связей со всеми народами Советского Союза. Возрожденная нация создала свою новую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

В больших успехах азербайджанской литературы нашло яркое отражение культурное и национальное возрождение азербайджанского народа, обеспеченное национальной политикой советского государства, грандиозными достижениями социалистического строительства в Азербайджане.

М. Рафили

---

[1] С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М., 1937, стр. 42.

СТИХОТВОРЕНИЯ

КАТРАН ТЕБРИЗИ

Катран ибн Мансур Тебризи родился около 1010—1013 года в Шадиабаде, недалеко от Тебриза, крупнейшего города в Южном Азербайджане.

Жизнь и творчество Катрана изучены очень мало. Сохранившиеся отрывочные сведения не дают возможности воссоздать его полную биографию.

Еще в молодые годы он попадает во дворец правителя Аррана Абульхасана Али Лашкари. Выступив в качестве придворного поэта, Катран писал панегирические произведения. Из Гянджи он перебрался в Нахичевань и служил при дворе Абу Долафа Дейрани, а затем уже прославленным поэтом вернулся на родину в Тебриз. В то время эмиром области Южного Азербайджана был Абу Мансур Вехсудан ибн Мухаммед, к которому и поступил на службу Катран. Надо полагать, что к 1042 году он уже проживал в Тебризе; в этом году в Тебризе произошло большое землетрясение, во время которого часть города была разрушена и погибло около сорока тысяч человек. В одной из своих касыд Катран описывает это страшное стихийное бедствие. В 1046 году он все еще находился в родном городе. Поэт и мыслитель Насири-Хосров, посетивший в этом году южноазербайджанскую столицу, рассказывает о своей встрече с азербайджанским поэтом. «В Тебризе, — пишет Насири-Хосров в своей книге путешествий «Сафар-наме», — я встретил поэта, по имени Катран. Он писал прекрасные стихи».

После смерти Абу Мансура Вехсудана в 1060 году на престол вступил его сын Мемлан ибн Вехсудан. Некоторое время Катран провел при его дворе. Большинство касыд Катрана было посвящено именно этим двум азербайджанским эмирам.

По-видимому, пребывание Катрана в Тебризе было довольно продолжительным, но к концу своей жизни, в преклонном возрасте, он вновь посетил Гянджу, которую поэт никогда не забывал и воспел в ряде своих стихотворений. Именно в Гяндже он завоевал большую славу и никогда не терял с ней связи. «Если вино во всяком месте и всякой земле запретно, — писал он в одном из своих стихотворений, — то в Гяндже для меня теперь вино не запретно.

Ибо Гянджа теперь похожа на вышний рай, а не запретно вино в вышнем раю».

Очень трудно определить точную дату смерти Катрана. Одна из последних касыд поэта была посвящена гянджинскому правителю Фазлун ибн Ал-Фазлу; это стихотворение, по-видимому, написано в 1075 году. Катран Тебризи умер в начале последней четверти XI века.

Сохранился ряд рукописей «Дивана», созданного Катраном, но многие его стихи до последнего времени не были опубликованы. В 1954 году в Тебризе Мухаммедом Нахичевани был издан «Диван» Катрана, являющийся пока единственным полным изданием его поэтического наследия.

КАСЫДА О ТЕБРИЗСКОМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ

Нет, не сбываются надежды никогда:
Вселенная в своих устоях не тверда.

Меняешься ты сам, несутся дни и ночи,
Не мешкают в пути, спешат вперед года.

Ты будущего ждешь, заботишься о мелком —
А рок настороже, и близится беда.

Счастливец, ты решил, что избежишь несчастий,
Что и красавица навеки молода! ..

Спокоен был Тебриз, богат и многолюден,
Тускнели рядом с ним другие города.

Слуга или эмир, — согласно распорядку,
Все знали благодать любимого труда,

Служили ближнему и славили аллаха.
Здесь слава и почет, там изгнана нужда;

Здесь вина сладкие и звонкие газели,
Там всадники летят, джейранов бьют стада;

А где-то слушают певиц сладкоголосых,
Целуют ветрениц, пока горит звезда.

Никто не клеветал на друга и соседа,
И ругань грубая бывала всем чужда.

И некий день пришел — земля заколебалась,
Низина вспучилась, как горная гряда,

И почва треснула, и скорчились деревья,
И всюду хлынула свирепая вода.

И те, что выжили, в рыданьях убежали,
В подкову согнуты от страха навсегда.

Аллах вселенную лишил ее величья,
Земная красота исчезла без следа.

ГАЗЕЛИ

* * *

В день свидания с любимой ночь разлуки так пугает,
Горем согнут, я бледнею, — так ущербный месяц тает.

Лунного страшась затменья, я боюсь луны сиянья,
Не могу смотреть, как солнце предзакатное пылает.

Я решил себе отныне запретить печаль разлуки,
Запретить себе свиданье, хоть его и разрешают.

Ведь в разлуке есть отрада — есть надежда на свиданье;
А свидание с любимой нам разлукой угрожает.

С черной родинкой красотка луноликая поспешно,
Чуть уйти я вознамерюсь, мне дорогу преграждает.

Запылает вся от гнева так, что губки затрясутся,
А в глазах ее лукавых словно грозы засверкают.

Помешать уйти пытаясь, быстро шепчет мне: «Постой же!»;
Даже все мои исполнить притязанья обещает.

* * *

От роз, раскрытых каплями дождинок, земля красна
и как рубин сверкает.
Деревьев ветви свежими плодами весна, как яхонтами,
украшает.

Как будто струны арфы с лютней звонкой звучат
на тополе в душистых ветках,
То горлинку окликнет голубь страстно, то нежно
горлинка к нему взывает.

Как друг с лицом приветливым, открытым, земле,
раскрывшись, улыбнулась роза,
А облако, подобно мне, льет слезы и землю щедро
влагой окропляет.

Вот ветер утра взялся за работу — стремится сад
украсить попышнее.
Деревья стали на невест похожи, он бережно фату им
поправляет.

Как в небе облаков большие клочья порой застынут,
будто недвижимы,
На склонах гор высоких, на вершинах остался снег
местами и не тает.

Раскрылся мак, а в самой середине перемешался
красный с черным цветом,
Нарцисс раскрылся, — желтый цвет каймою изящно
белый венчик обрамляет.

А в центре словно пламя с черным дымом, как бы
внутри священной даровницы,
Серебряную чашу с позолотой раскрывшийся цветок
напоминает.

Зацветшие сады и огороды в цветеньи белом словно
серебрятся,
Земля по берегам ручьев и речек душистым мускусом
благоухает.

Вот выросла под деревом фиалка и боязливо перед ним
склонилась,
Так с робостью перед судьей суровым виновный головою
поникает.

Сто тысяч маков на лугу, раскрывшись, качаются
под ветром, пламенея,
Как будто бы сто тысяч свеч зажженных в открытом
море ярко полыхает.

Вглядись подольше в капельки дождинок на лепестках
раскрывшегося мака,
Как зерна жемчуга и сердолика, нанизанные капельки
мерцают.

Взгляни, как по степям бегут стадами весною
возбужденные джейраны,
А в небе журавлей крикливых стаи косою вереницей
пролетают.

Джейран стремится, гончих псов пугаясь, укрыться
за зелеными ветвями,
Журавль орла пугается и в воду, чтобы укрыться
от врага, ныряет.

Порывом ветра согнутая ива склонилась низко перед
кипарисом,
Так перед шахом знатные вельможи, забыв величье,
голову склоняют.

* * *

Если осень согнала весны ветерок с рощ кудрявых,
лугов и полей,
Будь доволен кудрями душистых волос и ланитами
милой своей.

Пусть граната пунцовый цветок пожелтел — губы
милой заменят его,
Если роза увяла, — любимой гордись; взглянешь —
станет душе веселей.

Вместо маков на щеки любимой смотри, хочешь мирта
вдохнуть аромат —
У возлюбленной косы тогда расплети, аромат в них
острей и сильней.

Пусть фиалки не радуют больше твой взор, не горюй,
не печалься о том,
Больше радости дарят влюбленным глазам волны
милых пушистых кудрей.

Пусть фазана уже не найдешь на лугу, куропатки
не сыщешь в горах,
Выходи на заре ты и вслушайся в стон, в крик души
одинокой моей.

Соловьиные трели умолкли, так что ж! Может музыка
их заменить!
Нет нуманского мака, — так вместо него ты вина себе
чашу налей!

Разве спелая осень не лучше весны? Если осень
не лучше весны,
Почему же в осеннюю пору тогда ароматней сады и
пышней?

Почему же деревья осенней порой получают дары
от весны?
Почему осыпаются эти дары не весною с зеленых
ветвей?

Посмотри: на изогнутой ветке айвы завязь словно
любимой пупок,
Над айвою, сгущаясь, клубится туман от ее благовонных
кудрей.

Посмотри: в винограднике всюду видны гроздья белых
и красных плодов,
В единении римлян напомнят они с абиссинцем, —
редчайших друзей.

Скрыто желтой завесой лицо одного, — в то же время
закрылся другой
Виноградным широким багровым листом,
распустившейся розы красней.

Черный ворон понуро на дерево сел. Так он темен и так
он уныл,
Что похож на распятого шахом врага неподвижностью
мрачной своей.

Если шах наш, разгневавшись, выпьет вина, — будь
в походе то, будь у дворца, —
Гордый всадник нежданно с коня упадет, пеший лучших
получит коней.

РУБАИ

1

О тиран, прекрати неумеренный гнет,
Тяжким гнетом своим ты терзаешь народ,
И однажды придет за страданья расплата:
Будет сам угнетен тот, кто нынче гнетет.

2

Чем гуще сеть моих морщин, тем круче зыбь твоих
кудрей,
Ты тем румяней, чем поток кровавых слез моих щедрей!
Слабею я день ото дня — ты хорошеешь день за днем,
Любовь моя к тебе сильней, а вера день за днем
слабей.

3

О тонкостанная, с тех пор, как я покинут был тобой,
Сама моя душа из глаз течет кровавых слез рекой. .
Душа моя! Ведь у меня душа и тело тоже были:
Я ими щедро заплатил за встречу и разрыв с тобой.

4

Без тебя в слезах кровавых, как в реке, я утопаю,
Без тебя я весь пылаю, словно в пламени сгораю,
Без тебя я от себя же, от мечты своей далек!
Милый друг, приди, посмотришь, как я без тебя
страдаю.

5

Вместе мы бываем часто, я тебя нередко вижу,
Больше, чем душа и тело, дорога ты мне, пойми же!
Если больно сердце ранишь ты мне взглядом
шаловливым,
Всё равно ты мне дороже самого себя и ближе.

МАХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ

Высокоодаренная азербайджанская поэтесса Махсети ханум Гянджеви родилась и воспитывалась на родине великого Низами — в городе Гяндже, крупном культурном центре Азербайджана. Точные даты рождения и смерти Махсети ханум не установлены, но известно, что она жила примерно в конце XI — начале XII века, являясь современницей Низами, Абу-л-Ула Гянджеви, Фелеки и Хагани.

Махсети ханум обладала многогранным талантом. Она была поэтессой, танцовщицей, прекрасно играла на кеманче — национальном смычковом инструменте. Махсети ханум известна в литературе как автор чудесных рубаи. Ее содержательные, красивые рубаи были любимы не только на родине поэтессы в Азербайджане, но и в странах Ближнего Востока.

Кроме рубаи, Махсети ханум писала и газели. До нас дошли несколько ее газелей. В своих произведениях она воспевала красоту и радость жизни, чувственные наслаждения, выражала стремление женщин Востока к свободе и свое недовольство окружающей действительностью.

РУБАИ

1

Не остановишь, силою разя,
И не удержишь, стенами грозя.
Опутанного цепью кос твоих
Железной цепью удержать нельзя.

2

К моим слезам ты снизойти должна —
Твоей стрелою грудь поражена.
Любовь казалась мелководьем мне,
А это — омут гибельный, без дна.

3

Твоя любовь всему была виной!
Ночь, в косы черные твои длиной,
Нужна для горькой повести о том,
Что ты разлукой сделала со мной!

4

Ночь грусть одну несет душе моей.
В глазах не сон, а слезы. О, скорей
Забыться сном! Нахлынут сновиденья,
Запутанны, как смоль твоих кудрей!

5

Я знал, что ты в обетах не тверда,
Что слово ты нарушишь без труда.
О ране, нанесенной мне теперь,
Я твердо знал заранее всегда!

6

Я вспоминал, как ты мне дорога,
Низая на ресницы жемчуга.
Моей душой и жизнью ты была.
Ушла — и всё ушло. Любовь строга.

7

Если нищий протянет мне руку, ему
Жемчугами и шелком наполню суму.
Проповедников — тысячи две их в Гяндже —
С легким сердцем отдам горемыке тому.

8

Хвощ нелеп, где расцвечен тюльпанами луг,
Нежным розам репейник колючий — не друг.
Как прекрасен был юноша этот! Зачем
Он завел себе длинную бороду вдруг?

9

Мир похож на кувшин с драгоценным вином,
Вместе сладость и горечь замешаны в нем...
Никогда не хвались, что длинна твоя жизнь:
Часа смертного конь уж давно под седлом.

10

Свой кувшин расписной я вчера не сберег,
Был я пьян, уронил я его на порог.
И кувшин прозвенел: «На себя погляди:
Ты не лучше меня, — жалкой глины комок!»

11

«Дай, о сердце, — сказал я, — совет мне один:
Мне пригубить от сладких ли, горьких ли вин?»
Отвечало оно: «Лучше горькое пей,
Ты отнюдь не Фархад и влюблен не в Ширин».

12

Глядя вдаль, стала алая роза бледна,
Зарыдала она, в соловья влюблена.
Хороша была в тесном зеленом плаще, —
Обезумев, свой плащ разодрала она.

13

Сад пожаром объят, пламя роз он вознес.
Наша жизнь — это только рубаха из роз,
И пока ее смерть с твоих плеч не сорвет,
Береги свою розу и чашу от гроз.

14

Узы брака людские сердца единят,
Вяжет судьбы и браки вершит шариат.
Я хочу сочетаться с одним рубаи,
Но какие законы мой брак разрешат?

15

Станешь идолом — чтить буду идолов я,
Пьянство — высшее счастье, коль чарка — твоя. . .
Так исчез я в любви твоей, чтоб бытие
Было б тягостней сладкого небытия.

16

Горше горя любовь, что заполнила грудь!
Этой муки мне словом не выразить суть. . .
Сжала сердце тоска; виночерпий, ответь:
Не пора ли искать мне к забвению путь?

17

Щедро льется сиянье твоей красоты,
И куда ни пойду, — не уйти от мечты.
От рабыни своей эту чарку прими,
Вечно в сердце моем аромат твой и ты.

18

Каждой ночью я с полною чашей одна
Мимо окон твоих пробегала, пьяна.
Но, забывшись, разбила я чашу свою, —
В ней любовь проносила я вместо вина.

19

Красота твоя с горем сдружила меня,
Пожелтел я, мечты о тебе хороня.
Я испил бы хмельного лишь вместе с тобой,
Если станешь моей, беспробудно пьяня!

20

Подожги ты всю землю палящим огнем,
Рок забьет твое пламя разящим крылом.
Жалок мир; всё, чем дышим мы, — тлен, пустота,
Лишь одним дорожим — красотой и вином.

21

О, взгляни, мы с тобою на свете одни!
Пусть вино перепутает ночи и дни,
Пусть как косы возлюбленной тянется ночь,
О судьба, ты подальше рассвет отгони!

22

Осушающий кубок за кубком подряд
Обретает безумие, — все говорят.
Чтоб от зависти лютой ослепли враги,
Пью вино, где янтарные искры горят.

23

У фисташки хорошенький, маленький рот,
Но в сравненье с твоим он никак не идет.
Если хочет фисташка равняться с тобой, —
Значит, стыд ей неведом, — грызи этот плод!

24

Мы бессильны; упрям и безжалостен рок.
Безответной любви смертоносен клинок.
Кубок страсти допив, я кончину нашел,
Жемчуг чистой любви отыскать я не мог.

25

Будь ты доблестным мужем, не слабой женой,
Ты не жаждал бы разве мгновенья со мной?
Ханы золото копят в мечтах обо мне, —
Ты не жди поцелуев с пустою мошной!

26

Подружилась фортуна со мной и с тобой,
Распростерлась вселенная верной рабой.
То богатство, что умников ищет одних,
Стало нашей опорой в боренье с судьбой.

27

Знал, что ты неверна наяву и во сне,
Знал, что ты вероломством подобна волне,
И о том, что ты станешь мне лютым врагом,
От начала начал было ведомо мне.

28

Всё со мною тоска средь ночной тишины,
Жгучей горечью слез мои очи полны.
Если б мог я, как ты, хоть на миг их сомкнуть, —
Словно кудри твои, заметались бы сны!

29

Как сказать, что лишь горе обрел я в любви,
Что высокая верность кипела в крови?
Чтоб о муках разлуки поведать я мог,
Пусть протянется ночь, словно косы твои.

30

Пересохли уста мои, взор истомлен.
Как стрела твоя ранит! Сдержу ли я стон?
Гибну, в пламени страсти истаяв, как снег, —
Погибаю в потоке, что мной порожден.

31

Ты холоден, двуличен и лжив заодно,
Всё, что ты вытворяешь, бесчестья полно!
Словно сок виноградный все клятвы твои,
Постыдись расточать их: слова — не вино!

32

Лицезреть тебя высыпал люд городской.
Смотрят издали, страсти боясь роковой.
Те, кто за год своих не износят одежд, —
Рвут их в клочья, внезапно утратив покой.

33

Ты хорош, если вежлив и нежен чуть-чуть,
Подойди, светлоликий, со мною побудь!
Ты — надменный хатиба мудрейшего сын,
Отчужденности цепи пора разомкнуть!

34

О, когда ты держал мою руку в своей,
Мир казался обителью светлых лучей!
Напиши мне касыду о встрече былой,
Успокоить изнывшее сердце сумей.

35

Не насытясь теперь моих губ родником,
Берегись потерять его вовсе потом.
Я больна от любви; сын хатиба, скажи:
Неужели моим ты не станешь врачом?

36

Как Хатем, серебром я сорю без причин,
Не скупилась бы я подарить тебе Чин!
Но за песню одну я отдам, опьянев,
Тьму таких, как хатиба почтенного сын.

37

Одиночества мук не довольно ли мне?
Или ты не насытился ими вполне?
Ты сказал, что в Гяндже будем счастливы мы, —
Вот мы оба в Гяндже наяву, не во сне!

38

Сын хатиба! В изменах себя не виня,
Буду верной тебе до последнего дня.
Пусть влюбленные жизнь за меня отдают, —
Твоего одного я желаю огня.

39

О, прильни поскорее устами к устам,
Пусть вернет меня к жизни лобзаний бальзам!
Опьянен я любовью к тебе до того,
Что не верю ни чувствам своим, ни глазам.

40

«О, приди!» — я сказала. Спросил он: «Куда?»
«Мне на грудь!» — я сказала. Ответил он: «Да!»
Я промолвила: «Выпьем!» Ответил: «Вдвоем!»
Отрекаться от счастья нельзя никогда!

41

Лишь в тебе совершенства достигнут предел:
Ты — мой идол, любить я тебя не посмел!
Если я о прекрасном в газели скажу,
То — лишь форма, в которой тебя я воспел!

42

Я хотела бы перстнем любимого стать,
На ладони его, как цветок, увядать,
Быть для стрел его метких мишенью живой,
Ветерком, чтобы с губ поцелуи срывать.

43

Пусть во всем не везет мне во веки веков,
Если жизнь за тебя я отдать не готов.
Если мысль о тебе я другой заменю, —
Пусть разлука лишит меня жизни даров.

44

Если губ твоих роза подарит мне мед,
Сердце пойманной птицей крылами забьет...
Усладим этим медом безумье греха!
Не захочешь, — скажу, что в груди твоей лед.

45

Если чаша еще не пуста, не дремли,
Если жаждут лобзаний уста, не дремли!
Ночь темна, только светится чаша с вином,
Нас укрыла от всех темнота, не дремли!

46

Эта ночь нам дана для любви, не усни!
Пусть желанье бунтует в крови, не усни!
Томных глаз не смыкай, о возлюбленный мой,
Прилетевшее счастье лови, не усни!

47

Ароматы волос твоих амбры пьяней,
Ветер утренний путает кольца кудрей...
Подглядев наши ласки, отшельник седой
Отречется немедля от веры своей!

48

Раны сердца горят, о возлюбленный мой,
Совладать не могу с неизбывной тоской.
Пожалей меня, краткою встречей утешь,
Нет желаний иных, нет надежды другой.

49

Как Кааба, священна твоя красота,
На щеке твоей ямочка — пытки врата.
Завитки смоляные гяурских кудрей
Стали символом веры моей неспроста!

50

Если снимет любовь мою голову с плеч,
Будет сердце великую верность беречь.
Но настанет когда-нибудь день, что велит
Мне с последним дыханьем у ног твоих лечь.

51

Вижу, милый, что любишь меня не шутя,
Не оставишь одну на мгновенье хотя!
Пошутила я, ложь с языка сорвалась, —
Ты поймал ее, милый, за шутку не мстя!

52

Да, я жертва твоя, ты — мясник, ты суров.
Я смолчу под ножом, если жребий таков.
Твой обычай: зарезав овцу — продавать. . .
Только мною, молю, не торгуй, заколов.

53

Повалив и зарезав меня, мой мясник
Со слезами к ногам моим бедным приник.
— Ты жива еще! — молвил, прощенья просил, —
Оказалось, что с ног свежевать он привык!

54

На базаре я в пятницу видел: сыча
Куропатка, настигнув, клевала, крича:
— Пусть до самого неба поднимется стон
Тех, кто к слабым безжалостен, кровь их точа!

55

Мой любимый, поверь мне, кровавой слезой
Я писала письмо, что лежит пред тобой!
Как еще безысходное горе свое
Я могла бы поведать, возлюбленный мой?

56

Если стану строчить я письмо за письмом,
Разве в тысячу лет расскажу обо всем?
И бумага тесна, и бессильно перо,
Скажет сердце само о страданье своем.

57

Есть ли что-нибудь горше отравы разлук?
Даже страсть испаряется в пламени мук.
Только в смерти спасенье. Нет горя страшней,
Если вдруг расстается с тобою твой друг!

58

Всё грустит соловей, — нет разлуке конца,
Наяву и во сне она в сердце певца.
Он поет: пощади, о разлука, меня!
Так в огне одиночества тлеют сердца.

59

Опьянев, он упал на дороге большой.
Помогла ему встать и добраться домой...
И опять ничего я не знаю о нем:
Что с ним сталось и где он, возлюбленный мой?

60

Ночью пламенем сердца раздвинута мгла,
Всю вселенную лава страданья зажгла.
Ты не знаешь, какой на душе моей ад!
Молви имя мое, — и сгоришь ты дотла.

61

Счастлив тот, кто к щекам прикоснулся твоим.
Шах бессилен, а ты торжествуешь над ним.
Что милее: твой лик или пляска твоя, —
Я не знаю и таю, восторгом томим.

ХАГАНИ ШИРВАНИ

Афзеледдин Ибрагим ибн Али Наджар Хагани, выдающийся азербайджанский поэт, родился в 1120 году в деревне Мелгем, вблизи города Шемахи. Отец Хагани был плотником.

Первоначальное образование Хагани получил у своего дяди, ученого астронома-медика, который оказал большое влияние на формирование взглядов Хагани. Затем Хагани, вместе с поэтом Фелеки, учился у известного при дворе ширваншахов поэта Абу-л-Ула Гянджеви, впоследствии он помог Хагани стать дворцовым поэтом ширваншаха Менучехра. Вскоре Хагани женился на дочери Абу-л-Ула.

Хагани свободно владел арабским и персидским языками. Изучал теологию, астрономию, философию, логику, математику и другие науки. В молодости Хагани писал стихи под влиянием иранского поэта Сенаи и подписывал их псевдонимом Хагаиги. После приглашения ко двору ему дали псевдоним Хагани от слова «хаган» (царь). Его лирические газели, рубаи и особенно касыды пользовались большой известностью. Впоследствии, будучи дворцовым поэтом, Хагани глубоко ощутил деспотическую сущность феодальных властителей. В 1156 году он совершил поездку по Ближнему Востоку, посетил города Ирана и Ирака и тогда же написал свою знаменитую поэму «Подарок двум Иракам». В этой поэме Хагани рассказывает о жизни народов Ирака, Ирана и Южного Азербайджана, осуждает произвол и жестокость феодальной действительности, воспевает свободу и разум, любовь к труду, к науке и поэзии.

После возвращения из путешествия по Ближнему Востоку он порвал со двором. По приказу Ахситана I Хагани был заключен в темницу, там он написал свое известное произведение «Хабсие» («Тюремное»). В этом произведении Хагани выражает свой протест против тирании угнетателей, произвола и деспотизма дворцовых правителей, свою любовь и близость к родному народу.

Он говорит: «Не желаю, чтобы меня называли Хагани, я поэт бедноты, я Халгани (т. е. народный)». Между 1171 и 1174 годами поэт был освобожден из тюрьмы и совершил вторую поездку по странам Ближнего Востока. В преклонном возрасте Хагани переселился в Тебриз, где и умер в 1199 году. Хагани был современником и другом великого Низами. Творчество Хагани оказало влияние на развитие поэзии Азербайджана и всего Ближнего Востока.

РАЗВАЛИНЫ ГОРОДА МЕДАИН

Внимательно смотри, вот для тебя урок:
Стал прахом город Медаин, — о жалкий рок!
Идем же, сердце, в путь. Нам Деджла путь укажет.
Но глубже, чем река, горючих слез поток.
И Деджла плакала, как сто ручьев кровавых,
Чей полноводный бег печален и широк.
И устье Деджлы пьет с ненасытимой жаждой —
Пузырится в жару, — и бред ее глубок.
Смотри, она горит от ужаса и горя.
Слыхал ли ты когда, чтоб воду пламень жег?
Плати же, как она зекят слезами платит
Здесь, у морской губы, — соленый свой налог.
О, если бы река всё рассказать могла нам,
Как бил озноб ее всю с головы до ног!
Она сама в цепях и вьется длинной цепью,
Ее пожар загнал и ужас уволок.
К руинам обратясь, ты сам теперь услышишь,
Как плачет из глубин невнятный голосок.
Вглядись, как медленно крошатся эти зубья:
Всё временно. Всё — тлен. Всему назначен срок.
Топчи нас, человек. Мы, как и ты, истленье.
Мы, как и ты, ковер для всех идущих ног.
Как ноет голова от воя псов полночных,
Хотя бы слез твоих нас освежил глоток!
Здесь истина жила. Ее не пощадили.
Поплатится ли тот, кто с нами был жесток?
Изменчива ль судьба, или ее ломает
Тот, кто обуглил наш возвышенный чертог.
Не смейся над моим рыданьем — помни, путник:
Кто слез не проливал, тот низок и убог.
Когда-то Медаин был не беднее Куфы —
Плачь, путник, и пойми, как мой позор глубок!
Ведь камня этих стен так много рук касалось,
Что оттиски легли на каждый уголок.
Привратником здесь был властитель Вавилона,
О, слушай, Туркестан, — трубит военный рог. . .
Балконы рухнули, отполыхали балки.
Здесь был когда-то пол, здесь — круглый потолок.
Не удивляйся! Там, где соловьи гремели,
Одна сова кричит плачевный свой упрек.

Сойди с коня! Коснись лицом земли бесплодной.
Нам дали мат слоны на злейшей из досок.
Земля пьяна, но пьет из черепа Ормузда;
И льет ей Нуширван багряной крови ток.
Ты спросишь — где же те былые венценосцы?
Земля беременна от них на долгий срок.
Где Кесры апельсин и где айва Первиза?
Всё золото — ничто. Сам Сасанид — песок.
Вино из этих лоз когда-то было кровью,
Кувшин — землею был, где прах Первиза лег.
Земля от стольких тел тучнела и разбухла,
Но жаждет новых жертв урвать хотя бы клок.
И кровью детскою, как пурпурною краской,
Старуха красит рот, а женщина — сосок.
Бывало, странники везут домой подарки.
Я привезу друзьям рыданье этих строк.
О, Хагани! Учись молчанью этой почвы
И подари друзьям ее сухой комок.

ЖАЛОБА О ЗАКЛЮЧЕНИИ В ЦЕПИ

Как с телом душа, разлучилась отрада со мной,
И тут же со мной разлучился сердечный покой.

Едва примиренья дыханье повеяло нам,
Опять улетело оно, уступая врагам.

Со мной моя тень оставалась. Но в горестный день
Ушла от меня и последняя спутница — тень.

Просторный и светлый мой дом обернулся тюрьмой;
Ее потолок подо мной, а порог надо мной.

Безмолвно я слезы глотал в обиталище тьмы,
И сырость, как слезы, струилась по стенам тюрьмы.

И слезы мои застывали, как влага в мороз,
У ног моих стыло соленое озеро слез.

Судьба, как стрелок, на прицел мое сердце взяла,
И сердце мое, пронизав, растерзала стрела.

И стоны мои, словно стрелы, до неба взвились,
И кровью зардела пронзенная стонами высь.

Тяжелою скорбью наполнилось сердце мое,
Как будто бы сердце извечное место ее.

Но птица сегодня меня разбудила во сне,
От доброго друга письмо принесла она мне.

На цепи мои она горестный бросила взгляд,
И гневно взвилась, и поспешно помчалась назад.

Не мог я подняться пред гостьей моей дорогой —
Дракон сел мне на ноги страшной железной горой.

Колодки и цепь — как гора у меня на ногах.
К кольцу я прикован, и руки мои в кандалах.

О, если б тяжелою цепью не скован я был,
Как вольная птица я в мир бы полет устремил!

Но я неподвижен. Заххака змея — на ногах.
И долу поникли ресницы мои в жемчугах.

Здесь ноги опутали змеи огромные мне,
И я, словно угорь, на медленном корчусь огне.

И словно тендир пламенеющий, полный углей,
Дыханье, как пламя, пылает в гортани моей.

Явился тюремщик (добра ему в жизни не знать!) —
И раны души моей кровь источают опять!

Приставлен ко мне надзирателем бешеный пес,
И сна я не знаю средь вечных мучений и слез.

Как влаги боится укушенный бешеным псом,
Так слез я боюсь. И не в силах забыться я сном.

Горячие слезы мои замерзают в жару,
И весь я дрожу, как листва на холодном ветру.

Как зерна граната — кровавые слезы мои.
Кровавые слезы ночами я лью в забытьи.

Забит я в железо, подобно строптивым рабам,
И кровь по лодыжкам струится, как по желобам.

От тяжких оков я такие мученья терплю,
Что в лязге железа я голос пощады ловлю.

Когда с меня стали железные цепи снимать,
От боли жестокой я начал вопить и стонать.

Как пряжа червя шелковичного, слабым я стал:
От уз разрешенный, я на ноги даже не встал.

Ланиты мои, словно стены темницы моей,
Утратили краски и стали шафрана желтей.

Кровавые волны души моей бьют в небосвод —
И Млечная арка багряным сияньем цветет.

Я, как соловей, среди черных колючек поник,
Навек я утратил надежду на этот цветник.

Какую мне пользу рыданья мои принесут,
Когда справедливости розы давно не цветут?

Так долго я кровью своею питался в беде, —
Могу ли помыслить теперь о питье и еде?

Что думать о теле, коль гаснет души моей свет?
Что думать о доме, коль в доме хозяина нет?

Таскавшие глину для стройки в могилу ушли;
Дома, что они воздвигали, в руины легли.

Портновскую лавку бушующий сель захлестнул,
И лавку умчала река, и портной утонул.

Похожа, судьба, на базарного ты мясника,
Чей нож окровавлен от кончика до черенка.

Налево — весы, а направо — ягнята стоят.
Берет он упитанных, тощих — и режет подряд.

Всем низменным жирная часть доставалась легко,
А мне среди них и до части худой далеко.

Утрачена совесть. Ни страх им неведом, ни стыд:
Падеж на скотину напал, а пастух не скорбит.

Ушел караван на рассвете в далекий Китай, —
Его возвращения скорого не ожидай!

Был молнией в пепел туркменский верблюд превращен.
А что же туркмен? — От налога избавился он!

Я счастья искал, не смыкал я в ночи своих вежд...
Нет верности в мире. И рухнуло зданье надежд.

В душе — сожаление, яростней горной реки,
Увидел я: даже великие люди мелки.

Судьба на меня налетела в свирепой вражде —
И самыми близкими был я покинут в беде.

Ты помнишь, ведь то же с Юсуфом случилось, когда
От зависти вспыхнула в сердце у братьев вражда.

Мое однодневное горе как море полно,
И вижу — меня никогда не покинет оно.

Под грозным дыханием неба, вдали от земли,
Бегущие к гавани тонут в волнах корабли.

Для низких и слабых небесная буря страшна,
Но души великие лишь возвышает она.

Я духом не пал. Я исполнен отваги и сил.
Я знаю — владыка вселенной меня не забыл!

Умрет Хагани, но сильнейший за слабым стоит, —
За гибель мою он владыкам земным отомстит!

ГАЗЕЛИ

* * *

Я в мире верности искал. Искал и не нашел.
От мрачных дней я счастья ждал, но счастья не нашел.

На карту жизни ставил всё, был увлечен игрой,
Да, видно, с шулером играл, удачи не нашел.

Что вас касается, увы, не знаю... Ну, а я —
В делах мирских я не встречал порядка, — не нашел!

Мой собеседник — сердца стон, а тень — мой лучший друг,
Других помощников, увы, не знал я, не нашел.

Ты — тень, о свет души моей, ты — верный сердцу стон,
Лишь вашу верность я видал, другой я не нашел...

Немало нынешних друзей я в жизни испытал,
Такого, чтоб не забывал завета, не нашел.

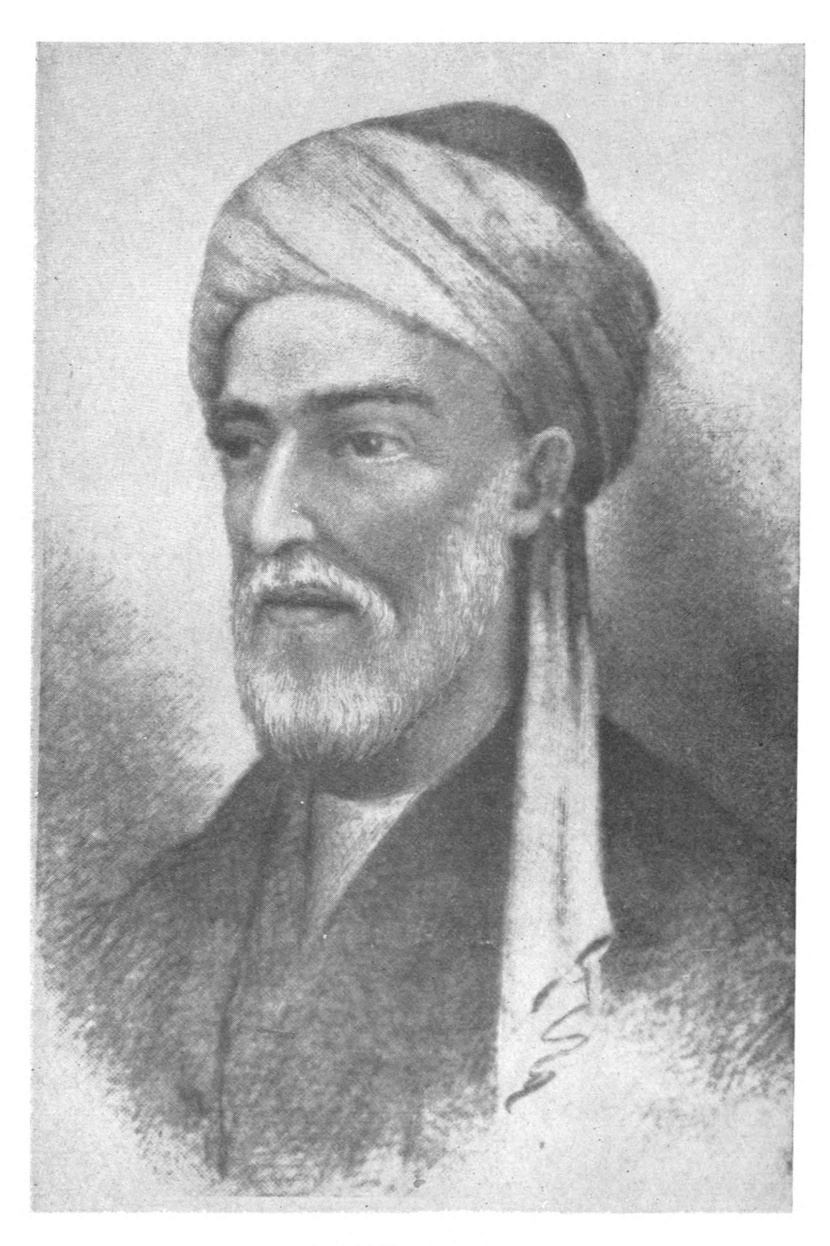
Вне мира я теперь ищу и верность, и завет,
Коль в мире этом, как ни ждал, — нигде их не нашел.

Одежду на своей груди я в клочья изорвал,
А жажды сердца не унял, покоя не нашел.

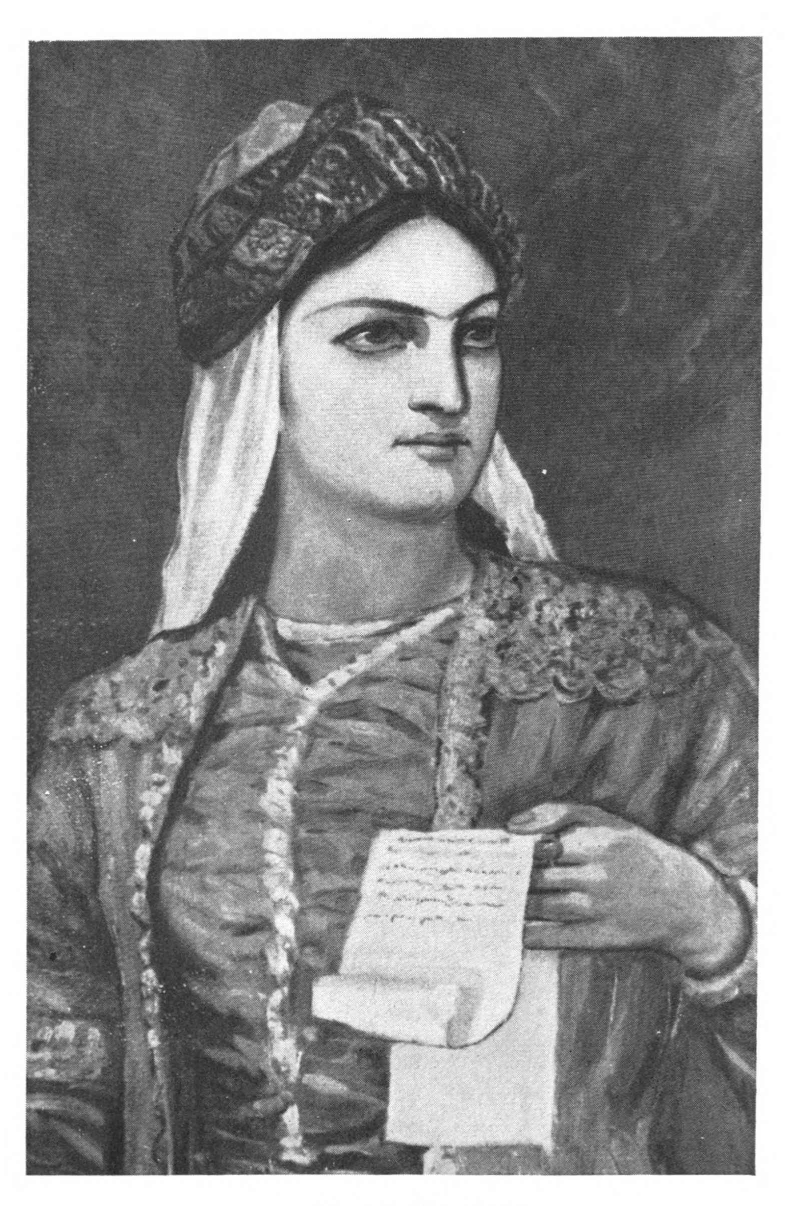
Без затруднений для меня мгновенья не прошло, —
Иль мужество я потерял и больше не нашел?

Я слышал, что в саду земном немало есть плодов, —
Хотя б травинку я сыскал, соломы не нашел!

Кипит в котле у нищеты лишь скудная еда, —
Увы, я лучшей не едал, вкуснее не нашел.

Катран Тебризи

Махсети Гянджеви

Для каждой раны, что рукой судьбы нанесена,
Врача, чтоб лучше врачевал, чем утро, — не нашел.

Плачь, Хагани, твой стон как песнь на сазе этих дней,
Мир лучших песен не знавал, не слышал, не нашел!

* * *

Доколе же буду еще я терпеть угнетенье?
Доколе же буду бояться я собственной тени?

Как флейта, молчат мои губы, и стянуто горло, —
Доколе же только стонать мне от всех притеснений?

По правде скажи, ну могу ли сдержать свои стоны?
Ведь я справедливого в жизни не ведал решенья!

Доколе же я, как укушенный, денно и нощно
Сносить обречен от двуличья одни уязвленья?

Доколе же я, чтобы низкий умыл свои руки,
Стоять буду, согнут, кувшинчиком для омовенья?

Доколе, подобно весам, в услужении буду
По шее обтянут веревкою для измеренья?

О, если я сброшу, сорву с себя эту веревку,
Я стану намного точней, — приношу завереньяǃ

Доколе же я, словно пробный таинственный камень,
Молчать обречен, — и не лжец, а попал под сомненье?

Ты мне говоришь: «Не бушуй так от ярости горя!»
Доколе мне слушать советы твои, утешенья?

Я буен отныне! Подобен я тучам и морю,
Нет, чужд мне покой, — я хочу, как они, разрушенья!

Да, я — Хагани, у которого сердце разбито,
Но мне не присущи коварство и хитросплетенья!

* * *

Когда времена погасили огонь Санаи,
Небесная воля мой светоч для мира зажгла.

И если один чудотворец в Газне опочил,
Ширвана страна чудотворца другого дала.

Когда из пределов земных улетел соловей,
Судьба попугая речистого в мир позвала.

В одном государстве умолкла волшебная песнь, —
В другом государстве волшебно та песнь ожила.

Коль третий иклим потерял чародея-певца,
То в пятом иклиме другой зазвенел, как пчела.

Когда отцветают тюльпаны, то розы цветут,
И солнце восходит, когда расточается мгла.

Лишь запад луну в переметную спрячет суму,
Является солнце вершить свои в мире дела.

Когда отлетела султана Махмуда душа,
Сельджука великого славная мать родила.

Когда, омраченный, к закату склонился Бахман,
Звезда Искендера Румийского ярко взошла.

Когда над Египтом умолк справедливый Юсуф,
В потоке Мусу фараонова дочка нашла.

Та давняя ночь, когда умер Абу-Ханифа,
Началом пути Шафии, как слыхал я, была.

Когда замирает ночное луны торжество,
Царь-солнце подъемлет над миром сиянье чела.

И если в словесном саду осыпается цвет,
То осенью каждая ветвь от плодов тяжела.

Планета уходит — недвижные звезды встают,
Земля напоилась дождем — и трава проросла.

Слыхал ли ты сказку, как курица съела зерно,
Как после жемчужину курица эта снесла?

* * *

Сердце мое как челнок, а любовь — океан.
Слушай, любимая! Эти слова — не обман.

Я, словно молнией, нашей разлукой спален,
Ранен, как саблей. И я умираю от ран.

Сжалься! Ты видишь — под бурею гибнет мой мир,
Тонет корабль мой, ветрила сорвал ураган!

Волн бушевание лишь по колена тебе, —
Я же кипящим смерчем с головой обуян.

Кто же соперники у Хагани? Ведь они
Даже стоять у моих недостойны стремян!

* * *

Стал я сам как Меджнун по вине этой смуглой Лейли,
И причуды ее до безумья меня довели!

Ее кудри порвали в душе моей цепи терпенья,
Ее родинки веру в измученном сердце сожгли, —

И она возгордилась, она от меня отвратилась!
И рекой мои слезы безмолвно в тоске потекли.

Но сегодня пришла она плача, глубоко вздыхая.
И спросил я ее: «Чем утешить тебя? Повели!

Что тебя огорчило, скажи?» И она отвечала:
«День мне кажется годом, когда от тебя я вдали!»

О, какое сияние прелести! Это ль не чудо,
Что лишь низкие видеть достоинств ее не могли!..

Восхвали небеса, Хагани, что они породили
Красоту неземную ее из воды и земли!

* * *

Сладостным зноем ночи вчерашней пьяна,
Снова прийти мне сегодня велела она.

Я же, придя, испугался: боже, что с милой моей?
Никнет она в лихорадке, жаром недужным полна;

Как заходящее солнце, лик воспаленный горит,
На потемневших ланитах лежит желтизна.

Кровопускателя вызвать, лекаря я поспешил,
Лекарь пришел. Сталь ланцета обнажена...

Вену возлюбленной вскрыл он. Мне показалось в тот миг,
Будто индийским кинжалом грудь моя поражена.

Кровь ее жилы струилась; мне же казалось, моя
Кровью душа истекает, мукой немой стеснена!

В таз золоченый стекала кровь, что в мученьях была
Стрелам ресниц ее в жертву сердцем моим отдана.

Было с тем тазом для крови схоже лицо Хагани, —
Бледность ланит была кровью слез его обагрена.

* * *

Выйди в поле, любовь моя, — видишь, как поле цветет,
Роза с утренним ветром из чаши свидания пьет.

Соловей говорит, что нарцисс опьянел от любви, —
Он, как видно, не знает, что красный тюльпан его ждет.

«Опасайся любви своей!» — лилия мне говорит,
Но совет ее вряд ли до слуха влюбленных дойдет.

Дань с цветов собирает в широкую полу весна,
Роза прячется в листьях, наряды свои бережет. . .

Не ходи в цветники, там ты палец шипом занозишь,
Там живет недотрога — колючий шиповник растет.

Я боюсь, о красавица! Если ты выйдешь гулять,
Кипарис — твою шапочку, мак — покрывало сорвет.

Ветер утренний амбровых кос услыхал аромат —
И вздохнул, и унес его в поле, и не отдает.

Из-за этого в ссоре я с ним. И смеются кругом:
«Вот глупец Хагани: с ветром утренним споры ведет!»

КЫТА

* * *

Эй, помни, что хлеб твой добыт, Хагани,
Работой, старанием матери.
Ты, видно, к теснотам Ширвана привык
И к недоеданиям матери.
Обязан ты богу, ярма избежав,
Своим достояньем да матери.
Сидишь возле прялки как бледная тень,
Увял над вязанием матери.
Эй, сокол, доколе в гнезде, как в тюрьме,
Влачить прозябанье у матери?
Не стыдно ль тебе, что берешь изо рта,
Как голубь, питанье у матери!
Доколе тебя, как Христа, без отца
Всем знать по прозванию матери.
Как Хызр, обойди ты весь мир, не мирись
С душевным терзанием матери.

Жемчужиной сирой к порогу прирос,
Боишься скитаний без матери.
Ты, сам по себе, рассудительный сын,
Прерви же рыдания матери.
Ты вместе со всеми смотри не забудь
Все благодеяния матери.
Безропотно козни врагов выноси,
Не множа страдания матери.
Страшись только часа, когда навсегда
Прервется дыхание матери.

* * *

В ту ночь, когда я расставался с Ширваном, его навсегда покидая,
С собой увозил я одни сожаленья да бремя жестокой печали.
Прощанием, словно огнем опаленный, я в реку Аракс устремился,
Но волны Аракса со мною от боли и муки моей застонали.
Быстрее, чем стон мой, Аракс заструился, моей переполнен тоскою,
Как грудь моя, волны в волненьи вздымались, как грусть моя, воды вскипали.

* * *

О Хагани, всего сильнее вождя плохого бойся,
Ведь если вождь плохой попался, легко с дороги сбиться.
Коль низкий человек подарит тебе подарок ценный,
Тебе гордиться будет нечем, придется лишь стыдиться.
От подлого любое благо злом обернуться может,
От добрых слов в добро плохое не может превратиться.
Бесчестный может опорочить тебя, иль ты не видишь:
Раз ртути золото коснулось, оно посеребрится.
Но если золото белеет, соприкасаясь с ртутью,
В огне оно вернет свой цвет и с ней разъединится.

* * *

Моя дальновидная новорожденная дочь,
Увидев, что мир этот — место плохое, — ушла.

Она поняла, что несчастья еще впереди, —
От низких душою, от злобного роя ушла.

Она увидала, что в мире порока и тьмы
Изноет, измучится сердце живое, — ушла.

Увидев сестру свою старшую в черной чадре,
Подумав: «О боже, мученье какое! ..» — ушла.

* * *

О древе государства у Хагани есть мненье, могу сказать, какое:
С ветвей отягощенных означенного древа плоды срывать — не стоит!
Ни лакомства, ни масло, что на подносе мира жизнь щедро разбросала,
Того, чтобы упорно, не ведая покоя, с них мух гонять, — не стоит.
Чтоб получить подачку, ждать под дверьми у шахов или вельмож сановных
И, совесть забывая и отметая правду, их восхвалять, — не стоит!

* * *

О ходжа, ты смотри не позорь Хагани,
Ведь беда и тебя может чести лишить.
Тот, кто сердце другого обидит, — сломил
Ветку жизни своей, ей плода не родить.
Кто хорошему зло и беду принесет,
Зло приносит себе, коли всё проследить.
Кто, простите, другому в глаза наплюет,
Сам негаданно может оплеванным быть.

Кто стремится унизить людей дорогих,
Осрамится, — ему головы не сносить.
Тот, кто глазом недобрым на добрых взглянул, —
Может взор роковой на себя обратить.
Коль Первиз уничтожит письмо Мустафы,
Может сын растерзать ему грудь, отомстить!

* * *

Спросил ты: далек ли душой я от шахов?
— Да, к шахам душа не лежит у меня.
Пусть рейский правитель мне путь к Хорасану
Закрыл, преградил — не пронзит он меня;
И пусть никого в этот край не пускают, —
Путь этот быть должен открыт для меня.
Я к шейхам иду, к мудрецам Хорасана,
Нет дел к тем, кто власть там вершит, у меня.

* * *

Красотка из Куфы с одним чужестранцем
Игру заводила да дружбы искала.
Сказал я ему: «Эй, не будь очарован, —
На золота запах она прибежала.
Смотри, как осел в дураках не останься,
Ты притчу ей лучше скажи для начала:
Однажды осла пригласили на свадьбу,
Тот так засмеялся, что всё задрожало.
Ответил он: „Музыке я не учился,
И в танцах, увы, упражнялся я мало.
А так как дрова я и воду таскаю,
Меня приглашают лишь в роли амбала“».

* * *

Как только в Армению прибыл я, — сразу
Мне люди Армении братьями стали.
Особенно несториане, соседи, —
Вторым Иисусом меня называли,

Сочли меня там небосводом четвертым,
И душу мою, и меня восхваляли!
Что море Арджиш, при его половодье,
Потонет в моем вдохновенье считали! —
И странно, — от волн моего вдохновенья
Арджишские воды вдруг сладкими стали...

* * *

О, право, царские дворцы все словно океан,
Жемчужины в нем ни одной, но тысяч сто акул!
Любой разумный человек не поведет туда,
В тот океан, корабль мечты, чтоб он не затонул.
Там жемчугов не поднесут, но, чтоб лишить души,
Вмиг тысячи интриг тебя возьмут под караул!
Ищи спасения в уме: неплохо, если б он
На шее алчности хомут потуже затянул.
Тебе ведь нужен уголок — не трон и не дворец,
Насущный хлеб — не эмират, не бранной славы гул.

* * *

Так халиф мне сказал: приходи, Хагани, чтобы писарем
быть у меня,
Я возвышу тебя, будут славу твою до небес возносить
у меня.
Да, пишу я, и то, что написано мной, совершает подчас
чудеса,
Но, увы, переписчиком мыслей чужих нет желания
слыть у меня.
Переписчика участью разве могу я гордиться, когда
головы
Даже перед визирем великим самим нет привычки
клонить у меня.
Солнце — сердце мое, где же смысл, где же честь в том,
что буду Меркурием я?
И непрочный венец, и пустой ореол нет желанья носить
у меня.

РУБАИ

1

Какое горе в мире есть, что бы со мной
не приключилось?
Какая в мире есть беда, что бы со мною не случилась?
Все спрашивают, — что с тобой, что стонешь ты и день
и ночь?
Но из забот ночей и дней какою сердце не томилось?

2

У меня в душе такое горе, что его и небу не вместить.
От такого стона задыхаюсь, что и слух не в силах
выносить.
Спрашиваешь: чем ты опечален, чем ты в этом мире
огорчен?
Ту печаль, что сердце мне терзает, мир земной не может
охватить.

3

Косы красавицы милой моей, сделайте мрак полуночный
темней.
Будь, словно косы, длинна и крепка, ночь, наконец-то
я с милой моей,
Ветер, скорей облака нагони... Облако, выйди, луну
затемни,
Сжалься, рассвет, не спеши наступать, чтобы подольше
мы побыли с ней.

4

Нет, никому пусть покинутым быть и несчастным, как я,
не придется,
Пусть никому быть бессильным, как я, и беспомощным
не доведется.

О, как истерзано сердце мое, как измучено горем
разлуки.
Пусть и недуга не будет вовек там, где врача
не найдется.

5

Если желаешь душою ты чистым, как зеркало, быть,
Десять вещей навсегда в этом мире ты должен
забыть, —
Нужно: жестокость и жадность, злословье и зависть,
двуличье и ложь,
Гнев и вражду, преступленье и гордость в душе
истребить.

6

Она ушла, а с ней моя душа: я душу отдал безвозвратно
ей,
Глаза мои прикованы к дороге, а уши — к шорохам
из-за дверей.
У глаз моих всё спрашивают уши: не видно ль снова
дорогой моей?
Глаза мои ждут от ушей ответа: ужель не слышно
от нее вестей?

7

Если смерть суждена мне, ты так, ради бога, меня
убивай,
Как об этом молю тебя рабски, мое вдохновенье! ..
Внимай!
Поцелуями губ своих алых, бровями, сулящими рай,
Истерзай, опьяни для начала, — лишь потом жилу жизни
вскрывай!

8

Не нужно гордости в душе беречь, лелеять и хранить,
С ней никому не привелось и близко даже к цели быть,
Ты, как красотки завиток, и гибок будь, и нежен будь,
Чтобы в мгновение одно мог тысячу сердец пленить!

9

Ты преданнее, чем поклонник цветущей розы — соловей,
Поёшь нежнее куропатки и звонче турача, ей-ей!
Павлина даже превосходишь ты, право, красотой своей,
Игривей ты, чем канарейка, пугливой горлицы быстрей.

10

Хотя Хагани затаенная боль и терзает,
В слезах его очи и сердце огнем полыхает,
Он всё же тебя о свиданьи, любимая, вновь умоляет
И взглядом приветливым душу тебе предлагает.

11

Снова, снова в душе поднимается горе былое,
Нет покоя от ран, нанесенных тобой и судьбою.
Я ищу аромата удачи, — но это пустое,
Жажду отдыха, — он невозможен. . . И нет мне
покоя!

12

Как я красавицу грузинку полюбил,
Чтоб с ней беседовать, грузинский изучил.
Я столько раз сказал ей: «Моди, моди, моди!»,
Что каждый волос мой со мной заговорил.

13

Дивная сила дана моим звучным словам:
Воду в вино они, яд превращают в бальзам.
Розовым соком моих благодатных речений
Я от давнишних скорбей исцеление дам.

14

Любимая на корабле, а я на суше, я в беде!
От горя качка у меня, и нет мне пристани нигде.
О ветер, радостную весть примчи мне от моей
любви,
Чтоб к цели доброй, как корабль, пошел по кормчей
я звезде.

15

Пока не низок ты душой, — доволен будь.
Пока владеешь ты собой, — доволен будь.
Какой бы ни было судьбой доволен будь,
Ты — только сын годины злой. Доволен будь!

16

Мир этот, Хагани, покинь, — здесь правит ложь,
Оставь печали дом, — ты радость обретешь.
Пусть небом жизнь дана, тебе она — оковы,
Так возврати ее, — свободным ты уйдешь!

17

От друга любви напрасно не жди, о сердце.
Любовной игры с ним не веди, о сердце.
О нежной любви ему не тверди, о сердце.
О друге забудь и молча уйди, о сердце.

18

Голову мне огнем осыпаешь и сердце мое.
В горестный путь ты меня отпускаешь и сердце мое.
А если останусь, — ты душу терзаешь и сердце мое!
Но я от тебя отрекаюсь, — ты знаешь и сердце мое.

19

Тоска по тебе сердце разбила на сто частей,
Путь мой потерян во мгле, — счастье верни мне скорей!
Могу ль не печалиться, если от этой печали
Даже могучие львы жалкой лисицы слабей.

20

Сердце твое, как птица, вспорхнет, — что тогда?
Конь твой в пути усталый падет, — что тогда?
Сан человека от мира ты в долг получил,
Долг он с тебя обратно возьмет, — что тогда?

21

Не подражай ничтожным, Хагани,
За почестями гонятся они.
Не ферзью, что идет кривой дорогой,
Но пешкой стань, — и путь прямой храни.

22

О Хагани, от низких отвернись
И устреми все помышленья ввысь.
Не будь, как мотылек, прельщен свечою, —
Как лилия ты солнцу поклонись!

23

Служить я страсти больше не хочу.
Я сердце испытаниям учу.
Как смеет мотылек влюбляться в солнце,
Когда не в силах победить свечу!

24

Прошла, умчалась юность Хагани,
Печальны были все года и дни.
Прошло всё время в чтеньи эпитафий
На горестных похоронах родни.

25

Хотел меня великий одарить:
«Что, Хагани, желаешь получить?»
Ответил я: «Ты всё способен сделать,
Но вряд ли сможешь юность возвратить».

26

Не наливай вина мне. Всё равно
Разбито сердце и в глазах темно.
И сколько б ты ни налил — всё без пользы:
Не может грусти вылечить вино.

27

Когда письмо твое пришло ко мне,
Был черен мир. Он стал черней вдвойне.
Но мысль твоя издалека блеснула
Сквозь мрак двойной, — и снова я в огне!

28

Что буду делать с кубком золотым?
Дай глиняный! Он станет мне родным.
Пока я сам не обратился в глину,
Пусть будет кубок глиняный моим!

29

От волн любви опять качаюсь я,
От слез кружится голова моя,
Дохнешь — и вновь я, как вода, взволнуюсь
И полечу по волнам, как ладья!

30

Я засыпаю — ты в моих глазах.
Я просыпаюсь без тебя в слезах.
Мне легче будет, если, вырвав сердце,
Отдам тебе, ни слова не сказав!

31

Я — лилия, ты — солнце. И, скорбя,
Давно в слезах я утопил себя.
Я ночью умираю от печали,
Я утром оживаю для тебя.

32

Меня несчастным смело назови:
Я сломлен, скручен путами любви.
Всю ночь, пока с друзьями ты пируешь,
Сижу, потоплен в собственной крови.

33

Где яд, чтоб другом я его назвал,
Где меч, чтоб счастьем я его считал,
Где смерть, чтобы ее как избавленье
Потусторонний мир мне даровал?

34

Газелью стая львов побеждена! —
Но ты сама, газель моя, грустна.
Клянусь аллахом и твоей душою,
Что и моя душа сейчас смутна.

35

Я тьмы такой не видел никогда.
Я в печь вселенной ввергнут навсегда.
Я банному котлу подобен сердцем —
Внутри огонь, вокруг огня вода...

36

Всё строже ты — я в приступе тоски,
Как нитку, рву терпенье на куски.
В тисках любви устало биться сердце!
Оно в крови, но я разжал тиски!

ПОДАРОК ДВУМ ИРАКАМ

(Отрывки из поэмы)

В чем суть мастерства? — Если знать ты
желаешь,
Приди, у меня эту тайну узнаешь.
Я зернышком разума был, — и крупицей
Сознанья я в солнце сумел превратиться.

Блещу я стихами, что мир озаряют,
Другие поэты мой свет отражают.
На три этажа они ниже, в сравненьи
Со мною их блеск — лишь мое отраженье.

Ничтожества! Все вдохновляются мною,
Едва же уйду я, — гордятся собою.
Но если без солнца луна и сияет,
Чуть солнце взойдет, — ее свет пропадает.

Обращение к солнцу, упрек золоту

Мужчине за золотом гнаться не надо,
Ведь в красном да желтом — ребенку отрада.
Затем и непрочно так розы растенье,
Что золота стоит ее опеof оперенье.
За золото роза выносит страданье
Под прессом, как золота слиток в чекане.
У тех, кому золото в сумку набьется,
На шее от сумки канат обовьется.
Кто силу лишь в золоте видит едином, —
Рабом его станет, а не господином.
На муки и алчность оно обрекает,
Страсть к золоту словно огнем обжигает.
«Зер» — золото, в имя «Зердушт» оно входит,
Поэтому гебр в нем опору находит.
Но что же оно? — Лишь погасшее пламя,
Ничтожно, как прах, что у нас под ногами!
Источник души, коль навеки зароешь, —
Ни золотом ты, ни огнем не откроешь.
Коль жажда металла тебя обуяла, —
Чем золото станет? — Магнитом металла!
Стремленье к металлу в себе подави ты, —
И будешь свободен от силы магнита.
Ведь золото, право, мошенник великий,
Забудь навсегда этот идол двуликий.
Разбей его! Пусть в тебе вера пылает,
Поскольку неверных богов разбивают.
В глазах Хагани не осталось сомненья:
Страсть к золоту — идолу дань, поклоненье!
Всех идолов праведно уничтожал он,
От пламени — идола гебров — бежал он.

Мир славы, людьми почитаемый, — право,
Не больше, чем просто дракон семиглавый!
Чьи взгляды лишь золота блеск привлекает,
Тот сам себя на слепоту обрекает.
Ты, солнце, даруешь алмазам сиянье,
Всем в мире вещам придаешь очертанье.
Как мать ты для каждого, пусть негодяя,
Любовница каждому ты даровая.
Ты в степени равной всех взглядом ласкаешь,
Ты взглядом сквозь каждую вещь проникаешь.
Начало всего! Но в своем самомненье
Ты стелешься в ноги достойным презренья.
Ты, всё озаряя, свой свет не жалеешь,
Что ж ты мне не светишь, меня ты не греешь?
Друзьям поступать так совсем неприлично,
Лишь недруги так поступают обычно.
Ты вечно лучами Ширван согреваешь, —
Так что ж ты меня в темноте оставляешь?
Товарища нет, чтобы душу открыл я,
И друга мне нет, чтобы горе излил я.
Я в угол забился в тоске и тревоге,
Печалью как будто бы скованы ноги.
Сижу я, пронзенный кинжалом страданья,
С горячим, сжигающим душу дыханьем.
Как петли дверные висят, — неподвижен,
Рыдаю, любым негодяем унижен.
Молчу ль, говорю ль — без души, без стремленья,
А двинусь — так камню подобен в движенье.
Я ранен, я зноя и жара коснулся.
И стана «алиф» точно «мим» изогнулся.
У двери людской ты всегда как всесущий,
Ты — бог, не взаймы, а бесплатно дающий!
А я лишь кольцо этой двери великой,
И кольцами к небу летят мои крики.
Те кольца, сильней, что ни день, раскаляясь,
Мне душу сжигают, на горле сжимаясь.
А ты ежедневно, едва засияешь,
С друзей своих иго печали снимаешь.
Так что ж ты в окошко мое не заглянешь,
Ни в душу мою, ни в жилье не заглянешь?
К окну моему почему ты не склонно? —
Нет в доме моем никакого дракона!

Сияешь ты людям в такие оконца,
Где радость царит, где светло и без солнца.
Как часто слепцам ты и плутам сияешь
И на безголовых ты нимб надеваешь...
Кольцо золотое твое получает
И тот, кто цены ему даже не знает!
Кто ж золото в сумку такую положит,
В которой оно удержаться не может?..
Отныне удел для презреннейших, право, —
Казна государства, успехи и слава!
Увы, благородства лишилась природа,
И нет его в мире, и нет у народа!
Теперь даже небо вверх дном повернулось
И щедрое солнце скупцом обернулось.
Нет, нет, всё что сказано мной, — заблужденье,
Я просто зашел далеко в увлеченье.

Однажды, под утро, дорогой сомнений
Я был погружен в лабиринт размышлений,
Как страж, преградивший дорогу мне сразу,
Разрушил мой плен одиночества разум.
Ему на плечо я оперся рукою,
А на шариат, как на посох, другою.
При помощи их я обрел облегченье,
Ступил наконец я на путь избавленья.
Как будто на небо седьмое попал я,
Иль неба девятого свет увидал я.
Глаза распахнув, я узрел в отдаленье
Сияние утра — зари украшенье,
Почудились мне в предрассветном дыханье
Влюбленного вздох, глаз любимых сиянье.
Рассвет как шатер над землею взметнулся,
На огненных нитях шатер натянулся.
Дыханье зари аромат источало,
Луна, как рассвета кольцо, заблистала.
И крик петухов и литавров звучанье
Смешались, став пестрым зари одеяньем.
К величию вечности я прикоснулся
И с сердцем прозревшим в то утро проснулся.
В одно это утро я всем наслаждался,
Чем сорок рассветов Адам любовался.

Когда стяг зари пламенеющей взвился,
В дверях моих Хызр — сам пророк появился.
Расцвел, увидав меня, так улыбнулся,
Как будто бутон предо мной развернулся.
И тысячу праздников мне подарил он,
Когда полумесяцы губ отворил он.
Любое из слов, что из них вылетало,
Светило, как солнцем меня озаряло.
Меж тех полумесяцев зубы сверкали,
И все тридцать шесть, словно звезды, блистали.
Великую милость ко мне проявляя,
Он сел, как садятся, больных навещая.
Стон слабого тела достиг его слуха,
Узрел он ранение слабого духа.
Он боль головную развеял дыханьем,
Он речью своею взял верх над страданьем,
Слова его розовой были водою,
Индийской была его речь камфарою!
И так ими щедро меня окропил он,
Что духа глубокую боль прекратил он.
Сказал он: «Я вечером был со святыми,
Средь избранных, призван, как избранный ими.
По зову мужей семерых досточтимых —
Невольных отшельников, в горы гонимых.
Они обо многом в ночи толковали,
И строчки стихов твоих там прозвучали.
Вдруг сделались горы светлы в озаренье
И вздрогнули, словно от землетрясенья.
Стихи твои ранили и врачевали,
И все, кто внимал им, восторгом пылали.
Чалму, покрывала, одежды срывая,
Бросали на землю, чтеца одобряя,
А после расспрашивать стали пространно:
Откуда поэт? Я сказал — из Ширвана,
Его — Хагани по прозванию — знают,
Его восхвалителем шахов считают...
И все закричали: «Как может достойный
Быть пленником этих трущоб непристойных!
В том мире, который его окружает,
Кто цену словам и стихам его знает?
Ступай и храни его, Хызр, неуклонно,
Наставником стань для него благосклонным!»

По просьбе подобной с пирушки высокой
К тебе и пришел я сюда издалека.
Теперь ты меня со вниманьем послушай,
Словам дай проникнуть и в сердце и в уши!
В словах моих выделить главное надо:
Дни жизни — то кажутся медом, то ядом,
Под сенью ни тех, ни других не скрывайся,
Гляди, с крокодилами в путь не пускайся.
Всё: цвет, аромат этих дней — наважденье,
И зори их — только ночей украшенье.
Оружие, битвы мужей украшают,
Лишь женам белила с сурьмой подобают!..»

Встреча и беседа с Джамаладдином Мосульским

Излил пред ним я ток стихов моих,
И выслушал и похвалил он их.

Раскрыл уста ходжа. А говоря,
Он жемчугами наполнял моря.

Издревле жемчуг в море возникал,
А он свой жемчуг морю отдавал.

И жемчуга речей его поток
Украсить мог бы сей двойной чертог.

Приятен был, как веянье ночей,
Как песнь Забура, звук его речей.

Свое лицо ко мне он обратил
И так меня приветливо спросил:

«Кто ты такой и как тебя зовут?
Откуда родом? Что ты ищешь тут?»

Сказал я́: «Родина моя — Ширван,
Мое занятье — песен ткацкий стан.

Хоть плотником простым отец мой был,
По мудрости он был — пророк Халил.

В пещере бедствий изощрил я ум
Средь размышлений и бессонных дум.

Но небосвод безжалостно суров,
Меня поверг в глубокий ад грехов.

И в воле вашей милости теперь
Из ада бедствий в рай открыть мне дверь.

Дорогою стремления сердец
Прошел я землю из конца в конец,

И всё, чем я живу и чем дышу,
Как сына — богу в жертву приношу».

Ходжа спросил: «Как ты в Ирак попал?
Зачем с отчизной ты своей порвал?»

Ответил я: «Там царствует беда,
Там горек хлеб и солона вода,

Там голод и нужда, и грех, и тьма, —
Весь город этот ныне как тюрьма.

Там не бывает радостного дня,
Там небо дышит яростью огня.

Там для питья не годны воды рек
И, как в аду, томится человек.

В аду горящем бедствий и нужды
Никто не хочет насаждать сады.

От гибели судьба меня спасла
И в сторону Ирака привела.

И я, ходжа, придя в страну твою,
Увидел изобилье, как в раю.

Вот из Канана, где я голодал,
В Египет благодатный я попал!

Пусть примет светлый сам меня халиф,
В его владеньях буду я счастлив.

Как мотылька, вокруг чалмы своей
Вращай меня, веди к царю царей.

И хоть султанский славится дворец,
А где у вас такой, как я, певец?

Пусть трон царя и выше всех похвал,
Но кто его достойно воспевал?

Ведь перстень, как бы ни был он хорош,
Нуждается и в воске чистом всё ж.

На перстне вязь письмен обратных есть,
И лишь на воске можно их прочесть».

Ходжа сказал: «Высоко метишь ты,
Но совершенством, друг, не светишь ты!

Ты не достоин близко к трону стать, —
Себя ты очень любишь восхвалять.

Невежда лишь доволен сам собой,
А скромность — путь к познанию прямой.

Твердишь ты: «Я» да «я»! От хвастовства
Грудь разорваться может и у льва!

Поверь — и горло доблестных людей
Способно лопнуть от пустых речей.

Пуста бездоказательная речь,
Коль украшения с нее совлечь.

Ведь каждого, чей предок был Адам,
Мы судим по делам, не по речам.

Ты как павлин расхвастался, а он,
Взглянув на ноги, замолчит, смущен.

Коль в зеркало посмотрит невзначай,
Себя в нем не узнает попугай.

А кто себя не знает сам, как ты,
В искусстве не достигнет высоты.

Конечно, любит наш халиф певцов,
Но он знаток тончайший строя слов.

Кто не умеет тонко говорить,
Не может властелину угодить.

И свет, что озаряет целый век,
Понять не может каждый человек.

Ты — нуль, а царь — сокровище наук,
В нем мудрости земной вместился круг.

Ты разумом — дитя! Свой угол знай
И пред царем явиться не дерзай!

Дверь клада заперта. Так отойди
И спящего дракона не буди.

Ты не бахвальствуй, ударяя в грудь, —
Направь стопы домой, в обратный путь.

Ты должен был, как скромный ученик,
Перед учителем связать язык.

Пусть речь твоя остра — она пуста!
Ты лучше спрячь язык в темнице рта!

Чтоб не глумились люди над тобой,
Сдержи язык неугомонный свой!

Язык как сабля, но не спят враги, —
От сабли шею ты побереги.

Ислам ты этой саблей прославляй
И в злато рукоять не оправляй.

Язык наш — лишь гиены тела страж,
Молчанье — к раю ключ надежный наш.

Немою рыба рождена в морях, —
А место ей нашлось на небесах.

Зато язык у змея раздвоен, —
И был навек из рая изгнан он,

Ты государя видеть не стремись,
Сдержи язык свой и поберегись.

И не стучи напрасно в дверь тщеты.
Вернись в тот город, где родился ты.

Иди и школу мудрых посещай,
Прилежно все науки изучай.

Доколе ты аджам — ты помолчи,
Сперва язык арабский изучи!

Когда невежества развеешь мрак
И зрелым будешь, приходи в Ирак!»

Я отвечал: «Я долго был в пути,
И нечего домой мне унести.

Что вместо дара я возьму с собой
В страну свою, объятую нуждой?

Меня соседи спросят и друзья:
«С чем ты пришел?» — А что отвечу я?

Чтобы тебя не стал народ хулить,
Пустым бы я не должен уходить».

Ходжа сказал: «В подарок перстень мой
Возьми и унеси домой!

Печать и камень этого кольца
Прославлены везде, где чтят творца.

Всем телом, всей душою береги
Кольцо, чтоб не похитили враги!

А в камне перстня видящий узрит
Весь мир, как в чаше видел шах Джамшид.

Нося кольцо, не бойся ничего —
И вор, и джинн, и смерч бегут его.

На нем святых пророков имена,
И врачеванья мощь кольцу дана.

Пред этим перстнем гибнет Ахриман,
Он от Джамшида мне в наследство дан.

Иди в Ширван и не страшись нужды, —
Кольцо тебя избавит от беды.

Но, получив богатство это, друг,
Смотри не упускай его из рук.

Джамшид, владевший им, в дали веков
Был царь семи вселенной поясов.

И перстень сохранит тебя в беде,
Укажет яд в щербете и в еде.

Носи его — в нем свет твоей души!
Назло врагам на перстне напиши:

«Сие кольцо в подарок дать нельзя
И за сокровища продать нельзя!»

Но я боюсь, о странник, до конца
Ты не познаешь ценности кольца!»

Так он сказал и мне кольцо вручил,
И низко я главу пред ним склонил.

Я благодарностью воздал ему
И долгой жизни пожелал ему.

От мужа, что вручил мне этот дар,
Я двинулся назад, как Сад-акбар.

Увидев, что добра судьба ко мне,
Пустился в путь я к милой стороне.

И снова пересек я Кухистан
И наконец пришел к себе в Ширван.

Едва пришел я в город свой, едва
Омылся — о кольце пошла молва.

И на досуге всякий говорил
О талисмане том, что я носил.

И сам носитель царского венца
Проведал и ко мне послал гонца.

Чтоб завладеть кольцом, он стал пугать
Меня, и угрожать, и вымогать:

«Доволен будь, что жизнь цела твоя!
Пришли кольцо! Джамшид сегодня — я!

В сем перстне скрыта сущность бытия,
Отдай его, в потемках не тая!

Тебе кольцо такое не к лицу, —
К железному привычней ты кольцу.

С кольцом Джамшида не играй смотри!
Зла на себя не навлекай смотри!»

Я молвил: «Справедливостью хаган
Прославлен был. А ныне он — тиран!

Ведь шахи справедливы были встарь.
Не годен нам несправедливый царь!

Лишь справедливость зиждет и творит,
И небо справедливостью стоит!

Когда бы справедливость не дала
Воды земле — и роза б не цвела.

По справедливости родят поля,
И в равновесье держится земля.

И справедливость льет свои лучи
Весной на огороды и бахчи.

И розы тех, что их сорвать спешат, —
Шипами справедливости язвят».

Гонец мне: «Ты продай, я говорю!
Тебе за перстень город подарю!»

Сказал я: «Ни продать, ни подарить
Нельзя, как солнце грязью не покрыть.

За эликсир вселенной, за бальзам
Я перстень вам волшебный не отдам!»

На перст себе надев его порой,
Я возвышаюсь до луны главой!

Моря, что Хызр когда-то облетел,
Все в гранях перстень мой запечатлел.

Когда стригу я ногти, небосвод
Их серпиками лунными зовет.

Когда в труде изнемогал мой дух,
У перстня силы почерпал мой дух.

Кольцо скрывал в тюрбане я своем
Или носил в кармане потайном.

И в ужасе при мысли о ворах
Его я прятал в разных тайниках.

Вдали от камня светлого того
Лишался я покоя моего.

Яджудж унынья, подступив тайком,
Как крепостью, овладевал умом.

Желаний джинн с пути меня сбивал,
Мечтаний див в колодец повергал,

Дух алчности меня к туганам гнал,
Дух жадности к тегинам звал.

Один твердил: «Иди хвали царей!»
Другой: «Воспой прославленных людей!»

Но без движенья я в своем углу
Сидел на голом земляном полу.

Когда же доводилось голодать,
Презренных приходилось восхвалять.

Едва освобождался я от бед,
Дракону попадался на обед.

Как золотая чаша на пирах,
У низких духом я бывал в руках.

Но ведь когда из чаши гости пьют,
Ее пустую кравчим отдают.

Пока мой дух, как чаша, не разбит,
Я, видно, не избуду этот стыд.

Но не позор ли: чашей Джама быть —
И чистой влагой подлый сброд поить!

Жалоба на свое положение

Жалуюсь тебе на гнет и зло.
Послушай же, откуда всё пошло.

Как раковина, я в пучине бед
Запечатлен. И мне исхода нет.

Чтоб жемчуг взять, чтоб створки разомкнуть,
Судьба ножом мне растерзала грудь.

Я в пламени, мне не передохнуть.
В руках беды я сыплюсь, словно ртуть.

Явились бельма на глазах судьбы,
От оспы — ямы на щеках судьбы.

Но это бельма века моего,
А оспины — Ширван и зло его.

Да, обладал я крыльями орла,
Я видел мир. Но сломаны крыла.

Я злобою пленен и окружен.
И каждый вздох мой горек и стеснен.

В ярме — я сходен с мельничным быком, —
Вращаю ворот я в кругу своем.

Мой мельник — век. Гоняет он меня,
Мне не давая отдохнуть ни дня.

Бык, мельницу вертящий целый год,
В кругу стесненном нехотя идет, —

Зерно он мелет, радует сердца,
И нет его мучениям конца.

Для достиженья цели он в пути,
И всё ж ему до цели не дойти.

Удушье тяжко давит грудь мою.
Я, сидя одиноко, слезы лью.

Мне сердце пламень внутренний спалил
И в кровь на веках слезы превратил.

Сосуд моей души разбит, о друг,
Моя работа падает из рук, —

Вот так, когда в лампаде масла нет,
Тускнеет и дрожит лампады свет.

У верных праздник есть — Новруз весной.
Но где же он — Новруз весенний мой!

Прошли года, мой волос серебря,
Как числа старого календаря.

Ведь с новым годом он не совпадет;
Свой календарь заводит новый год,

А старый календарь, что весь пройден,
Уносят из библиотеки вон

И вместе с мусором сожгут его
Иль книгоноше отдадут его.

Сложилась так теперь судьба моя:
Тот старый календарь, о друг мой, — я.

Не ведал правды я в сердцах людей,
Вернее — даже не слыхал о ней.

Юсуф от братьев много перенес.
Из-за друзей я больше пролил слез.

Я камнем в угол брошенным лежу,
От горьких мук в себя не прихожу.

Пришли в упадок все мои дела,
Болезнь костер в груди моей зажгла.

Я — попугай, что мудрости учил,
Но город зла — Ширван — мне клеткой был.

Сгубил меня горбатый сей старик,
Отрезав клюв мой, крылья и язык.

Из Индии веселья он принес
Меня сюда — в обитель зла и слез.

Хагани Ширвани

Сказал он: «Из акульей пасти пей!»
И яд смертельный пищей стал моей.

Чтоб в Индию обратно улететь,
Как попугай — я должен умереть.

Служить презренным больше не хочу!
Хоть я рожден для песен — я молчу!

Язык связал я, рта закрыл ларец,
Я запер изнутри души дворец.

О, если бы язык мой саблей был
И делал дело, а не говорил!

Да, Шемаха прекрасна, хороша!
Но как в узилище моя душа.

И каждый волос тела моего
Стал сторожем узилища того.

Не то чтобы друзей мне повидать —
Ко мне и ветер не хотят пускать.

И если шаг я сделаю в тиши
Или вздохну из глубины души,

Враги арканом этот вздох возьмут,
И исказят, и шаху донесут.

НАСИМИ ИМАДЭДДИН

Крупнейший азербайджанский поэт Имадэддин Насими родился в конце XIV века в Ширване. Сведения о его жизни весьма скудны. Поэт основательно изучил схоластические науки Востока, а также владел всеми тонкостями своего родного азербайджанского, арабского и персидского языков.

Жизнь и творчество Насими совпали с эпохой нашествия орд Тамерлана (1336—1405), тяжелые годы владычества которого нашли глубокое отражение в произведениях поэта.

В своих произведениях Насими пропагандирует идеи хуруфизма, получившего тогда распространение в Ираке и Азербайджане как протест народных масс против владычества тимуридов и ислама. После того как сын Тимура убил основоположника секты «хуруфи», одного из лучших людей своего времени Фазлулла Астрабади, Насими — с целью распространения учения хуруфи — предпринял путешествие по Ближнему Востоку. Во время путешествия Насими был задержан в городе Алеппо и по подстрекательству духовенства зверски казнен. С него живьем содрали кожу.

Насими был одним из крупных ученых своего времени, он писал прекрасные лирические стихи на понятном народу языке. В них он воспевал свое философское учение. Жизнь в понимании Насими — это эволюция. Мир создан в результате развития материи. Его взгляды были прогрессивными для XIV века. Несомненно влияние греческих философов-материалистов на формирование философских взглядов Насими. Насими оставил богатое поэтическое наследие — диваны — стихотворения, написанные на азербайджанском, персидском и арабском языках. Некоторые свои произведения он подписывал псевдонимом Хусейни.

Насими воспитывался на лучших литературных традициях классиков азербайджанской поэзии — Низами и Хагани. Творческая деятельность Насими положила конец господству персидского языка в азербайджанской поэзии. В литературе средневекового Азербайджана Насими был самым близким народу поэтом. Блестящая лирическая поэзия Насими и его идеи оказали большое влияние на крупных азербайджанских поэтов Хабиби и Хатаи.

БАХАРИЯ

(Песня весне)

Наступила весна, и с лица Гюлизар приподнялась
завеса теней.
Время терний минуло, в бутонах кусты, и сады с каждым
днем зеленей.

И, весенним огнем озарен, Гюлистан, как священный
Синай, запылал.
Приходи, Моисей, приходи и взгляни на огонь и сиянье
ветвей.

Как уста, улыбнулись бутоны вокруг, и неслышно
раскрылись цветы.
И в прекрасную розу с приходом весны снова бедный
влюблен соловей.

Сколько разных цветов, сколько ярких цветов, но под
утренним солнцем они,
Потеряв пестроту, все горят золотым отраженьем
небесных лучей.

Напои меня, кравчий, весенним вином — серебристую
деву ищу,
Торжествует цветенье, но нет еще роз на ланитах
любимой моей.

Ты послушай: в саду гиацинт и нарцисс шепчут нежно
друг другу слова.
Гиацинт и нарцисс знают тайну одну, никому
не расскажут о ней.

Если хочешь ты скрытые тайны узнать, если хочешь
проникнуть в ничто,
Ароматы цветов пусть расскажут тебе о начале миров
и вещей.

Если хочешь, о внемлющий, чтобы сейчас всё на свете
открылось тебе,
Ты, мелодию взяв, отыщи в глубине все законы движения
в ней.

Если ты никому не поклялся молчать, приходи, дай
послушать тебя, —
И откуда великое слово взялось, расскажи, расскажи
нам скорей.

Обратился наш мир в расцветающий рай, ходят райские
гурии в нем,
Приоделись сады, и раскрылись вчера на деревьях
десятки очей.

Ты доволен, что розы покрыли цветник, что жасмины
вокруг разрослись?
Оцени этот миг, ибо всё пропадет через пять
торопящихся дней.

Иисуса дыханью подобны слова, что изрек пред тобой
Насими.
Но равно для тебя безразличны они: нету силы у веры
твоей.

ГАЗЕЛИ

* * *

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не
вмещусь.
Я — суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.

Всё то, что было, есть и будет, — всё воплощается
во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья
не вмещусь.

Вселенная — мой предвозвестник, мое начало — жизнь
твоя,
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.

Предположенья и сомненья — всего лишь путь к тому,
чтоб знать.
Кто истину узнал, тот знает — в предположенья
не вмещусь.

Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл
понять.
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.

Я — жемчуг, в раковине скрытый. Я — мост, ведущий
в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира
не вмещусь.

Я — тайный ключ всех тайных кладов, я — очевидность
всех миров,
Я — драгоценностей источник, — в моря и недра
не вмещусь.

Хоть я велик и необъятен, но я — Адам, я — человек,
Хотя я сотворен вселенной, но и в нее я не вмещусь.

Я сразу время и пространство, мир изнутри, и мир
извне, —
И разве никому не странно, что в них я тоже
не вмещусь?

Я — небосвод, я — все планеты и Ангел Откровенья я;
Держи язык свой за зубами, и в твой язык я
не вмещусь.

Я — атом всех вещей, я — солнце, я — шесть сторон
твоей земли,
Скорей смотри на ясный лик мой, я в эту ясность
не вмещусь.

Я — сразу сущность и характер, я — сахар с розой
пополам,
Я — сам решенье с оправданьем, — в молчащий рот я
не вмещусь.

Я — дерево в огне, я — камень, взобравшийся
на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, — я в это пламя
не вмещусь.

Я — сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю,
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.

Старик — я в то же время молод, я — лук с тугою
тетивой,
Я — власть, я — вечное богатство, но сам в века
я не вмещусь.

Я — Насими всего лишь смертный, я хашимит и
корейшит,
Я меньше, чем моя же слава, — но я и в славу
не вмещусь!

* * *

Шербет разлуки горькой мне, как сахар, душу
подсластит.
Я против горестей держусь, упорен, как военный щит.

О светлоликая, прошу — не жги разлукою меня.
Как чистопробный золотой, моя любовь к тебе блестит.

Ты не позволишь натянуть убийственную тетиву! —
Разлуки горькая стрела, как ядом, сердце мне пронзит.

Моя луна, дабы узнать, что солнце, запоздав, взошло,
Скинь поскорей вуаль с лица, — пусть мир на лунный
лик глядит.

Кто, словно ангелу, тебе не поклонился, идол мой,
Тот будет зваться сатаной, безбожьем душу умертвит.

Моисея дерево звало на поклонение огню.
Ты проповедуешь любовь, — колени каждый преклонит!

Предположениям не верь, своим сомнениям не верь,
В экстазе — истина, она тебя с творцом соединит.

Вначале от тебя, луна, возлюбленному весть пришла...
Я жду, желаю, — пусть еще одно известье прилетит!

И родинка, и облик твой повергли Насими в огонь,
Благоухая как мускат, он в этом пламени горит.

* * *

Что за прекрасный образ здесь, — никак я не пойму?
Что за прозрачный жемчуг здесь, — завидую ему!

Адама дочерью тебя назвать не в силах я.
Такой прообраз красоты не снился никому.

Никто сей тайны до сих пор еще постичь не мог,
Быть может, это всё мечта, ушедшая во тьму?

Свой лунный лик не открывай, чадрою затемни,
Земля не выдержит тебя — тогда конец всему!

Как может нас с тобой судьба на миг разъединить?
Всегда прикованы глаза к виденью твоему.

Я как свеча, я весь в огне, за сердце я боюсь.
Оно, не встретив никого, не верит ничему.

Я иногда хочу молить, чтобы явилась ты:
Хочу сгореть в твоем огне — я эту смерть приму.

Внемлите слову Насими, — я мудро говорю.
Отнялся у небес язык — он небу ни к чему.

* * *

Взглянули розы на тебя, и зависть гложет их.
И сахар покраснел, узнав про сладость губ твоих.

Ресницы бьют меня в упор под тетивой бровей,
И снова жаждет жадный взгляд всё новых жертв моих!

Своей жестокостью едва ль меня отвадишь ты —
Дерзки влюбленные, душа враждует с телом в них.

Навылет сердце мне пронзить всегда готов твой
взгляд. . .
Ужели взглядов для меня ты не нашла других?

Тебе не знаю я цены, о, дорогая дичь!
Ты мне дороже всей земли, дороже дорогих.

Слезами вновь мои глаза сейчас кровоточат.
Готов я кровь тебе отдать из красных жил своих.

Сними с лица чадру, — она затмила нам луну.
Не дай, чтоб Насими сгорел в мучениях глухих!

* * *

Всё ярким солнцем твоего лица освещено,
Благоуханием твоих кудрей напоено.

Живую воду губ твоих я устыдился пить,
Как сахар, речь твоя сладка, пьяняща, как вино.

Что́ для себя могу просить я у небес, когда
Тебе богатство двух миров создателем дано.

Тому, кто б ножку захотел поцеловать твою,
Навек лишиться головы тотчас же суждено.

О том, чтоб мне счастливей стать, не стоит хлопотать:
С начала мира в жизни всё аллахом решено.

К нам с колосящихся полей пусть долетит зефир,
Пусть будет всё кругом его дыханием полно.

Тебя увидел Насими, красавица моя, —
И божество с тех пор в моих зрачках отражено.

* * *

Мир не стоит, пусть и твои пройдут в движеньи дни!
Мир блеском, мишурой покрыт — обманчивы они.

Не станет время ждать тебя, оно уйдет вперед.
О прозорливый, в этот мир поглубже загляни,

Богатство всей земли — тщета, пойми, о господин!
Все блага мира от себя с презреньем отними!

Но если любишь — за нее, избранницу души,
Хоть палачу отдай себя, хоть сам себя казни!

О сердце, заблудилось ты во тьме ее волос,
Любовь, подумай обо мне, на утро ночь смени.

И если завершился мир твоею красотой,
Как Магомет, опять к луне свой палец протяни.

И если ты, как Моисей, встречаешься с огнем,
То светом чуда озарись и тайну объясни.

Ты в мире только на пять дней, но коль мужчина ты —
Ты, вырвав корень мира прочь, — по-своему согни.

Да, Насими узнал теперь, что смерть к тебе пришла:
Скажи Ширин, что мертв Фархад, потухли глаз огни.

* * *

Светильней лика твоего, как моль, душа опалена.
Волос твоих не увидав, не успокоится она.

Постигли вечность Иисус и Хызр, но, кроме них, постиг
И тот, кому прохлада губ, прекрасных губ твоих дана!

Стократ блажен, кто зорок был, кто прямо в небеса
смотрел, —
Увидел оба мира он, когда упала пелена.

Того не знает астроном, что ты — мой лучший
календарь,
Что от начала до конца вся жизнь в тебе отражена.

Простой отшельник не поймет, что ты — божественный
глагол,
В огне синайского куста ты откровенья купина.

Терплю разлуку я, как пост, без сна, без хлеба,
без воды, —
Войду ль в Каабу для молитв? Или она затворена?

Соперник думает, что я тобою изгнан был навек, —
Невежда бредит наяву, когда ж очнется он от сна?

Перед твоею красотой немеет даже Насими,
Но и язык небес молчит, — так красота твоя сильна.

* * *

Где ты, желанная моя, ты душу мне зажгла, где ты?
Ты свет очей, ты в двух мирах богатство мне дала,
где ты?

О ты, чьих сладость губ вдвойне приятнее вина, приди,
Тебя не видел я, мне кровь всё сердце залила, где ты?

О ты, как роза, нежный друг, с глазами как нарцисс,
приди.
Ты мне разлукой, как шипом, всё тело ранила, где ты?

О, где спокойствие мое, о, где терпение мое?
Любовь разрушила покой, терпение сожгла, где ты?

Я в щит тобою превращен, от стрел, упреков защищен,
Забрала не сняла с бровей и с глаз ты до сих пор,
где ты?

Я — мотылек, но не могу сгореть от лика твоего.
Огонь мой, свет мой, я умру без света и тепла, где ты?

Других друзей не надо мне, когда я от тебя вдали.
О ты, что красотой своей всех в мире превзошла,
где ты?

Где ты, земной и неземной, о, где ты, храбрый всадник
мой?
Разлуки горькая стрела мне прямо в грудь вошла,
где ты?

Дал тайну бытия аллах в залог твоим кудрям, скажи,
Мой ростовщик, ты никому залог не отдала, где ты?

Ты мускус для своих волос себе в Татарии нашла,
Благоуханием кудрей меня ты в плен взяла, где ты?

С рассветом посылай ко мне душистый запах кос твоих.
Я в нетерпеньи жду. Меня ты со свету сжила, где ты?

Похмелье вечное мое, с тобой вдвоем на что нам рай?
С нектаром чаша — мне дана в эдеме ты была, где ты?

Со всеми дивами вражду затеял я из-за тебя.
Ты мне границею была, ты крепостью была, где ты?

Сегодня будет Насими властителем своей любви.
О ты, что счастье и любовь одна мне дать смогла,
где ты?

* * *

Ты мне — всё! И не будет подруг у меня других
никогда!
Единым быть должен друг, — да не будет двоих
никогда!

О любимая, в сердце мое острие разлуки вошло,
Только розу жду я весной, а колючек злых — никогда!

Друг идет дорогой прямой, так окольных дорог
не прями, —
Кто прямые пути указал, не укажет кривых никогда!

От любимой своей не жди неправедных в жизни путей, —
Ведь блаженства не обретет лукавый жених никогда.

Я всю ночь провожу в слезах, нас с тобой разлучили
враги,
Так счастливых и долгих дней пусть не будет у них
никогда.

Заключил я с любовью союз, с красотою твоей уговор,
А больше на свете уз не хочу никаких, никогда!

В кольцах дивных твоих кудрей, как в петле,
повиснул Мансур,
Так пускай не коснется другой этих прядей густых
никогда!

Насими, тайну друга храни, и свою только другу
открой, —
Да не будет понятен врагу твой таинственный стих
никогда!

* * *

Ты силков из черных кудрей на розе ланит не свивай,
Обезумевшего от любви в тьму отчаянья не ввергай.

Знай, отшельник, словами никто желаемого не достиг,
Поэтому слов не трать и попусту не мечтай.

Дорогая, пленила ты очами своими меня,
Не томи же, и сердце мне жаркой кровью не заливай.

Знай, отшельник, тот, кто влюблен всей душою,
не птица он,
Так не делай тенет из молитв и ловушек не расставляй.

Нам гурий прекрасных аллах и райский источник даст,
Не лишай же себя вина и возлюбленной не прогоняй.

Поутру и в занятый час славлю кудри и щеки ее,
О аллах, без этой хвалы утро в вечер не превращай.

Дорогая, достичь тебя — вот единая цель Насими,
Не позорь же его и врагам посмеяться над ним не дай.

* * *

Ты — как роза! Ланиты твои горят, словно яркий
тюльпан!
Ранил взор твой меня глубоко, так что кровь струится
из ран.

У меня ты сердце взяла и пытаешься душу отнять,
Но напрасны уловки твои, и без них я от счастья пьян!

С той поры, как увидел я блеск жемчужных твоих
зубов,
Потускнел для меня рубин, и на перлах я вижу изъян.

Если скажет подруга твоя, синеглазый нарцисс, что она
Прекрасней тебя, — небеса покарают ее за обман!

Дивный мускус твоих кудрей, заструившись, наполнил
мир,
И теперь уже нам не нужны ароматы восточных стран.

Тот, кто жемчуга уст не касался твоих, жаждой томим,
Тот не знает, как сладко пьянит райских кущ студеный
фонтан.

Для чего на земле растут кипарис, самшит и туба? —
Всех стройнее в глазах Насими красавицы гибкий стан.

* * *

Ты сердце мое покорил. Без тебя мне дышать — к чему?
Золотая казна, и трон, и в дому тишь и гладь —
к чему?

Совершенство свое явив, ты недуги мои исцелил,
А теперь я болен тобой, но лекарства глотать к чему?

Правоверные, знайте — мир только вместе с другом
хорош!
Если ж друга с тобою нет, всей земли благодать
к чему?

Много к богу вознес я молитв, но то, о чем я просил,
Исполнения не обрело, — так молиться опять к чему?

Взявший сердце твое ушел, но терпи, Насими,
не рыдай.
Если ж силу нашел терпеть, слезы лить и роптать —
к чему?

* * *

Для меня ты — святыня небес, всей вселенной отрада —
ты,
Чистота, которой скрывать от взора не надо, — ты.

И на небе и на земле о тебе я бога молил,
Потому что для двух миров всей жизни услада — ты.

С сотворения нашей земли ты возлюбленной мне была.
От веков и до наших дней горький корень разлада — ты.

Ты — луна, и в косах твоих искушений таится тьма.
Порождала распри в веках, не зная пощады, — ты.

Разве могут и див и зверь существо красоты понять?
Хызр укажет тебе, что родник, нам дающий прохладу, —
ты.

Сущность в чем и видимость в чем — не буду
спрашивать я,
Ибо ты — это сущность всего, всё доступное взгляду —
ты!

Если ты огневой душой сжечь желаешь меня — сожги.
Если в уголь меня сожжешь, будешь, знаю я, рада ты.

Ты дороже для Насими и гурий, и райских садов,
Для влюбленного ты — эдем, дева райского сада — ты.

* * *

Если ты затаен в душе, значит, глазу не виден ничуть. . .
От души ты неотделим — этой цепи не разомкнуть.

Небеса тобою полны, и тобою полна земля,
Ты — во всем, а приметы твои укажет ли кто-нибудь?

Разве смею я утверждать, будто ты от меня сокрыт,
Если всюду я вижу тебя, куда б ни решил взглянуть?

Так прекрасно лицо твое, что смутилась в небе луна.
Ты и в самый последний день искушеньем проникнешь
в грудь!

Торжественна речь твоя, в ней арабский мы слышим
слог,
Но в пределах одной страны на земле тебя не замкнуть.

Я отбросил душу свою, отвернулся от мира я,
Но тебя я нашел, ты — мой мир, — так душою моею
будь!

Тот, кто видит всё, — это ты, но и то, что я вижу, — ты.
Обо всем ты мне рассказал, пропустил ли хоть что-
нибудь?

В тех словах, что вещаешь ты, — совершенной истины
свет,
Так узнай, что это и есть лишь тебе присущая суть!

В этот миг ты — великий Хосров, владыка времени ты...
Насими, это время — твое! О других часах позабудь.

Ты ветхой вселенной прах от ног своих отряхни,
Ибо в новом кругу бытия совершить суждено тебе путь!

* * *

Словно светоч она горит, дивной сладостью уст маня,
Не затмит ее красоты ни луна, ни сияние дня.

Пусть фиалки твердят, что они ароматней ее кудрей,
Но сознайся, о ветерок, это всё — одна болтовня!

Кипарис не дает нам цветов, но стана ее кипарис
Пышно лилиями расцвел, надо мною ветви клоня!

Я повергнут в печаль с тех пор, как лица ее белизну
Отличил от мрака волос, что струятся из-под гребня.

Совершенство ее познав, утонул я в море скорбей,
А она побережьем идет, красотою своей дразня.

О, когда бы к ее ногам головой я склониться мог,
То желанье подняться вновь не коснулось бы ввек меня.

Насими, подруга твоя горит как лампада времен...
Так неси же светильник свой и зажги от ее огня!

* * *

Несравненна твоя красота, строен стан и прекрасен лик,
Где к виску, под волной кудрей, темной родинки мускус приник.

Тот, кто душу свою с твоей на предвечной заре сочетал,
Тот проник вместе с тобой в неземного счастья тайник.

Солнце истины я узрел, уверовал в правду я,
Но тот не увидит их, кто бесплодно мечтать привык.

Животворный огонь любви горит в юдоли земной,
Но вселенную затопил равнодушия мертвый родник.

Человеческий разум твой превыше всех на земле,
Ибо высшую ты красоту, красоту неземную постиг.

Открой нам сиянье лица, негу уст и мускус кудрей,
Чтобы истины красота озарила сердца горемык!

Из-за блеска твоих ланит, из-за дивной дуги бровей
Между месяцем и луной нескончаемый спор возник.

Словно солнце восходишь ты, не померкнет твой свет
никогда, —
Побледнела в небе луна, только луч твой ее настиг.

Я о таинстве губ твоих архангела вопросил,
Но ответа на мой вопрос не нашел его мудрый язык.

Тому, кто в грядущих веках божественной встречи
ждет, —
«Не мечтай, — я скажу, — не жди: не наступит
блаженства миг».

Хитрецам, о суфий, не верь, — окружают козни тебя,
Замышляют гибель твою и обманщик и клеветник!

Я лукавой улыбкой ее, красотою повергнут в прах,
Но сравниться хотел бы со мной и юноша и старик.

Царица красавиц ты, и подобен тебе Насими,
Как солнце среди светил, бессмертен он и велик!

* * *

Та, которую я люблю, не внимает моим речам,
Лишь жестокость девы дарят таким, как я, беднякам.

Пожалей меня, светлый друг, — ведь разлука твоя
со мной
И душу и тело мое предала кровавым волнам.

Коль не веришь, что эта игра разрушила сердце мне,
Посмотри: вот алая кровь вместо слез бежит по щекам.

Хватит, сердце, обеты твердить, проведем в веселье
хоть миг,
Пусть вчерашний день отошел, — сладость грусти
осталась нам.

Узнай, что одна лишь ты сумела меня покорить,
Пусть сердце и тело — твои, но слез я тебе не отдам.

Отшельник в михрабе вслух непрестанно молитвы
твердит,
А влюбленный касается струн тихо-тихо по вечерам.

Посмотри, как скорбит Насими, и стенаньям его
внемли:
Отчаянье — речь его, а глаза — источник Замзам.

* * *

Сегодня подругу себе, вседержителя дар, я нашел, —
Ту, к которой всегда стремил любви своей жар, я нашел.

Отныне весь мир для меня не стоит даже гроша,
Ибо чудной чеканки теперь золотой динар я нашел.

Когда был я прахом в веках, прилепилась пылинка
ко мне,
И вот без посредства других купца на товар я нашел!

Какая беда ни пришла б, не печалюсь теперь ни о чем,
Врача, что прогонит прочь самый страшный кошмар,
я нашел.

Пусть отшельник строгий меня в кущи райского сада
зовет, —
Я с шипами роз не люблю, — на земле свой гюльзар
я нашел.

Мне Иосиф Прекрасный — раб: из Египта к нам сласти
везут. . .
Но на дивных ее устах сладчайший нектар я нашел.

Сокровенной тайны своей не открою недругам я, —
Ту, что верно будет беречь тайной страсти пожар,
я нашел.

Солнце счастья взошло надо мной, животворный открыл
я родник,
И заветную сущность ту, что искал как школяр,
я нашел.

Отшельник, ступай в Багдад, поведай людям о том,
Что похитившую меня силой сладостных чар — я нашел.

Не нужны мне ни жизнь, ни мир, — я подругу верную
взял,
Верность крепкую, что ничей не расколет удар,
я нашел.

Спящий — вору казну отдает, но прекрасную, как луна,
Непрерывно льющую мне опьяненья угар я нашел.

Если я посмел, как Мансур, воскликнуть: «Сейчас я —
бог!»
Не судите меня! Ибо казнь в самый жизни разгар
я нашел.

Словно в древности Моисей, сам в себе свой образ ищи,
А милой моей лицо сквозь облачный пар я нашел.

Насими свою веру сменял на ересь ее кудрей,
Власяницей одетый аскет, узнай — свой зуннар
я нашел!

* * *

Подобен Корану твой лик, я весь его изучил,
В каждом волосе веру свою и ее отрицанье нашел.

Божественным светом своим озарила вечность тебя,
И я на твоем лице лучи ликованья нашел.

Вся ты — дивные письмена, а ликом подобна луне,
Я солнечный отблеск в тебе и луны сиянье нашел.

Все восемь эдема садов отшельник мне обещал.
А я свой цветущий рай в твоем созерцанье нашел.

Я обиды от милой терпел, от любимой всё перенес,
Исцеленье от всех болей в ее врачеванье нашел.

На лике твоем, Насими, божественные слова, —
И я, созерцая его, божества познанье нашел.

* * *

Ты шахом себя назвал, но скажи, суд твой правый где?
Ты беспечен, а мудрость твоя, — над преступным
расправа где?

Не феникс сверкающий ты, но если ты птица симург,
То гнездо, куда ты летишь с добычей кровавой, — где?

И живая влага и плоть в существо Адама вошли...
Ты — Адам, а Ева твоя с улыбкой лукавой где?

Тот, кто мудр, на свете ином в чистилище место найдет,
А чистилища твоего, коль мудрец ты, уставы где?

Надзиратель, на рынок придя, разберет, где правда,
где ложь,
А обманщик, который кричит про чистые нравы, — где?

Слово «будь» сотворило мир! Если ты вместил
алфавит, —
Это «будь», которым владеть ты бы должен
по праву, — где?

Если милости бога ждешь, — милосердие сам прояви,
А твои благие дела и добрая слава где?

Если ты сумел, Насими, с возлюбленной слиться
в одно,
То любви безграничной твоей предел и застава — где?

* * *

О любимой скажи, ветерок, хороша ли она?
Для меня она — счастья залог, хороша ли она?

Чинара она, кипарис... сладок мускус кудрей,
Щеки — розовый лепесток... Хороша ли она?

Как у лани манящий взгляд, губы — алый рубин,
Мускус родинки тронул висок... Хороша ли она?

Ароматный свежий бутон, с жемчугами ларец,
На лужайке весенний цветок... Хороша ли она?

Сила рук, влага глаз, жар груди моей — всё это
прах...
Для меня она — райский чертог... Хороша ли она?

Рада ль ты, что, стеная, летит на любовь Насими,
Как на пламя свечи мотылек? Хороша ли она?

* * *

Я у вечности на пиру был прекрасным лицом опьянен,
И с тех пор всё кажется мне, будто мир кругом
опьянен.

Отшельник, не думай ты, что обычным я хмелем пьян,
Я божественной красотой из небесных хором опьянен.

Страшный суд от хмеля того едва ли пробудит меня, —
Мне любимая кубок дала, я единства вином опьянен!

Гуляка и бражник я, мне сидеть бы в углу кабака,
Но с первого дня земли я, любовью влеком, опьянен.

Божественный разум в тот день взбушевался и создал
мир,
И стал он глаголом «будь», прозвучавшим как гром,
опьянен!

Стали джинны и люди в тот день, и птицы и звери
пьяны,
Стал огонь и вода, и земля, и любой водоем опьянен.

Хор светил и престол земной стали хмелем одним
пьяны,
Целый мир в единственный миг был единым питьем
опьянен.

От благого вина любви, от божественного вина
Сонмы звезд и небесный свод, и земли каждый ком
опьянен.

Знай, аскет, что всё — во хмелю, от подземных
глубин до звезд,
Каждый плевел, который нам во вселенной знаком,
опьянен.

И Адам и Ева пьяны, и древо познанья в хмелю,
И Кевсер, и ангелов круг в саду неземном опьянен.

Знай, что Ной, Давид, Соломон и Захарья, и Шуэйб,
Моисей, Иисус, Мухаммед, — каждый в сердце своем
опьянен.

Царь мужей, Али, — божий Лев, правоверных великий
вождь,
Победитель над тайной недр и над грозным врагом —
опьянен.

Пророков, провидцев, святых и угодников нищих род
На священном этом пиру позабыл о былом, опьянен.

Пьян кадий и муфтий пьян, даже самый чистый из них,
Правоверный он иль гяур, каждый первым глотком
опьянен.

Кааба пьяна и зуннар, и неверных кумирня пьяна,
Каждый гость, зашедший в корчму, заодно с корчмарем
опьянен.

И безверье и вера пьяны, и влюбленные оба в хмелю,
Тот, кто любит, и тот, кто любим, — в упоеньи одном
опьянен.

Осудили еретика, наступил винопития час, —
И сознался суфий, смеясь, что и он под хмельком,
опьянен!

Принесли из погреба нам оживляющего вина, —
И уже не только святой, и тюрбан на святом опьянен! . .

И арфа, и бубен, и уд, и флейта, — все во хмелю.
Каждый путник, зашедший к нам, в наш веселия дом,
опьянен.

На пути нашем — город любви, все красавицы там
пьяны,
И всякий живущий там, к кому ни зайдем, опьянен.

И дорога, и стены, и дверь, и сады, и дома пьяны,
Каждый в доме, будь он господин или жалкий раб, —
опьянен.

Если тот, кто на казнь идет, возглашает громко: «Я —
бог!» —
Знай, что это влюбленный Мансур, — он любовным огнем
опьянен.

Соловью из райских садов подобна душа твоя,
Так терзай же песней себя и ночью и днем, опьянен.

Насими, открыты тебе сокровенные тайны небес,
И могучим словом своим ты вещаешь о том, опьянен.

* * *

Ушла. Тише, сердце мое. Возлюбленной ты не ищи.
Недуг мой неисцелим. Напрасной мечты не ищи.

Если верности в мире ждешь, значит, разум ты потерял,
Поразмысли-ка и ничего в мире, полном тщеты, не ищи.

Если друг отрицает всё, если в бога не верит он,
Ты же веришь, — признанья тогда своей правоты
не ищи.

Окутал вселенную мрак, мрака этого берегись.
Радость глаз моих! Света дня средь ночной темноты
не ищи.

Ты очей еще не раскрыл, и встреча еще далека,
В напрасных мечтах своих дорогие черты не ищи.

Пока не изранит тебя каждый шип, соловьем не рыдай,
Побегов, где ждут любви неземные цветы, не ищи.

Хочет падали черный гриф, ты же соколом ясным будь,
В пищу падали мерзкой себе, глядя вниз с высоты,
не ищи!

О несведущий, под луной всё изменчиво, тленно всё, —
Потому постоянства здесь, средь мирской суеты, не ищи.

Свет и пламя были — одно. Только света достигли мы,
А пламени, Насими, за пределом мечты не ищи!

* * *

Голова твоя — это мяч, ждет тебя играющих круг.
Если ты желаньем томим, войди в ее локонов круг.

Как игрушку возьмет тебя, серебро ее рук блеснет,
Но умолкни и уходи, если ты неискренний друг.

Если ты страдал от любви и несчастье разлуки узнал,
Нет лекарства горю тому, не излечится тот недуг.

Кто в жертву себя принес, только тот достоин любви,
Пусть он в каждом дыханье своем обретет исцеленье
от мук.

Если хочешь пленником стать ароматных ее кудрей, —
Не пытайся их тайну узнать, на вопросы не трать
досуг.

Ты забрало кудрей подними над розой ее лица,
И она ослепит гюлистан и затмит хоровод подруг.

Много дивных нарциссов цветет в садах у прекрасных
дев,
Но пред дивным нарциссом твоим все другие померкнут
вокруг.

Тот, кто в будущем рая ждет, пусть посмотрит, как,
дерзкий, я
Обменял сегодня тот рай на прекраснейших уст
жемчуг.

Хвала вам, перлы зубов, хвала вам, кораллы губ,
То в пучине ее красоты цветущий подводный луг.

Словно стрелы ресницы ее, а брови ее — тетива,
Но только влюбленному в грудь целит тот верный лук.

Бесконечен для разума смысл изречений твоих, Насими,
Кто постигнет науку ту, труднейшую из наук?

* * *

Где, покажите мне, есть друг, что обещанью верен,
Где есть возлюбленный, что был своим признаньям
верен?

Где человек на свете есть, что был бы справедливым,
Где есть такой, чтоб до конца во всем бы был
правдивым?

Где сердце чистое без лжи найдешь, бродя по свету,
Где без единого пятна отыщешь ты монету?

Где человек, который сам сказал бы в откровенье,
Что недоверья в сердце нет, что он не знал сомненья?

Где тот жемчужный перламутр — искать такой
напрасно, —
Чтоб сразу перлов заключал он тысячу прекрасных?

Где правду любящий Мансур на свете притаился,
Чтобы погибнуть за любовь охотно согласился?

Где тот, который всей душою к истине стремится,
Где прозорливый тот, кому она могла б открыться?

Где тот, кто б и среди невежд был умным постоянно,
Где тот, кто трезвость сохранил, когда вокруг все
пьяны?

Где верный слову своему есть человек, — скажите?
Кого же верным я назвать мог другом бы, — найдите?

Где тот, который бы признал, желая вам открыться,
Что таинств тысяча на дне души его хранится?

О, если б с другом На́сими таким соединился,
Неважно, если б против них весь мир бы ополчился.

* * *

Что мне жизнь, что мне мир без тебя, — для чего
Боль разлуки, когда ты моя, — для чего?

Яхонт уст твоих чище воды ключевой,
Струи вин, что нам радость дарят, — для чего?

Воцарилась в душе моей грусть по тебе,
В государстве одном два царя — для чего?

Исцелит себя жаждущий горем твоим,
А тому, кто познал его, яд для чего?

И садовая роза лишь шип без тебя,
Что мне лучший цветок без тебя, — для чего?

Для влюбленных твоя красота — это рай,
Приходи, самый рай без тебя для чего?

В двух мирах мне важна только встреча с тобой,
Милосердный господь без тебя — для чего?

Для вкусившего сладость свиданья с тобой,
Яд и горечь разлуки вкушать для чего?

Для чего мне терзаться в разлуке с тобой,
Трудно ль это, легко ль, всё равно — для чего?

В мире вечном скреплен наш любовный союз,
Пусть нарушен, пусть прочен, — нам брак для чего?

Неразлучна с тобою душа Насими,
Так скрываться от взора его — для чего?

* * *

Эй, пробудись, беспечный, ты Джамшида кубок потерял,
Чего беспечностью достиг? Ведь ты последнее проспал.

Иль в правде ты увидел зло, что обратился вдруг
ко лжи,
Эй, берегись, ведь правду ты, как видно, с суетой
смешал.

Соблазнам дьявола не верь, не поддавайся сатане,
Душа до цели не дойдет, коль дьяволу ее предал.

Неверным миром увлечен, смотри впадешь в самообман,
Знай, человеку этот мир еще подвластен не бывал.

Жизнь преходяща, отвернись от почестей и благ
мирских,
Трудна, легка ли, всё равно пройдет, у всех один
финал!

Ты ложным предался страстям, к чему богатства ищешь
ты,
Иль ты об истине забыл, что к миру так привязан
стал?

Подобен богу ты, клянусь, зачем же дивом хочешь
стать,
Иль сущность в нем твоя, иль ты и милосердья
не снискал?

Ведь раковина — скорлупа без перла-жемчуга, пойми,
Кто эту тайну не постиг, тот истины не разгадал.

Глубок речей таких намек, непостижим уму иных,
Как может тот узнать Лейли, кто сам Меджнуном
не бывал?

Коль ведомо свершенье дел тебе и кто их совершал,
То знай, вершитель — это ты, равно — просил ты иль
давал.

О ты, имеющий глаза, войди в обитель бытия,
Ты ключ познанья, океан, ты перл, начало всех начал.

Нет, не в тебе всему конец, — ты среди кладов тайный
клад,
Так отчего ж познать себя ты невозможным посчитал?

Отведав роковых страстей, отравлен ими, жаждешь их,
Оставь убийственный шербет, забудь, что ты его
вкушал.

О тайнах мирозданья ты вещаешь миру, Насими,
Но как поймет невежда их, когда себя он не познал?

* * *

Ты друга дешево продал, цены ему не зная,
Ничтожен тот, кто друга мог так дешево продать.

Невежда дешево отдаст тебе бесценный жемчуг, —
Откуда стоимость его невежда может знать?

Поймет лишь тот, кто сам влюблен, других влюбленных
тайны, —
Как может тот, кто не любил, те тайны прочитать?

И все слова его пусты, и доводы напрасны,
Когда любимой в жертву он не мог бы жизнь отдать!

Коль кто-то лжив в своих словах и в деле ненадежен,
Ни дело, ни слова его нельзя ни в грош считать.

Влюбленный может ли от той не выносить страданья,
Кого он любит, если цель ее всю жизнь его терзать?

На плаху поднимись, Мансур, сгори, назвавшись богом,
Земную казнь прими, дабы загробной избежать.

Кто отказаться может сам от локонов любимой,
Тот слеп, он мускус дорогой готов за прах принять.

Аскета четки поминать умеют только бога,
О сердце, сладость нежных губ должно ты восхвалять!

Ты перлы, Насими, продай тому, кто их оценит, —
Зачем тебе перед свиньей свой бисер рассыпать?

* * *

Сердце жжет тоска и горе — друга не найти,
Долго я искал работы — места не найти.

Другом многие зовут, но истинно одно:
Час настанет — нужен друг, а друга не найти.

Мы влюбленному обычно сердце отдаем,
Сердце отдал, а подруги что-то не найти.

Есть такие, что о правой вере вам твердят,
Но у них креста с зуннаром даже не найти.

Бездарь в мире захватила лучшие места,
По достоинству иному места не найти.

Есть у каждого халат и головной убор,
Только головы достойной, право, не найти.

Нет, не диво, если стащит все одежды вор, —
Ведь недремлющего в целом стане не найти.

Можно горе пережить, не страшись страдать,
Если сердце жаждет, — жажде края не найти.

От коварства, лицемерья беден знаний мир,
Примененья же ученым, мудрым не найти.

Насими, уйди, не надо душу раскрывать,
Ныне искреннего друга в мире не найти.

* * *

О ищущий, ежели ты не слепой,
Всё то, что обещано, — перед тобой.

Всё сгинуло, облик остался один,
Тот стал океаном, тот — в глуби пучин.

Коль зорки глаза, посмотри глубоко
В себя, — не ищи божества далеко.

Узри свое тело и душу его,
Ты — цель, ты — венец мирозданья всего.

Один правоверный в другом отражен
Как в зеркале, ты — человек, так и он.

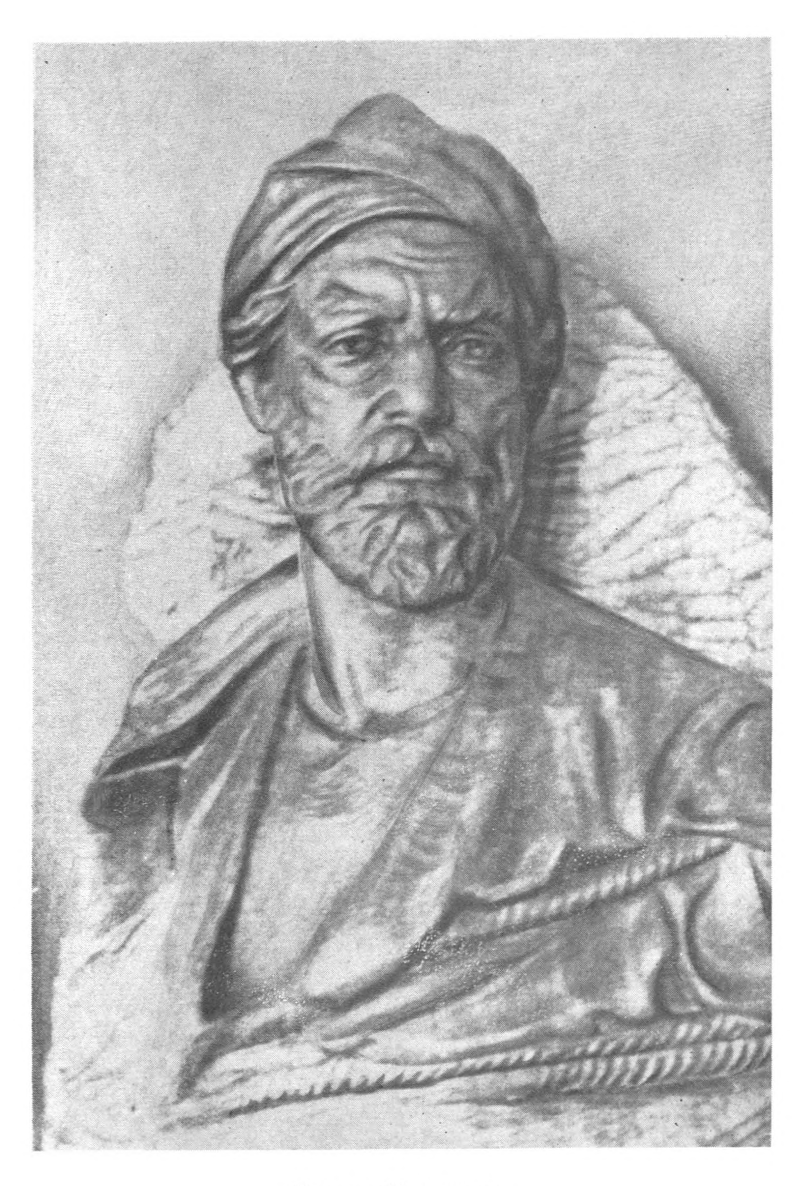
Старайся от дьявола душу сберечь,
Мой друг, ты не слушай лукавого речь.

И знай, кто проклятым вином опьянен,
От сущности вечной навек удален.

. . .Далекий от истины, правду познай,
Коль сам ты не див, человека признай.

Лучи божества в человеке зажглись,
Ему — человеку — скорей поклонись.

Грядет страшный суд, уже рог затрубил,
Что дремлешь? Иль глух от рожденья ты был?

Насими Имадеддин

День судный уже наступил, пробудись,
Не веришь? Открой же глаза, оглядись!

Тот день наступил, так проснись же, пора,
Полна злодеяний и бедствий пора.

Рог трубит, тебя же не трогает звук,
Не поднят, застрял на мосту твой каблук.

Готовы весы, всё воскресло, взгляни,
Суд божий настал, бог явился, пойми.

Но ты тайны божьи умом не постиг,
Они тебе чужды, ты в них не проник.

Для тех, кто познал эту жизнь, этот мир,
Не стоит единого атома мир.

Я тайну открою: день судный, поверь,
Вещает из пропасти вышедший зверь.

А следом явился последний пророк
С фирманом, и миру всему он изрек,

Что с палкой в руках Моисей — это он,
Что он — с вековечным мечом Соломон.

Что он отличит тех, кто бога предал,
Несчастье тому, кто всю жизнь свою лгал.

Он посохом род перекрестит людской,
Чтоб мир равновесье познал и покой.

Ведь истина лишь в равновесии том,
Вся власть, абсолютная истина — в нем.

Лишь в истине этой есть правильный путь,
В ней смысл божества, Насими, не забудь.

Путем равновесия следуй скорей
И будешь свободен от бренных скорбей.

За истину бейся, коль к благу идешь,
Стремись, добивайся, — его обретешь.

Прислушайся к вздохам — стихам Насими,
Источник всего, глубина в них, пойми!

МУХАММЕД ФИЗУЛИ

Физули, Мухаммед Сулейман-оглы, величайший поэт азербайджанского народа, родился в 1498 году в иракском городе Кербела, недалеко от Багдада. Отец его, Сулейман, был просвещенным человеком. Он переселился в Багдадскую область из Азербайджана и служил в качестве муфтия в Хиле. Физули изучил греческую, арабскую и иранскую философию, прекрасно знал астрономию, логику, математику, медицину и другие науки. Он освоил и синтезировал в своих творениях культуру двух миров — Востока и Запада, стал одним из самых передовых людей XVI века. На формирование Физули как поэта и мыслителя огромное влияние оказало творчество классиков азербайджанской и мировой поэзии Фирдоуси, Низами, Хайяма, Насими, Навои и других.

Физули является основоположником азербайджанского литературного языка. Он писал свои произведения на родном азербайджанском, на персидском и на арабском языках. Жизнь Физули прошла в бедности и нужде. Он никогда не пользовался вниманием феодалов. Никогда не выезжал за пределы Багдадской области. Умер Физули в 1556 году в Багдаде во время чумы и был похоронен в Кербела.

Рукописи произведений Физули разбросаны по всему культурному миру. В Британском музее, в Москве, Ленинграде, Вене, Дрездене, Мюнхене, Стамбуле, Баку, Ташкенте, Казани — сохранились старинные рукописи и копии его творений. В Грузии и Армении имеются произведения Физули, переписанные грузинскими и армянскими письменами.

Физули начал писать очень рано и дебютировал поэмой «Бенг-у-баде», посвященной шаху Исмаилу Хатаи. Сохранились шестнадцать крупных произведений Физули: поэма «Лейли и Меджнун», три «Дивана» на азербайджанском, арабском и персидском языках, «Шикает-наме» («Жалобы»), религиозно-историческая повесть «Хадигат-ус-Суада» и другие.

Поэма Физули «Лейли и Меджнун» является шедевром мировой поэзии. Физули вошел в историю азербайджанской литературы как крупнейший лирик, поэт больших чувств и идей. Большое влияние оказал Физули на всех поэтов Азербайджана последующих времен, он стал одним из любимых поэтов не только родной страны, но и народов Средней Азии, Ирана, Турции — всего ближневосточного мира.

* * *

Падишах золотой земли подкупает людей серебром,
Он готовит полки для захвата другой страны,
Сотней козней и хитростей он побеждает ее,
Но и в этой стране нету радости и тишины.

И в тот гибельный час, когда рок совершил поворот,
Гибнет сам падишах, и страна, и мильоны людей.
Посмотри: это я властелин, дервиш, сильный войсками
слов,
Громоносное слово — источник победы моей.

Видишь, каждое слово мое — великан, что из истины
силу берет;
Если слово захочет, будут море и суша покорны ему.
И куда б я его ни послал, слову чужды почет и казна;
Слово, взявши страну, никого не заточит в тюрьму.

Все стихии вселенной слово мое не сотрут,
Не раздавит его колесо вероломной судьбы.
Пусть властители мира мне не даруют благ:
У меня в голове есть корона скромной моей резьбы.

Я свободен во всем! Кто б ты ни был, слушатель мой,
Ты не должен за корку хлеба преходящему быть слугой.

ГАЗЕЛИ

* * *

Я в горе сам сгорел, но им не опалил тебя.
Зачем, раскрывшийся бутон, я б огорчил тебя?

Пей только чистое вино, любовью мы пьяны.
Горит в огне терзаний тот, кто полюбил тебя.

И если чаша пред тобой и в ней горит вино —
Ищи в вине того, чей взор боготворил тебя.

Окислить красное вино случайностью могли.
Как много красок в том цветке, что оживил тебя.

Ты выйди в сад. Ни одного бутона нет в саду,
Что кровью сердца своего не залил бы тебя.

Я думал — стан твой кипарис, но что там кипарис —
Божественною красотою мир наградил тебя.

Я горе камню изолью иль локону волос,
Кому-нибудь, кто б хоть на миг мне заменил тебя.

Пока тобою я пленен, в тоску закован я, —
Хочу, чтобы никто другой не получил тебя.

Любовью к чистому вину наполнена душа.
О, неужели слез поток не умолил тебя!

О Физули, твой черный рок к тебе благоволит —
Неутомимою тоской он одарил тебя.

* * *

Я скован, я пленен, с тех пор как увидал тебя.
Губ ослепительный цветок так украшал тебя!

Я жизнь на маленькой свече без колебаний сжег.
С душой своею до небес я поднимал тебя.

Я сердце вымою в слезах, о, тот я помню день —
В халате алом ты была, и Рахш промчал тебя.

Всегда без устали меня терзает твой кинжал.
Раскрылось сердце, как дворец! О, как я ждал тебя!

Всё сердце стрелами полно, иначе бы оно
От горечи разорвалось! О, как я звал тебя!

Тогда бы я свободен был. Но в яму вновь попал,
Увидев ямочки твои. Я так желал тебя!

О Физули, ты всё скрывал, но ворот разодрал,
И, душу увидав твою, аллах узнал тебя.

* * *

Я жизнью жертвовал не раз, но счастья не нашел.
Молил пощады, но в тебе участья не нашел,

Утратил всё, чем обладал, стал нищим, — но и тут
Бальзама нежности твоей в напасти не нашел.

О, если бы я рассказал, как мучился тогда:
Несчастный раб вошел в чертог, но власти не нашел.

Я, как ничтожный муравей, карабкался и полз,
Но Соломона-мудреца, к несчастью, не нашел.

Я одинокий соловей, поющий в купах роз.
Я попугай в саду чудес, но сласти не нашел.

Вертись фортуны колесо! Всё ближе, ближе цель!
А я сапфира для твоих запястий не нашел.

Я, Физули, простой бедняк. Красавица, прощай!
Я в бурю гибнущий челнок, я снасти не нашел.

* * *

Печалью сердце сожжено — счастливое когда-то
сердце.
Свободой гордое вчера, заботами объято сердце.

Его размыл шальной поток, плотины смяв, стремит
и бьет.
А ведь стояло, как чертог, во всей красе богатой
сердце.

Что в чарке нравится ему, что вечно тянется к вину?
Зачем пирует, не пойму, пылавшее так свято сердце?

Вчера блистало, как хрусталь, сейчас растаяло, как
воск.
Вчера негнущаяся сталь, сейчас капканом сжато
сердце.

Любовь — нешуточная вещь, и сердце сделалось рабом.
Его бессонный стук зловещ, погибло без возврата
сердце.

Гулял ты в Руми, Физули, блистал гармонией стиха.
Тебя сетями оплели — не вырвешь из Багдада сердце!

* * *

Бессилен друг, коварно время, страшен рок,
Участья нет ни в ком, лишь круг врагов широк,

Лишь страсть как солнце горяча, но безнадежна.
Кто честен — на землю упал, зато подлец высок.

Слабеет разум, совесть упрекает глухо.
Растет любовь, а с ней и горе, — всё не в прок!

Я чужд своей стране, без родины, без правды, —
Исчерчен этот мир витьем коварных строк.

Любая девушка — источник зла для сердца,
Любая бровь — как серп: смертельный завиток.

Вот мак, колеблемый зефиром, — наше знанье.
Вот отражен в воде и искажен цветок.

Желанному предел, — но сколько испытаний
И горя на пути, пока найдешь итог!

Любовь, как тара тонкий стон, неуследима.
Сам виночерпий — легкой пены маленький глоток.

Нет у меня друзей, бегу я от меджлиса.
Кто мне укажет путь? Я всюду одинок.

Морщины Физули от горя стали резче,
Вот почему он желт, вот почему поблек.

* * *

Попался в сети горя? — В питейный дом успей,
И взять, презрев аскетов, бокал с вином успей!

Тебе в уста впиваюсь, но кровь твоя — моя же!
Мою пила? — Припомнить о долге том успей!

Над головой пресветлой твоей мой дух кружится, —
Сравнить их с яркой свечкой и с мотыльком успей.

Моих рыданий правду оспорит обвинитель, —
Взгляни! Понять их в духе совсем другом успей...

Советчик! Мне не страшны кудрей любимых цепи, —
Ославить хоть безумцем, хоть мудрецом успей!

Султан! Не тем ли бредишь, что нет тебе подобных?
Сова среди развалин!.. — Не быть глупцом успей!

О, Физули! Коварство тщеты земной опасно...
Будь мужествен, — и мужем пребыть во всем успей.

* * *

Скрывает тайну рот, ее откроет слово...
О, как из ничего природа строит слово?

Кто слово превознес, — тот сам превознесен!
И знает о любом, чего он стóит, слово.

Дать слову жизнь спеши: настанет смертный сон, —
Вновь оживит тебя, — твой век удвоит слово!

Оно — в борьбе сердец — благоуханный зов:
Из-под вуали тайн сверкнет и взмоет слово!

Слова-жемчужины в сокрытости цветут,
И выход тайному на волю роет слово...

Плоть мысли — перламутр, а слово — перл живой:
Кто в море водолаз — тот и усвоит слово!

...И хватит, Физули! Боюсь продешевить, —
Заговорившихся не удостоит слово!

* * *

Я питейных домов паломник, только маг для меня
пророк,
Но любви, как вождю, я предан, в жертву душу свою
обрек!

Как бутыль, я главой склоняюсь, — чашей паду
к ногам...
Лишь надежда мне целью служит, — и не знаю к цели
дорог.

Я упреки аскета слышу. Он моей правотой смущен:
Он в беседе со мной краснеет, — пропадает его упрек!

Я, как чаша с вином, приветлив, чисто сердце мое
до дна;
Тот, кто знает об этом, — знает, а незнающему — урок!

Почитаемые надменны, а наружность моя жалка, —
Я спесивому не товарищ, от почтенного я далек...

Я друзьям своим был бы другом, — всё испортила мне
любовь,
Не бежал бы от мира — бедность обезволила, сбила
с ног...

Физули! Пожелай довольства в мире скверны и нищеты:
Осенил нашу бедность феникс и привел нас на твой
порог!

* * *

На молитвенный коврик чело не склоняй и четок
не трогай, душа!
Ты ханжей сторонись, их намазу не верь и повадке их
строгой, душа!

Ты свободы венец не роняй с головы, склонив на молитве
ее,
Омовеньем глаза не тревожь, а сомкни, — поспать бы
немного, душа! . .

Ты, пожалуй, и вовсе в мечеть не входи, — как рогожу,
истопчут тебя,
А войдешь — не торчи без конца, как менбер, —
предстоит нам дорога, душа!

Муэдзина призыв потревожил тебя? — Ты не слушай его,
не спеши. . .
Что аскеты? Помогут протиснуться в ад: не ходи
за подмогой, душа!

Эти толпы в мечети — толкучку, бедлам — неужели
умножишь собой?
Пожалей-ка ты лучше себя и других в этой жизни
убогой, душа!

Проповедника искренним не почитай, и не будем
обмануты им,
От имама не требуй большого ума, не внимай же
с тревогой, душа!

От обрядности пользы не жди, Физули! В лицемерии
радости нет.
Не безумствуй в служении, — вся эта ложь отдаляет
от бога, душа!

* * *

Вот рамазан! Ушло вино под занавес... О, горе мне!
А ченг все косы распустил: он в трауре о том вине;

Певец поведал обо всем, — он с музыкой своей исчез,
Кувшину винному пришлось уйти не по своей вине...

Ганун расстроен... Бубен, ченг уж не явились ко двору,
И шума, крика не слыхать... Дни рамазана — в тишине.

Открыты райские врата, зато питейный дом закрыт!
Мы фатиха́ прочтем, — тогда его откроют при луне.

Авось какая-нибудь дверь еще откроется для нас...
Но солнце чаши винной — где? Оно не властно в этом
дне:

За целый месяц рамазан, увы, ни разу не взойдет!
В тоске о розовом вине тускнеет взор, душа во сне...

Вот рамазан каков! — И так соображает Физули:
Дни воздержанья претерпев, вознаградим себя вдвойне!

* * *

Что́ во мне угнетателям? Дерзость ответа — и только!
Что здесь ищет зажегший светильники? Света —
и только!

Не понятно мне, что ты находишь, сидящий в мечети? —
От циновок — лишь запахи ханжества? Это — и только?

Заходи-ка в питейный вертеп... Как хорош
виночерпий!
Беспорочно вино! Золотистого цвета — и только...

Мир — пустыня лишений: таков человек... А покоя
Нет нигде, кроме города тленья... Посетуй — и только.

Все друг другу враги, — мне поэтому недруги люди:
Кроме бога, не стало друзей у поэта! — И только?

Лишь к порогу возлюбленной — путь... Сердце помощи
просит...
Чем помочь? Пожеланьем любви и привета, —
и только?!.

Честь, достоинство, о Физули, — это бедность
и бедность.
С бедняками дружить не нарушим обета, —и только!

* * *

Когда б мое Фархаду горе, вздохнул бы... И беда! —
Тут сотни сотен Бисутунов исчезнут без следа.

Когда б Меджнун моими стонами свои умножил
вздохи, —
В кудрях гнездившаяся птица упала б из гнезда!

Фархад, в прекрасное влюбленный, Меджнун, пустынь
скиталец,
Покой когда-нибудь вкушают, — лишь я один — когда?

Здесь ливни слез моих собрали ораву любопытных, —
Надеюсь, больше их и больше ко мне сметут года!

Твои глаза ко мне пристали, не в меру кровожадны...
Боюсь, грозит кровопролитьем бегущих дней чреда!

Но тот, кто хочет быть владыкой, пусть учится
смиренью:
Сперва склонят с приветом чашу, — и вскинут вверх
тогда...

О, Физули! Стерпеть не можешь жестокие обиды? —
В неверном мире не надейся на верность никогда!

* * *

Как целебно свиданье с возлюбленной, — у страдальца
разлуки спроси.
Как прозрачна вода, — у терпевшего жажды долгие
муки спроси.

Тайну уст, что полны сладкоречия, — у меня, златоуста,
спроси!
О неведомом непосвященному — ты у мужа науки
спроси.

Тот невежда и есть, кто не ведает, как слезами исходит
другой...
О теченьи светил — у не спавшего в их вертящемся круге
спроси.

Сам невеждой не будь, не сочувствуя бедным жертвам
очей красоты!
О безумстве жестоком у трезвых, успокоенных в скуке,
спроси...

Как свеча, я, пылая, истаял, — знает утренний ветер
меня,
Или ночь, что со мной коротала эти злые досуги, —
спроси!

К полной чаше любви я прикован, — видят очи-нарциссы
меня...
О бродяге у пьяницы вызнай — о хмельном его друге
спроси.

Тот невежда и есть, кто не знает о любовных усладах, —
аскет...
Физули! У влюбленного только о любовном недуге
спроси!

* * *

Колосья черные кудрей под ветром утренним витают...
Над светло-алым цветником сороки черные взлетают...

В моих непролитых слезах отражено твое лицо, —
Глядится солнце в зыбь воды, лучи, играя, заплетает...

Дрожу я, глядя на тебя, и трепет чувствую в крови, —
Грозу весеннюю любя, так легкий ветерок вздыхает...

Да сохранит тебя господь! Какое счастье, если друг
С подругой делит свой досуг и в играх время коротает!

Когда завистливый аскет твердит пустое, — толку нет:
Счастлив гуляка! Алый свет в вине свободу обретает!

Моим ты горем тяжелей навьючь верблюда, — тяжкий
вьюк!
Кафир избегнет адских мук; смеется тот, кого пытают.

Чтó слез кровавых горячей? — Потрескалась глазурь
очей!
Твоя — от близости моей — вуаль трепещущая тает...

О, Физули! Взглянуть зови влюбленных — зависть в их
крови:
В заушной ямке след любви чистейшим лалом запылает!

* * *

Мне сказано: «Уста любимой — лекарство для тебя».
Но распознав, — «О нет!» — сказали: «Так и умрешь,
терпя»...

Ах, если впрямь любовь к любимой заводит в самый
ад, —
Никто ни гурий, ни гильманов не ищет для себя!

Прошел народ сквозь дом питейный, твоей любовью
пьян...
Ты — ангел: в чертовом вертепе всё перебил, губя!

Твоей стрелой я больно ранен, — и пластырь ни к чему:
Вкус этой боли тонкострельной хочу познать, любя!

Не прочитавший сердцем книгу о вечной красоте,
Корану верит ли, что с неба Коран сошел, скорбя?

О, сердце! Ангелов слезами прогнав на небеса, —
Им не даешь теперь покоя, немыслимо вопя!..

О, Физули! Я утопаю, как юрод, в море слез,
Гляди — все горести мирские навьючил на себя!

* * *

Твой порог злосчастный — в самой малости — не принес
мне прибыли никакой,
От любви твоей не жду я жалости, кроме
скорой гибели, — никакой!

О, моя луна! Свирелью общей стану я, — и пеплом стала
кровь:
Крови даже в песнях не осталось, кроме той, что
выпили, — никакой!..

Слезы! В день прощанья покрывалом скройте мне лицо,
чтобы глаза
Только ту и видели, что снится, а другой не видели
никакой!

Так я одинок, что и вселенной нет уже теперь вокруг
меня, —
Кроме той, что бури, точно воду, завертели, вздыбили, —
никакой!

Ничего, что греет, озаряет, кроме сердца собственного, —
нет...
Кроме ветра, гость не отворяет дверь моей обители —
никакой!

О, волна! Не рассыпайся пеной... Всё, что было
крепко, — снесено...
Жизни кроме той и не бывает, что навек обидели, —
никакой!

Физули! Как не вздыхать — о, мука! — в царстве
опечаленной любви?
А свирель усладой, кроме звука, больше не насытили
никакой!

* * *

Велишь мне ненавидеть жизнь, — так бессердечна и так
зла?
Полнеба вздохом я сжигал, — ты мне светильник
не зажгла?

С другими ты, как нежный друг... Ты исцелишь любой
недуг.
А что же мой смятенный дух? Что ж ты к больному
не пришла?

Всю ночь душа моя кипит, поет, безумствует, скорбит,
Тревожит стоном всех, кто спит, — ужели не услышит
мгла?

Я вымыл бы твое чело слезами, что текут светло.
Любимая! Всё расцвело, иль ты не чувствуешь тепла?

Хранил я в тайне грусть мою, от ветреницы не таю.
Услышишь или нет, — пою. Смеешься? Очи отвела?

Не я увлек тебя, а ты страшна мне силой красоты.
Так мне ль бояться клеветы пред блеском этого чела?

Но стыд и срам для Физули — его посмешищем сочли.
Рассмотрим дело издали, — любовь-то, кажется, прошла?

МУХАММЕС

* * *

Хламиду безумия я одел, мир этот жалкий отчизной
своею назвал.
Отшельником стал я и, бросив плащ, рубаху с себя
сорвал.
Даже если, подобно бутону, плащ и рубаху надену я,
И тут же не разорву их, мой идол, нежнотелая дева моя,
Пусть и плащ и рубаха саваном станут, черным,
как смертный сон.

Хоть в мечтах о твоих кудрях изнывают мои года,
Сколько б ни прожил, эту мечту я не предам никогда,
Не думай, что позабуду ее, даже если меня казнят,
Мечты о кудрях твоих вечно со мной, вечно меня томят,
Даже если в мой череп пустой и слепой, шурша,
заползет скорпион.

Ранним утром твой розовый лик опалил меня блеском
огня.
И пошел я в сад, чтобы запах роз успокоил меня.
Как увидел я розу и вспомнил тебя, накропил я
жемчужных слез, —
Вот и пала роса, выходи же в сад окропиться росою роз!
Сад весь полон росой, каждый листик дрожит — ведь
жемчужину держит он!

ТЕРКИБ-БЕНДЫ

1

В караване печали я, из погонщиков главный — я. . .
Средь великих пустынь бытия — путник самый
бесславный я. . .
Но не смеешь ты и теперь свысока глядеть на меня!
Властелин нищеты, поверь, ее царь полноправный я,
Мой трон — из алмазов слез, стон — защита моя,
Муки, бедствия — слуги мои, свита моя!

2

Мне богатство большое дать? — Не обрадуюсь
я ничуть.
Обмануть меня, всё отнять — я продолжу спокойно путь.
Я — отверженный, я — никто, но не в том моей жизни
суть...
Я — богач для себя, зато я — Карун, не забудь!
В самом сердце я спрятал клад верности и любви...
Жаль, что перлы моих очей смертны, увы!

3

Всю истратил я жизнь свою — горы горя купил.
Лил я слезы и снова лью — желтой краски для щек
добыл.
Сердце — зеркало я разбил! Всё для зеркала пыль
копил...
Нрав бродячего пса добыл, — где хозяин мой? Нет уж
сил!
Плохо дело мое вдвойне... Безотрадную жизнь влачу.
Что дадут или скажут мне — благодарностью заплачу!

4

Все видения легких дней, когда был я в цвету,
Все года, что черней кудрей, покоривших мою мечту,
И событий любви чреду в мире, брошенном в темноту, —
Всё я помню в ночном бреду — и уродство и красоту...
Но судьба венчать красотой мне согласия не дала
Цель дороги моей земной и земные мои дела!

5

Кто завидует мне? Зачем? Что завистнику до меня?
Он меня, на забаву всем, оскорбляет, с пути гоня...
Безопасен мой горький стон молодому любимцу дня, —
И скитальцем не станет он, если буду грозить, кляня!
Но возмездие в мире есть, — и везло или не везло, —
А добру ответит добро, и зло окликает зло!

6

Только радуюсь одному: справедливый создатель сам
Не открыл еще никому, что от века назначил нам!
Есть таблицы людских судеб. Путь счастливого чист
и прям,
А несчастного путь нелеп, — криво кружится по камням.
Что счастливому? Он могуч, если свыше на нем печать:
Так и солнца упавший луч на земле нельзя растоптать!

7

Кто всевышним любим, того не унизит зависть врага, —
Не дотянется до него завистливая рука!
Этот розовый нежный куст пусть легко повредить
пока, —
Но спасенье придет из уст весеннего ветерка!
Кто по воле бога богат, коротко говоря,
У того не отнимут клад, и все ухищренья — зря!

8

Пусть теперь суета сует жизни, кипящей так,
Счастья, удач, побед перевернула стяг, —
Стал другим человек, алчущий новых благ,
Счастлив на миг — поэт, век мне теперь не враг...
Слова «преданность» нет, вычеркнул мир, — устал...
Но богохульник-век мусульманином стал!

9

Верность клятве своей блюди, — не жалуйся, Физули!
Раны стонами не береди, судьбу свою не хули.
Стрелам бедствия грудь открой и страданиям всей
земли!
И друзей своих успокой или жажду их утоли.
О, несведущий! Мир — во зле. Так бояться ли этих
мук?
В том главнейшее на земле, чтобы радовался твой друг!

МУСАДДЕСЫ

1

Стройна, словно тень кипариса, она надо мною встает.
Она своей легкой походкой до самого сердца дойдет.
Она говорит, раскрывая рубином сверкающий рот,
И с губ ее капля за каплей стекает божественный мед.
Спросил я: «Твой ротик — ракушка для жемчуга?» Ты
мне в ответ:
«О нет, это только лекарство от тайных мучений
твоих».

2

О, как ее брови похожи на месяца первый восход.
Немало влюбленных молений дошло до небесных высот.
На лоб ее пряди упали, как облако на небосвод,
И черным легли полукругом вокруг белоснежных красот.
«Что значит клубок этот черный?» — спросил я. Она мне
в ответ:
«Души твоей черные нити лицо обрамляют мое».

3

Когда она лик открывала, мне солнце казалось свечой.
Когда она в сад приходила, — все розы теряли покой.
На зренья источник хрустальный она наступала ногой,
Шипы укололи ей кожу на маленькой ножке нагой.
«Откуда шипы появились?» — спросил я. Она мне
в ответ:
«Шипы эти — просто ресницы, в них светятся слезы
твои».

4

Вошла она в сад, созерцая творящееся кругом,
В нем каждая ветка сияла веселым весенним огнем.
Пахучи, как мишк, ее кудри над белым и свежим лицом,
И ножки окрашены нежным и розовым лепестком.
«Левкои окрашены маком», — сказал я. Она мне в ответ:
«Мои лепестки, о несчастный, окрашены кровью твоей».

5

Ее несравненные губы в полон мою душу влекли,
И слез моих горьких потоки в обитель ее потекли.
Красоты ее мое сердце к ней связанным привели,
Как только в саду мирозданья ее мои взоры нашли!
«Как звезды, мы близки друг другу», — сказал я. Она мне в ответ:
«Страшись, эта близость со мною страданием станет твоим».

6

Дремали цветы на рассвете, лежала на них пелена,
Но утренний ветер промчался, лишил их короткого сна.
Любимица солнца, по саду прошлась в это утро она,
Роса на цветах загорелась, как жемчуг чиста и нежна.
«Наверно, то жемчуг рассыпан?» — сказал я. Она мне в ответ:
«Молчи, Физули, это слезы из глаз безутешных твоих».

МУРАББЕ

* * *

Я печален был из-за тебя, — ты меня проведать не пришла,
Болен был, тоскуя и скорбя, — ты бальзама мне не принесла...

О, моя душа, о, свет очей! — правильно ли жизнь моя прошла?
О, мой царь, душа души моей! Ты лекарство мимо пронесла...

Вышел я на путь твоей любви, — верности не видел от тебя;
Горя не встречал бы, — никогда доброй ты к страдальцам не была!
Но тебе я верен, — у тебя сердца своего не отниму...
О, великий царь, моя душа! К пропасти меня ты привела.

Вертится вселенной колесо... Что же столько горя у меня?
Что ж от рокового колеса попадает лишь в меня стрела?
Милости я требую твоей! Больше я не знаю никого!
О, мой грозный царь, моя душа! Ты меня на муки предала...

Нет, я от тебя не откажусь, — верного и ты не оставляй.
Выплакал я очи по тебе. Сердце сожжено мое дотла.
Праведен закон: нельзя того, кто уже обижен, обижать!..
О, могучий царь, моя душа! Горе сотворив, — ты весела.

О, как ты жестока и черства, как несправедлива ты ко мне!
Красоте жестокость не к лицу. — Долгом ты своим ее сочла.
Красоту прекрасную творить вечно подобает красоте...
О, великий царь, моя душа, что же ты неправедна и зла?

Злом ты отвечаешь на добро. Слезы для тебя — струя воды...
Странно мне глядеть, когда творишь хитрые, недобрые дела...

Если любишь бога, значит, будь к любящим добра
ради него!
О, мой царь могучий! О, душа! Свет моих очей, звезда
чела!

Вот пришел твой нищий, Физули, — просит подаянья
у тебя,
Вот у твоего порога пыль, — под ногами плохо
подмела!
Хочешь убивай, а хочешь — нет: вправе ты сказать
и повелеть.
О, великий царь, моя душа, праведны во всем твои
дела!

* * *

Буря пронеслась уже, а мне — лишь клеймо позорное
осталось,
Всё еще качается земля... мне нора безвестная
осталась...
Сердце — узник, плоть — моя тюрьма, как жилье
последнее осталась!
Пожалей, о грозный мой султан! День великодушия
настал.

Я растоптан временем дурным, — и живого места
не осталось!
Мне теперь и капли ни одной воли и покоя
не осталось...
Новую беду перенести силы и терпенья не осталось...
Пожалей, о грозный мой султан! День великодушия
настал.

Всё разрушил бедственный поток, — груда лишь
развалин мне досталась.
Бешенством страстей искажена линия судьбы, что мне
осталась...

Дума о превратности судеб — жалкая игрушка мне
досталась! . .
Пощади, о грозный мой султан! День великодушия
настал!

Время предает меня огню. . . Мне от ран бальзама
не досталось. . .
Грубыми словами я казню сам себя, а лучших
не досталось. . .
Стонов я своих стыжусь давно, — жалко, мне
бесстыдства не досталось,
Пожалей, о грозный мой султан! День великодушия
настал.

Всюду я о помощи молил! Выслушать отказы мне
осталось. . .
Жалости я в людях не нашел, — верить в их рассказы
мне осталось.
Вот и я к тебе теперь пришел. . . Что еще другое мне
осталось?
Пощади, о грозный мой султан! День великодушия
настал.

Я за справедливостью пришел. — Разве справедливых
не осталось?
О, несправедливый, помоги! — больше ничего и не
осталось. . .
За руку возьми меня! Склонись! — выбора другого
не осталось.
Пожалей, о грозный мой султан! День великодушия
настал.

Пожелтел и высох Физули! Погляди-ка, что ему
досталось?
Чтобы счастье спрятало свой лик, покрывало темное
досталось. . .
Горе Физули из-за тебя! Горькая любовь ему досталась!
Пощади, о грозный мой султан! День великодушия
настал!

КЫТА

1

О ты, стяжанием богатств тревожащий себя!
В ничтожном мире жизнь пройдет в волнении пустом...
Покоя думаешь достичь, богатство накопив? —
Но чем объемистей кошель, тем бестолковей дом!
Не накопляй! Страшись тревог. Напрасно лишний груз
Носильщик принял на себя: не донесет потом!

2

Тиран, силком у бедняков их деньги отобрав,
Как благодетель, их дарит народу, не смутясь.
Того не ведает — потом наказан будет он
За то, что слабых притеснял, за милость напоказ!
Да неужели может он надеяться на то,
Что, милость божию снискав, оттянет черный час?
Нисколько денег не берут у входа в райский сад, —
Бессильна взятка! — За нее накажут лишний раз!

3

Непозволительно за то невежду осуждать,
Что он познаний мудреца не в силах оценить!
Науки сладость тот никак не может распознать,
Кто вкуса к сладкому лишен. И как его винить?
Где мудрецы? — Ему чужда их избранная знать!

4

О, мой учитель! Никогда порочных не учи:
Наука не для добрых дел лукавому нужна.
Злодеям в руки острый нож спокойно вложит тот,
Чья мудрость вредная народ обманывать должна!
Нет в мире никого подлей, порочней никого,
Чем лжеученые плуты! И сила их страшна.

5

О, господин! Коль ты решил раба усыновить, —
Отцовской милостью богат, — будь мягок, даже слаб...
Но, чтобы сына воспитать ученым, строже будь,
И пусть он в бедности растет, выносливым, как раб!

6

Ученые погружены в моря наук своих, —
Не знают правил золотых слагания стихов.
Да, стихотворство — это мир отдельный, в стороне:
Существованье в двух мирах так трудно — нет и слов!

7

Вот гадость!.. В прозе и в стихах враг подражает мне —
Мой обвинитель! У него и слов-то связных нет...
Когда лихие всадники коней пускают вскачь,
Мальчишки тоже тут как тут! — на палках скачут вслед.

8

Пусть многие свои стихи слагают на фарси
Затем, что трудно их писать на тюркском языке;
Пусть просторечием богат, не гладок, диковат,
Опасен он для мастеров, от славы вдалеке, —
На тюркском буду я писать! И раннею весной
Разглажу розы острый шип в нежнейшем лепестке.

РУБАИ

1

Тот, кто, моля свиданья, тоской не изойдет,
Свиданья не достоин! Не радуется тот...
Отыщется лекарство от каждого недуга, —
Не знавшего недугов лекарство не спасет!

2

Вот славно, — умирая, упиться бы вином!
До судного призыва проспать бы пьяным сном...
И, пробудясь нетрезвым, не думать об отчете, —
Бесчувственному к пыткам — вновь поиграть с огнем!

3

Коль душенькой пленился, не быть тебе с душой.
От душеньки подальше, певец души большой!
Свою хранящий душу, без душеньки останься:
Одной из двух соперниц, поверь мне, ты — чужой!

4

О друг, кувшин и чашу не выпускай из рук —
Познаешь радость сердца без горечи и мук!..
Когда бушует море печали и тревоги,
Ковчег вина, как Ноя, спасет тебя, мой друг!

5

К вину я в этой жизни привык давно, о шейх:
Чем дальше, тем упорней зовет вино, о шейх!
Мне — пить вино приятно, тебе, о шейх, — молиться...
Судить, чей вкус превыше, не нам дано, о шейх!

6

Конец! Твои проклятья так жгучи, проповедник!
Вино, любовь я помню... Что лучше, проповедник?
Для гурий и Кевсера мы жертвовали счастьем,
А стоит ли, не знаем?.. Не мучай, проповедник!

7

Вино ты осуждаешь, — я пью, о проповедник!
Любовь ты проклинаешь мою, о проповедник!
Мы бросим ради рая и чашу и подругу, —
Но что нам предлагаешь в раю, о проповедник?

8

К любой на свете цели, что́ нас ведет? — Любовь!
Кто гения приводит к мирам высот? — Любовь!
Любовь — желанный жемчуг сокровищницы мира...
Сны всяких опьянений что́ нам дает? — Любовь!

9

В огне своих же вздохов сгорел Меджнун давно,
В бушующем потоке Вамиг ушел на дно...
Фархад погиб в стремленьи к возлюбленной
далекой...
Они — земля! Я — новый, я с той землей — одно!

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

(Отрывки из поэмы)

1. Вступление

В наш век не взыскан почестью поэт.
Поэзия давно сошла на нет.
Так безнадежно пала до конца,
Что люди презирают речь певца.
Хоть захлебнись я в собственной крови,
Вдохни огонь в речения свои,
Как яхонты, нанизывай на нить
Всё, чем возможно слух людской пленить, —
Всё тщетно! Им и обернуться лень.
Для них рубин и аметист — кремень.
Заглох Багдад и, погруженный в тьму,
Не внемлет из поэтов никому.

Я не могу назвать такой страны,
Где с песней люди были бы дружны.
Вот Индия, вот Ру́ми, вот Ширван,
Иран, Ирак, и Шам, и Хорасан, —
Ни одного поэта на земле.
А был бы, не укрылся он во мгле!
Горел бы он в темнейшей из ночей
Всем ликованьем солнечных лучей.
Блистал бы он из всех земных глубин,
Как самоцвет, как дорогой рубин.

Но близок час, благоприятный мне, —
Поэзия подымется в цене.
Как мне ужиться с веком, не пойму.
Я страшно одинок. Я чужд всему,
Унижен, обесславлен, заклеймен,
Лишен нарядных прозвищ и имен.
Но возвеличу звание свое!
Пусть песнь больна, я вылечу ее!
И если время разума не чтит,
Само об этом завтра загрустит!
Развалины, куда ни погляжу,
Но, иншаллах! — победу одержу.

Друзья времен, немного было их,
Они прошли, поэты дней былых.
Сменив друг друга в пиршествах земли,
Они с поклоном в вечность отошли.
При жизни оцененные вполне,
Они стояли с шахом наравне.
Поэту покровительствовал шах —
И песнь гремела в шаховых ушах.
Иранцам, тюркам и арабам был
Знаком от века вдохновенный пыл.
Абу Нуваса щедро одарив,
За то прославлен Ар-Рашид, халиф.
И ширваншах любимца Низами
Всегда ласкал, возвысив над людьми.
Был в Хорасане за слова свои
Почтен красноречивый Навои.
Но кто ценил жемчужины певца,

Кто покупал их золотом дворца —
Исчезли те ценители навек.
И беден одаренный человек.
Укрылся он в отребья с головой,
Стараясь скрыть несчастный жребий свой.
Но не заглохнет давний путь его,
Отточенным пребудет мастерство.
Я защищать обычай наш хочу
И правила гармонии учу.
Столь оскорбленный всем, что есть вокруг,
Хочу сейчас, не покладая рук,
Исполнить данный некогда обет.
Таков слуга гармонии — поэт:
Труд — вопреки влечениям среды!
Пускай меня честят на все лады,
Что ни скажу, во всем найдут порок:
То стих мой вял, то искренность не впрок,
Завидуют, мешают мне со зла,
Со всех сторон сползается хула.
Печаль пройдет. Всё временно. Всё — тлен.
Клад этот не навек запечатлен.

Когда поэты древности вошли
В зеленый мир, в цветущий сад земли,
О, как сверкал нарядный этот мир,
Как чашечки цветов качал зефир!
Но сорваны цветы — а я, бедняк,
Нашел терновник в современных днях.
Когда они гуляли ввечеру,
Вино играло в чашах на пиру.
Всё выпито из звонких чаш, и мне
Остаток мутный видится на дне.
Но жажда велика. И эту муть
Я выпью, чтобы счастие вернуть.

О том, каков был Меджнун собою и как зародилась его любовь

Он строен был, как тополь весь в цвету,
Как кипарис, тянулся в высоту.
Благоуханье уст его — цветник,
Томленье неги, сладостный родник,

Как описать мне этот гибкий ствол,
Что благородным совершенством цвел.
Был темно-серый взгляд его темней
От черных крыл изогнутых бровей,
И вкруг ланит, что розами зажглись,
Как гиацинты, локоны вились.
Природа, изваявши этот стан,
Сама разбила собственный чекан.
Но тайна ярко выжжена была
В изгибе губ и в прелести чела.
Как лунный серп, сверкал он для утех.
Прах из-под ног — сурьма для гурий всех.
Пускай Лейли, так жадно полюбя,
Хоть в зеркало взглянул он на себя
И, сжалившись над юностью такой,
Вернуть бы мог ей и себе покой!

Но встретились они! И в тот же час,
Лишь друг у друга верности учась,
К одной припали чаше, — и она,
Была восторгом до краев полна.
Один водоворот двоих стремил,
Один удел двоим смертельно мил.
Одна душа у двух согласных тел.
И тот, кто Гейса отыскать хотел,
Искал Лейли. И сам он издали,
Как эхо, откликался за Лейли.

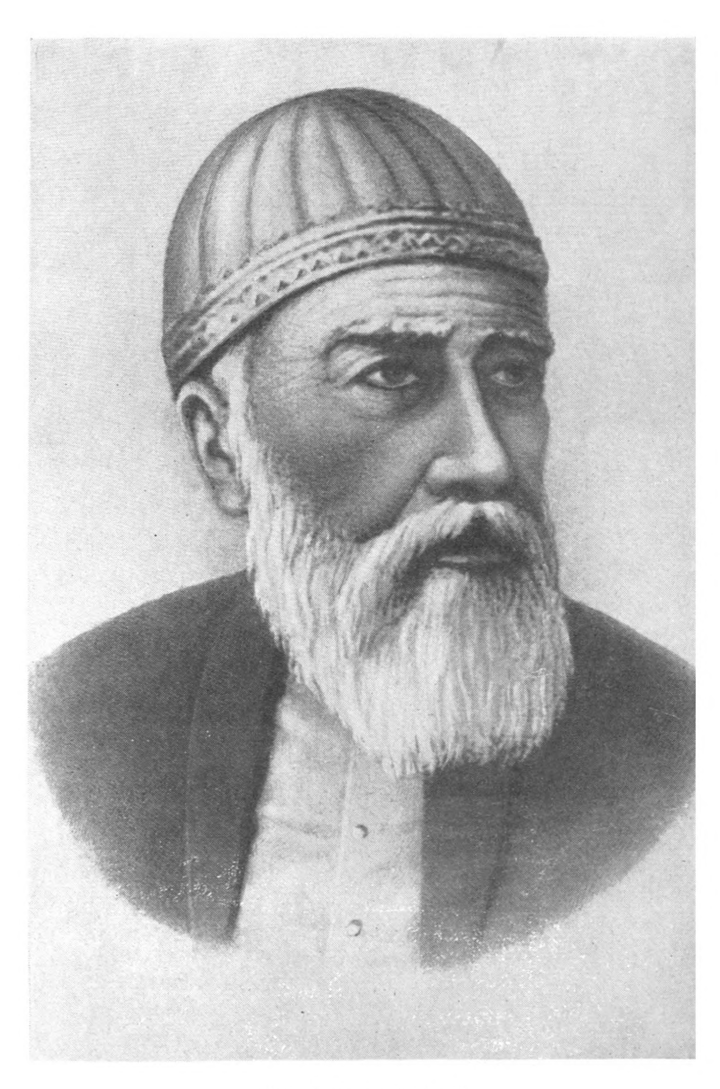
Так упражнялись в чтенье и письме,
Одну любовь держа в своем уме.
И если страх ученья и возник,
Лик юноши был лучшею из книг.
Он изощрялся, тонкий каллиграф,
Для росчерка изящного избрав
Ее бровей крыло. Так шел урок.
Всё не смолкал их нежный говорок.
И в легких пререканьях вновь и вновь
Взрослела эта детская любовь.

Так время шло безгрешно, не спеша.
Еще ничем не смущена душа.
Еще и тайны не возникло в ней.

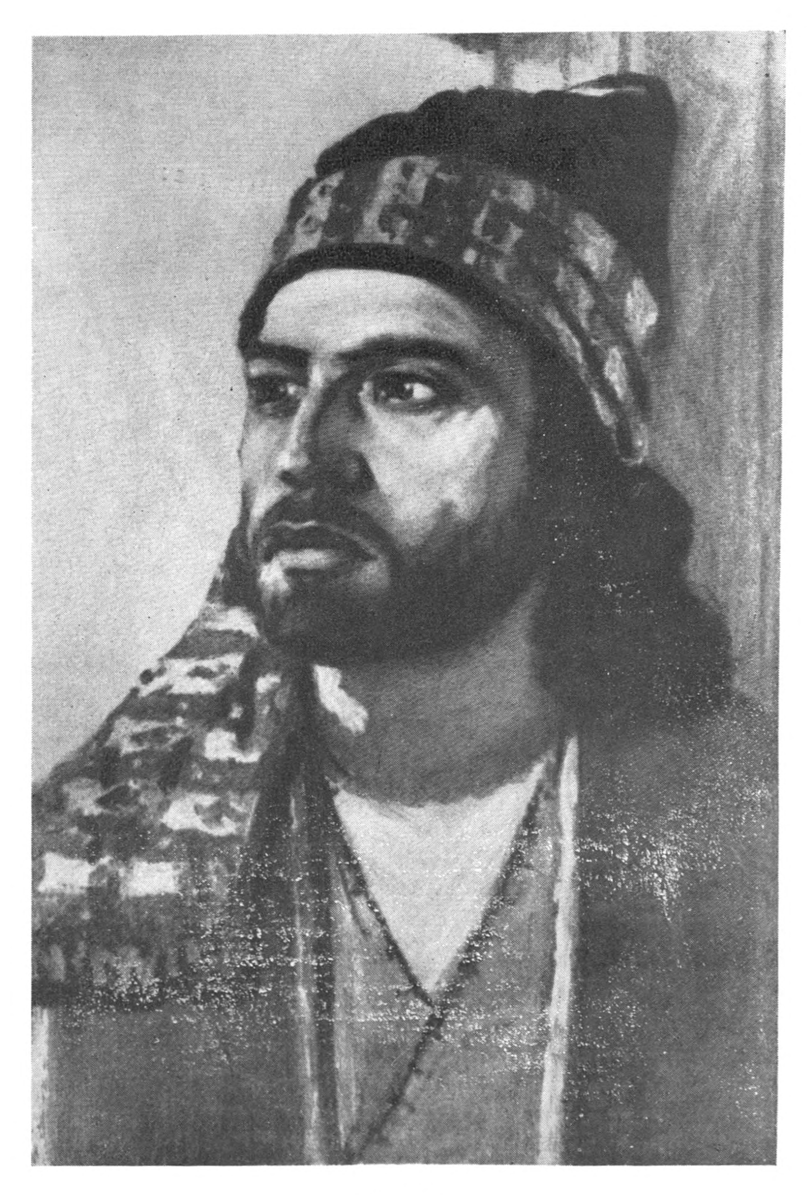
Но где любовь, там тайна всё ясней:
Родня следит, прищурясь неспроста,
И плачет от обиды красота.
Но это воле их дает закал...
И так огонь таимый засверкал,
Что помутился разум их, — едва
Отыскивают нужные слова,
И не хватает никаких речей,
Чтоб всё сказать друг другу горячей.
Тогда глаза вступают в тот же бой.
И брови спрашивают: что с тобой?
И отвечает беглый взгляд: молчи!
Тут не страшны укоры им ничьи.
Столь искренние в нежности и столь
Согласные узнать любую боль,
Вдруг увидали оба, что взвился
Над ними занавес, и тайна вся
Обнажена при белом свете дня:
Как дорогое зеркало, звеня,
Разбилось ликованье на куски...
Что делать им? Они полны тоски.

Нет повода, — пускай хоть хитрость есть,
Чтоб краткий миг наедине провесть...
Нарочно Гейс, урока не уча,
К ней обратился, помощи ища:
«Я знаю, ты прилежнее во всем;
Так помоги, и буду я спасен».
И у доски молчать он будет рад,
И ошибется много раз подряд,
Чтоб вызвать хоть улыбку с милых губ:
«Смотри. Неверно! Твой рисунок груб».

Когда же школьники, собравшись в круг,
Игрой веселой оглашают луг,
Тихонько к ней подходит, и на миг
Пред ними мир неведомый возник.
Так и витают в призрачном краю,
Едва ли понимая жизнь свою.
Уроки в школе кончены, и вот
Опять на помощь хитрость он зовет,
Нарочно прячет книгу где-нибудь

Мухаммед Физули

Вагиф

И, преградив Лейли внезапно путь,
Обиняками, потупляя взор,
В незначащий вступает разговор
Иль пишет тщательно, едва дыша...
Одну лишь букву выбрала душа.
Одно лишь «Л» он чертит на листе,
Вложив всю ласку в очертанья те —
Две тонких буквы, два любимых «Л» —
Венец ученья, мирозданья цель.

Они вошли без собственных имен
В сказанье тех неведомых времен...
Я назову Меджнуна и Лейли
Растеньями, что в муках расцвели.
Он — юный месяц, чья печаль верна.
Она — златая, спелая луна.
Он — падишах безумья своего.
Она — царица гурий для него.
К нему немилосерден черный рок.
Она — летучий беглый ветерок.
Его слеза — кристально чистый ключ.
Ее глаза — сулящий радость луч.
Он мастерски свою расставил сеть,
Чтоб ею, певчей птицей, овладеть.
Он — томный вздох унынья и обид.
Она, как жемчуг в раковине, спит.
Гордится он жемчужиной своей,
И чем она дороже, тем скромней.
Влечет его неутомимо к ней,
Она к нему — всё ближе, всё тесней...
Их стройные, как лилии, тела
Навек немая нега обвила.
Коснулся оселка стальной кинжал.
Огонь по тленной нитке побежал.
Как две струны, натянуты на саз,
Двойная их гармония слилась.
Меджнун увидел нежный лик Лейли,
В нем волны удивленья наросли,
И он к земле плашмя, как тень, приник.
И перед ним, ослепшая на миг,
Она почувствовала, не дыша,
Как улетает из нее душа.

О беседе Лейли с луной и о том, что страсть Лейли подобна пламени солнца

...«Эй, ты, кто порою, как старец, горбат,
А порою сияешь, как юноши взгляд!
То являешься мне, как страданье мое,
То, как милый мой, прячешь страданье свое!
Весь изменчивость — в солнце ты горько
влюблен,
От солнца в обиде своей удален.
Всё блуждаешь и всё не находишь пути,
Всё ты ищешь, с какой стороны подойти...

О, взгляни, ради бога, на муки мои!
Эти вздохи — как огненный ветер они,
Будто ветер пожарищ и ветер пустынь...
Помоги мне! Как сердце, гори, не остынь!

Если ты милостив, месяц ночной,
Странствуй над нашей дорогой земной,
Горы, долины, молю, посети:
Где мой властитель? — Он тоже в пути!..
Мир обойди и второй обойди,
Где бы ни странствовал, — цель впереди!
Где же мой светоч, надежда моя?
Праведный царь моего бытия?
Всё расскажи ты ему обо мне,
Всё доложи — до конца и вполне!»
Так до утра говорила она:
Боль заговаривать — полночь дана...
Утро подкралось невидимо к ней, —
Принялся петь на заре соловей...
Громче теперь зарыдала Лейли:
Горестно ей пробужденье земли.
«Горе мне, горе! Кончается ночь,
Жизни родник осужден изнемочь:
Лишь по ночам я дышу, я жива,
Я лишь мечтам доверяю слова...
Солнце взойдет, а мой разум уйдет,
Тень моей жизни пройдет, пропадет...
Нет уж надежды на тайный ответ,
Было мгновенье, — и вот его нет!
День не годится для просьбы моей,

Утро — пора пробужденья людей.
Время скрывать свое горе пришло,
Время, что с грезами в ссоре, пришло!
Грусти глубокой звезда — это я!
Свечка в лачуге разлук — это я!
Ночью свободная, узница днем, —
Труп, оживающий в мире ночном...

Беседа Лейли со светильником, просьбы о помощи

Ты, закрывший глаза, ты, чье сердце — зола,
Чьи связаны ноги, черен траур чела!
О приди, собеседником стань скорей
И поведай мне тайну души твоей!
Вот горе скрутило тебя жгутом.
Желтеешь и плачешь, скорбя о ком?
Горишь почему с головы до ног?
И сердца сгоревшего дым жесток...
Откуда ты родом? Как жил, терпя?
Живая вода — лишь огонь для тебя!
Огонь твое сердце, влага в глазах...
Открой, — волшебство ли в твоих слезах?
Пламя зачем из воды растет?
Дрожь почему тебя так трясет?
Что за волненье в тебе всегда?
Что за гоненья туда-сюда?
О, пробужденный зарей ночной!
Вижу я сходство твое со мной:
В горе своем я горю, как и ты,
Долю свою не корю, как и ты.
Горе мое у меня лишь одно,
Так и тебе лишь одно суждено:
Оба горим, постоянство храня, —
Всё же побольше его у меня!
Ночью горишь ты в томленье своем,
Я же горюю и ночью и днем!
Веянье воздуха вредно тебе,
Страшно твоей одинокой судьбе;
Мне — оно жизни источник! На миг
Грудь освежит, развяжет язык!

Любишь ты горе свое бередить,
Таять, слезами, дрожа, исходить,
Сердце нетвердо твое и всегда
Через язык твой уходит, — куда?
Я же тверда среди бедствий и мук —
Желтый под ветром осенним бамбук!..
Голову пусть отрубают мою, —
Тайну не выдам, в себе затаю!
Тайну поведать хотела тебе, —
Мало — подумала — дела тебе?..
Стойкости нет у тебя, дорогой, —
Сердце не вытерпит боли такой!
Вздохи мои обезглавят тебя,
Тяжесть печали раздавит тебя!
Скольких имела я в мире друзей, —
Нет сотоварищей боли моей!
Чтобы забыть мои ночи и дни,
В горы и долы сбежали они...
Тайну не выдам! Ты хрупок и мал, —
Я не хочу, чтобы ты убегал.
Бедный светильник! Что скажет в ответ?
Видит Лейли, он — бездушный предмет...
Бабочку вдруг замечает она, —
К ней обращается, грусти полна...

Беседа Лейли с бабочкой — просьба понять!

...«О, летящая, верная благу любви,
Ищешь ты зерна и влагу любви!
Ты из мира любви к неверным летишь,
Знаю, — в порыве безмерном летишь!
Друга успеешь едва повидать, —
Душу готова за друга отдать!
Кто, как не ты, за мгновенье готов
Пожертвовать славой обоих миров?..
Может, питаешься только мечтой,
И цель твоей жизни — святое ничто?
В мире от века прославлена ты
Отвагой любви, чистотой красоты,
Можешь гордиться любовью своей, —
А всё же мое постоянство верней!

Как на моем бы ты месте жила?
Как бы ты к цели стремиться могла?
Всюду летаешь с хмельной головой, —
А я как в оковах, молчанье со мной...
Есть поговорка — «быть с другом всегда»,
А я будто замкнута кругом всегда!
Жизнь отдаешь за один огонек, —
И кончено, минул страдания срок!
А я, всей душою горюя, — опять
Желала бы тысячей душ горевать!
Не прячешь ты, кажется, тайных невзгод?
Я примéт их не вижу, не вижу забот...
Где влага очей твоих? Слез не видать!
Вздыхаешь ли? Мне ветерка не поймать!
Холодных ли, жгучих ли вздохов твоих
Дуновенья не слышно меж трав полевых!
Где твоя верность единой любви
Где вдохновенья, мученья твои?»

Когда наконец убедилась она,
Что бабочка в лекари ей не годна,
Терпенья не стало уже у Лейли.
И снова ей слезы глаза обожгли,
И силы, и стойкость теряя в борьбе,
Просила у господа кары себе!
А в полночь родник утоляющих снов
Омыл незакрытые очи лугов,
И очи людские окутались тьмой,
И мир бытия отошел на покой...
Забылись, заснули и недруг и друг,
Одни лишь не спали невольники мук —
Им камень, лежащий на сердце, мешал,
Лишь пленник пылающих век не смежал.
Из дома в поля ускользнула одна
Лейли — безутешная наша луна,
И досыта плакала с горем вдвоем,
И громко кричала о горе своем, —
О нем рассказала всем детям земли
Луна — безутешная наша Лейли!

Беседа Лейли с весенним ветром и о том, как надеялась она забыть свою тоску

Так горе свое выражала она:
«Хватит порхать, уж не те времена...
Пока от народа я скрыта в глуши,
К султану с приветом от нищей спеши.
Свою открывает он душу — кому?
С кем, — если мы надоели ему?
Вспомнил ли он хоть разок о Лейли?
Чем усмирить ему душу могли?
Скажи: „О прекраснейший! о царь царей!
Меня избегая, ты прав... Не жалей!
При первом свиданьи светла и мила
И радостней ранней весны я была,
Но пленницей стала тревог и скорбей, —
Осенней листвы я желтей и слабей.
Нигде не пытайся меня повстречать...
Да, впрочем, не стал бы ты мне отвечать!..
Стала я в жажде и вечном посте
Жалкой колючкой на мертвом кусте.
Мне не прощаешь ты зимнего сна, —
Ты — молодая, живая весна!
Всё же мечту я, как прежде, таю,
Всё же надеюсь на милость твою...
Друг мой! Безжалостным будешь ли ты?
Прежнюю дружбу забудешь ли ты?"».

Так до утра по долинам текли
Стоны жасминоподобной Лейли, —
В сумраке ночи глухой и густой
Так и стояла бесонной звездой!
Только при утреннем свете она
Пряталась, таяла, смертно бледна...
Занавес света прятал от нас
Музыку стонов, блеск ее глаз...
Так и текли безвестные дни —
Страх перед ночью таили они...
Так эти ночи текли под луной
В горьком предчувствии муки дневной!

ВАГИФ

Крупнейший представитель азербайджанской поэзии Вагиф Молла Панах родился в 1717 году в селе Гырах-Салахлы недалеко от города Казаха в Азербайджане.

Отец поэта Мехти ага был крестьянином. Образование Вагиф получил вначале у Шафи эфенди — весьма образованного человека того времени, а затем в медресе. Прекрасно знал он свой родной азербайджанский, персидский и арабский языки. Вагиф был хорошо знаком с творчеством певцов-ашугов. С любовью слушал их, сам научился играть на сазе и импровизировал песни.

В конце 1750-х годов Вагиф жил в Гяндже, а потом, в 1759 году, вместе со своей семьей переселился в Карабах. В Карабахе вначале жил в местечке Тертер-Басар, был учителем, затем переехал в Шушу. Там он открыл школу и занимался обучением детей.

В это время Вагиф жил в большой бедности и нужде. Вскоре поэт приобрел в Карабахе широкую известность. О нем сложилась распространенная в народе поговорка: «Не всякий, кто учился, сделается Молла Панахом». Впоследствии Вагиф был приглашен ко двору властителя Карабаха Ибрагим хана Джаваншира и назначен на должность главного визиря. Будучи визирем при дворе Ибрагим хана, он проявил себя мудрым и дальновидным государственным деятелем, талантливым дипломатом, помогая своими советами Ибрагим хану управлять Карабахом.

Вагиф всячески способствовал заключению дружественного союза между Карабахским ханством и Восточной Грузией, а также другими соседними азербайджанскими ханствами. Будучи приближенным к хану, он неоднократно выступал в защиту бедняков и старался смягчить ханский произвол.

Вагиф, как передовой человек своего времени, активно боролся за идею дружбы с Россией. По инициативе Вагифа была восстановлена временно прерванная политическая связь между Азербайджаном и Россией. Когда иранский шах Ага Мухаммед хан, после нескольких своих неудачных походов, в 1797 году вошел в Шушу, Вагиф, как активный вдохновитель борьбы с иранскими поработителями, был схвачен и брошен в темницу.

После убийства Ага Мухаммед шаха его придворными поэт был освобожден из темницы восставшим народом, но вскоре, в 1797 году, по приказанию претендента на Карабахское ханство местного феодала Мамед бека Джаваншира, Вагиф вместе со своим любимым сыном был казнен и похоронен в городе Шуше. Карабах долго оплакивал гибель любимого поэта. Могила Вагифа стала священным местом, каждый год толпы народа шли к ней на поклонение.

Вагиф был другом замечательного азербайджанского поэта Видади. В послании «Судьба», обращенном к Видади, поэт выразил свое горе и глубокие переживания.

Стихи Вагифа, широко распространенные в народе, впервые были собраны Мирза Юсуфом Карабаги Нерсесовым и изданы в 1856 году в Темир-Хан-Шуре (Буйнакск). Вслед за ним Мирза Фатали Ахундов составил сборник произведений Вагифа. Этот сборник был издан ориенталистом Адольфом Берже в Лейпциге в 1867 году с предисловием на немецком языке. Затем в 1908 году в Баку были изданы несколько произведений поэта. Вагиф широко использовал богатства устного народного творчества. Стихи его полны оптимизма. Простота, искренность, мелодичность стиха Вагифа сделали его лирику народной. Многие поколения азербайджанских ашугов учились у Вагифа поэтическому мастерству.

ГОШМА

* * *

Задержите в полете удар крыла:
Слово есть у меня для вас, журавли.
Вереница ваша откуда летит?
Начинайте об этом рассказ, журавли.

Очарован вами высокий Багдад.
Он прилету вашему будет рад.
Вы широкими крыльями бейте в лад,
Не роняйте перо в этот раз, журавли.

Я с возлюбленной милой давно разлучен,
Словно бабочка, я красотою сожжен.
Я ищу кареглазую среди жен.
Не видали ль вы этих глаз, журавли?

Полюбил я сурьму этих карих очей.
Пусть не сглазят их в темноте ночей,
Пусть минует вас сокол, глядите зорчей!
Я хочу, чтоб вас случай спас, журавли!

Ваша дикая песня нежна, нежна,
И душа моя радостью обновлена.
И Вагифа душа высоко взметена,
Чтобы вечно летать возле вас, журавли!

* * *

Наступает байрам — да не знаю, как быть?
Заглянул бы в мешок, но мешка не найти.
Рис и масло давно не водились у нас.
Съел бы мяса кусок, но куска не найти!

Бог о нас позабыл милосердный, благой.
Скажешь слово одно — и в село ни ногой!
У соседей по горло еды дорогой,
А у нас и зубца чеснока не найти!

Нет! Достатком Вагиф не прославится, нет.
В доме даже супруги-красавицы нет.
Нет ума и не скоро прибавится, нет!
Да и разума тоже пока не найти!

* * *

Амбра кудрей твоих сводит меня с ума.
О боже! — сердце мое я даром отдал тебе,
Не поднялась рука, но, печаль свою описав,
С утренним ветром привет я переслал тебе.

Ты красиво сидишь, поднимешься — красота.
Ты красиво идешь, выпрямишься — красота.
Твои ласки, твой нрав, все дела твои — красота.
Это бог справедливый всё даровал тебе.

Твои губки — рубин Йемена, далекой страны.
Раны в сердце моем снова кровью обагрены,
И на белую шею кудри льются, душны и черны.
Диких уток повадку кто передал тебе?

Всё богатство мое — лишь о тебе мечты.
Сладость рта моего — всё, что промолвишь ты.
Ты одна у меня, без тебя мои дни пусты.
Я молюсь, чтобы бог милосердный радость послал тебе.

В доме скорби своей в самый угол загнан Вагиф,
Тоньше волос твоих стал от тоски Вагиф.
Мука жизни моей, что же сделал тебе Вагиф,
И какая польза, чтоб я умирал при тебе?

* * *

Кареглазая, стройней, чем кипарис,
Как силен любви дурман — взгляни сюда.
Дни и ночи я тоскую о тебе,
О тебе твержу: аман! Взгляни сюда.

Кто б, как я, снести разлуку так же мог,
Боль страданий, ожиданий и тревог!
Тьма кругом, и я блуждаю одинок...
Разгони тоски туман, взгляни сюда.

Я живу, терзаем муками любви,
От разлуки вся душа моя в крови...
В сердце стонущем моем — лишь позови —
Стихнет черный ураган, — взгляни сюда.

С каждым днем больнее сердцу моему,
Но никто не посочувствует ему...
Кто недуг излечит, другу твоему
Наносящий столько ран? Взгляни сюда!

Ты, чьи сладостны уста, чьи щеки — мак,
Возвратись назад, рассей разлуки мрак.
Днем и ночью ждет тебя Вагиф-бедняк...
Кто сказал, что страсть — обман? Взгляни
сюда!..

* * *

О, было б место, где совсем одни
Могли мы говорить с тобой вдвоем
И, за руки друг друга взяв, шутить
И целый день пробыть с тобой вдвоем.

Щекой к щеке прижавшись, посидим.
Во тьму зрачков друг другу поглядим.
И жадно с грудью грудь соединим,
Чтоб поцелуи пить с тобой вдвоем.

Пусть блещут очи карие твои,
Шумят ресницы, будто стрел рои.
Пусть сгинут псы — соперники мои,
Чтоб я один гулял с тобой вдвоем!

Пылали б негой наши вечера,
Не знала б страха сладкая игра,
Чтобы, всю ночь ласкаясь до утра,
Рассказ любви сплетать с тобой вдвоем.

«Вагиф, — она ответит как во сне, —
Я здесь, и покрывала нет на мне.
Мы будем каждый день наедине
Гулять и пить вино с тобой вдвоем!»

* * *

Если бы в укромном уголке
Довелось побыть вдвоем с тобою!
Сердце к сердцу и рука в руке,
Пламенеть одним огнем с тобою!

Мне в глаза твои когда б нибудь
Взором затуманенным взглянуть!
Пусть неразделимо, грудь о грудь
Мы сердца свои сольем с тобою!

Блеску серых глаз идет сурьма!
Звезды тем светлей, чем глубже тьма.
Недругов да поразит чума!
Не таясь, гулять пойдем с тобою.

В сладостной полночной тишине
Ты склонись доверчиво ко мне.
До рассвета, позабыв о сне,
Ночь в блаженстве проведем с тобою.

Милая, ответа ждет Вагиф.
Ты доверься мне, лицо открыв.
Буду счастлив я, доколе жив,
Упоенный забытьем с тобою.

* * *

Женщина, что сердцем хороша,
Век пройдет, — она бледней не станет.
Если, словно лал, светла душа,
От невзгод она темней не станет.

Благородной — красота верна,
Стройная — не сгорбится она.
Если добротой одарена,
Не изменит, холодней не станет.

Кровь ее девически чиста,
Ярче свежих роз ее уста,
Стрел острей ресницы... Лет до ста
Ранящая сталь слабей не станет.

Страшно ль совершенной жить сто лет!
Пусть уже в движеньях силы нет,
Но в глазах горит всё тот же свет,
Обаянья меньше в ней не станет.

Истинное счастье — не забудь —
В той, что знает страсти скорбный путь.
К девушкам, Вагиф, не надо льнуть,
А не то спокойных дней не станет.

* * *

Ты Кааба, Кербела, Мекка, Медина моя!
Ты священна всегда и благостна для меня.
Я святыней считаю изгибы твоих бровей,
День и ночь я молюсь тебе, голову преклоня.

Что бы я ни сказал — пусть не будет обид у тебя.
Я не знаю, что сталось со мной — опьянел я, любя!
Лишь исчезнет твой стан — и я замираю, скорбя...
Ты уйдешь — и последняя ночь настает для меня.

Веру наших отцов привязал я к твоим кудрям,
Кто же больше меня изумлялся твоим кудрям?
Ухожу, свою жизнь поручая твоим кудрям, —
Эту жизнь как залог береги, у себя храня.

Ты мой месяц высокий, солнце мое и луна,
Жизнь, богатство, счастье мое и весна!
О тебе лишь единой мечта у меня одна,
Сказкой стали слова твои на устах у меня.

Даже райские птицы боятся твоих кудрей,
Онемели павлины от сладких твоих речей.
Я несчастен, Вагиф, из-за черных твоих очей,
Кто б ни встретился мне на пути — пожалейте меня!

* * *

Словно уточек изумрудный строй,
Собрались в Казах и пришли они,
Глядя в зеркало, острия бровей
До ушей своих провели они.

Ах, у каждой стан — словно тополь, прям;
Вся страна моя будет жертвой вам,
В черных локонах цвесть и цвесть духам!
Где же плечи такие нашли они?

И клинки ресниц, и озера глаз
Ни за что убьют и потопят нас.
Речь у них сладка — без пустых прикрас,
Через пасеку, видно, прошли они!

Что за грех совершили они, аллах?
Душу, душу Вагифа повергли в прах!
Замолчали вдруг, поднялись и — ах!
Скрылись где-то в тумане, вдали они!

* * *

Ножи ресниц вонзая нам в сердца,
Исторгла слез и крови ты поток.
За взгляд хмельной, за лунный блеск лица,
Красавица, я жизнь отдать бы мог.

Чело твое всегда озарено,
А вкруг него от локонов темно.
Две пряди, как фиалки всё равно,
Благоухают возле свежих щек.

Кропишь ты кудри розовой водой.
Ста жизней стоит каждый локон твой.
В строй ангелы встают перед тобой,
Гылманы жаждут свой найти порог.

Вагиф во власти вечной маяты,
Жизнь отнимают милые черты,
Ах, счастлив раб царицы красоты, —
Он служит ей, он вхож в ее чертог.

* * *

Не налюбуюсь красотой твоей.
Всю жизнь мою тебе одной отдам я.
Мой храм — под сводами твоих бровей,
Забыв Коран, молюсь твоим дарам я.

По совести сказать — подобной нет.
Ни в ком не узнаю твоих примет.
Ты ангелов затмишь, мой райский свет.
С другой тебя равнять почту за срам я.

Твоей красой нельзя пресытить взор,
Нельзя прервать сердечный разговор.
Весь век смотрел бы на тебя в упор
И не дыша внимал твоим речам я!

Люблю глаза, темненные сурьмой.
И эти косы, спорящие с тьмой. . .
За что отвергла жаркий трепет мой!
Не причислял тебя к моим врагам я.

Красавица добрее быть должна.
Пусть изберет достойного она.
Глупцом не будешь ты оценена,
А что Вагиф оценит — знаю сам я.

* * *

В разлуке с милою томлюсь давно.
Взглянуть, как боль моя сильна, — пришла бы!
Узнать, как сердцу горькому темно,
Любовь моя, моя луна, — пришла бы!

Не видя розы пламенной моей,
Я плачу, безутешный соловей.
Я болен, но не надобно врачей,
Лишь та, что исцелить должна, — пришла бы!

День ото дня всё глубже мой недуг.
Друзья и недруги — толпой вокруг.
Лишь ей меня проведать недосуг.
Хоть жалостью привлечена, — пришла бы!

Весь край мои стенанья потрясут,
Как будто наступает Страшный суд.
Ах, если б хоть на несколько минут,
Моей тоской поражена, — пришла бы!

Средь тысячи красавиц я угрюм,
Им не рассеять безнадежных дум.
Поверженный Вагиф зовет ханум, —
Беднягу навестить она пришла бы!

* * *

Скажи мне, ветер предрассветный, та,
Что вся румянцем залита, придет?
Та, от которой в сердце пустота,
И боль, и кровь, и пламя, — та придет?

Та, брови подчернившая сурьмой,
Та, в родинках, лукавая, ногой
Поправшая меня и мой покой,
Та, милая моя мечта, придет?

Моленья возношу я небесам, —
Соперник мой пусть не мешает нам.
К благословенным маленьким ушам
Мой вздох, обжегший мне уста, придет?

Ресницы глаз моих острее стрел.
Соперника я взором сжечь хотел.
Нет, он как камень, нет, он не сгорел.
Ужель измены чернота придет?

Увы, Вагиф безумьем одержим.
Где разум мой? Я распрощался с ним.
Да разве к тем, кто страстью так томим,
Ума былая острота придет?

* * *

О ты, что так же зла, как хороша,
Есть у тебя хоть капелька стыда?
Где разум твой, скажи мне, где душа?
Не можешь ты не наносить вреда.

Что ж ты бежишь? Почуяла беду?
Стой! Я к тебе за помощью иду.
Неверная, пожар в твоем саду,
Сгоришь ты. Не останется следа.

Ушла, хоть я и не сказал — уйди.
Я ль виноват? Другой? Сама суди.
Не камень ли, скажи, в твоей груди,
На месте сердца, не осколок льда?

Будь проклят сад жестокой красоты!
Я в сердце больше не впущу мечты.
Разлуку эту я стерплю. А ты?
Попробуй-ка! Не стерпишь никогда.

Проклятье шлю принесшей столько мук.
Неизлечим, Вагиф, ее недуг.
Жилье неверной пусть обходит друг;
Будь стоек, знай — возврата нет туда.

* * *

Чужими друг другу мы стали давно.
При встрече мы слов не нашли и расстались,
Нам втайне терпеть нашу боль суждено,
Друг к другу на миг подошли и расстались.

Чужие, от встреч мы не ждем ничего.
Давно не кружусь вкруг лица твоего.
Мы шли на огонь, но, достигнув его,
Одежды лишь край подожгли и расстались.

Мы пробыли только мгновенье вдвоем,
Не дрогнув, не вспыхнув любовным огнем.

Сердец не согрев, мы в упорстве своем
Обиды простить не смогли и расстались.

Порвали мы дружбу, терзанья терпя,
Не выдали горя мы, души скрепя, —
Так, птицу души отпугнув от себя,
В молчанье глаза отвели и расстались.

Любовь обернулась Вагифу во зло.
Напрасны мученья. Всё прахом пошло.
Сойдясь, не открыли, как нам тяжело
Век жить друг от друга вдали, и расстались.

* * *

О, создавший Мекку и Медину,
Помоги! Огонь в крови Вагифа.
Одержим Вагиф мечтой единой,
На любовь благослови Вагифа.

Между мной и милой встали горы,
Грудь от боли разорвется скоро.
Обратил я вновь к Медине взоры.
Злое горе, не дави Вагифа.

Где уста — Земзем и лик — Кааба,
Все сравненья с дорогою слабы.
Если встречусь с ней на миг хотя бы,
В рай, о боже, призови Вагифа.

Восхищает ум ее жестокий,
В родинках индийских шея, щеки.
О палач мой, стройный, хмельноокий,
Злым кокетством не трави Вагифа.

Если встречу сто таких созданий,
Сто маралов, ясноглазых ланей,
Не сравню их с той, что всех желанней,
Той, что стоит всей любви Вагифа.

* * *

Нет, недостаточно красавицею быть, —
Нет, деве нежной быть всегда живой пристало;
Взгляд милой — веры свет, а кибла — милой бровь,
Лицу — Каабой быть для всех святой пристало.

Пусть будет стройным стан, грудь мрамора белей,
А кожа — лепестка весеннего нежней;
Как амбра волосы, сурьма вокруг очей,
Рукам же — розоветь под алой хной пристало.

Султаншею царить пристало ей в сердцах,
Посмотрит только раз — и всех повергнет в прах,
Осанка сокола и соколиный шаг, —
В движении любом ей быть такой пристало.

Пусть вьются волосы, подобные волне,
Пусть пальцы перстнями пылают, как в огне,
В сорочке розовой, в лазурном нимтене, —
Так деве всех пленять своей красой пристало.

Кто хочет мотыльком в огне любви сгорать
И у ее дверей весь день недвижно ждать,
Жизнь за красавицу без трепета отдать, —
Тем, как Вагифу, жить одной мечтой пристало!

* * *

Палач моей души, судьбы моей тиран,
Жестокая, тебя и небо не смиряет,
Тоскою я и днем и ночью обуян, —
Нет жизни у меня, и сил мне не хватает.

Пусть камень поразит соперника сильней,
Он стал помехою для радости моей.
Пылают юноши в смятении страстей,
Но кто из них, как я, от пламени сгорает!

О брови дугами, о щеки как тюльпан,
Перчинка родинки и локонов рейхан!
Где ж сердце у тебя, я изнемог от ран,
Всё сокрушаешь ты, что взор твой повстречает.

Но ликование любовь к тебе дарит,
Земная женщина, небесна ты на вид.
Твой стан — что кипарис и руки — что самшит
Кто из людей таким величьем обладает!

Кто гордой передаст, как мучится Вагиф,
И кто опишет ей, несчетно повторив,
Мольбу несчастного и горестный порыв,
О, кто из мусульман мне это обещает!

* * *

Нет в мире радости тому, кто с милой разлучен,
Он безутешен, он всегда тревогою томим.
Разлука — худшая из бед; зажав зубами стон,
В ночи бессонной он один с безумием своим.

Разлука яростным огнем сердца испепелит;
Нет исцеленья от нее, — ничто не веселит.
Повсюду чудится тебе сплетенных рук самшит,
И шепчешь безутешно ты: о, как я был любим!

За миг свиданья жизнь отдать — цена не дорога!
Ты укрощен, ты раб любви, безропотный слуга, —
Она прикажет, ты пойдешь в бураны и снега
И будешь рад себя обречь страданиям любым.

Как мрамор, грудь ее бела, в зрачках таится мрак,
Улыбка алых уст ее дороже райских благ.
Она измучает тебя, как самый лютый враг,
И, словно нищий, счастлив ты ее кивком одним.

Ты от возлюбленной, Вагиф, немало видел бед,
Безмерней пытки на земле, чем боль разлуки, нет.
Красавиц много под луной: одна как ясный свет,
Другая мучает тебя презрением немым.

* * *

В чем я виновен, милая, скажи?
В душе тревога — погляди сюда!
Сбрось покрывало, лик свой покажи,
Не хмурься строго, погляди сюда!

Твои ресницы — копий острия.
Меня послушай, гневность усмиря,
Ведь я прошу, тебя боготворя,
Ну хоть немного погляди сюда!

Неужто я тебя обидеть мог?
Ты сердишься напрасно — видит бог.
Кто любит, тот не может быть жесток,
Побойся бога, погляди сюда!

Я образ твой вознес перед людьми
Превыше, чем Хафиз или Джами.
Люблю тебя, не мучай, не томи,
Ах, недотрога, погляди сюда!

Мирись со мною, гордость усмирив,
Ты гонишь гостя, прежде пригласив,
Ведь молча за тебя умрет Вагиф
Здесь, у порога. Погляди сюда!

* * *

Над Курой красавиц не увидишь.
Чернокудрых нет у этих вод.
Сердце-сокол рвется на просторы,
В горы, ввысь — под самый небосвод.

Здесь в шелках не ходят молодицы,
Грудь не ранят длинные ресницы,
Я не видел здесь красы — жар-птицы,
Здесь влюбленный счастья не найдет.

Украшений нет у девы нежной,
На груди прекрасной, белоснежной

Завиток, спадающий небрежно,
Здесь, увы, очей не привлечет.

Радость мне — одни мечты о милой,
На чужбине плачу я, унылый,
Без любимой жизнь, друзья, постыла,
Кто лишен любимой, пусть умрет.

Если спросят: «Что, Вагиф, с тобою,
Ты айвы желтее?» Я открою:
Кто с любимой разлучен судьбою,
Вянет от печалей и невзгод.

* * *

Я ждал тебя, и ты пришла, и радость принесла
с собой!
Ты, засветившая зарю, добро пожаловать ко мне!
Я жертва юной красоты — ты мне дарована судьбой.
Я дом и жизнь тебе дарю — добро пожаловать ко мне!

Ты появилась, и теперь тебе вовек уйти не дам,
Прижался, истомленный, я к твоим стопам, к твоим
следам.
Вкруг головы твоей кружусь, как вкруг огня, и знаю
сам:
Прикажешь — в пламени сгорю. Добро пожаловать
ко мне!

Я запах мускуса вдыхал, и от блаженства я ослаб,
Взгляни, простерт у ног твоих, влюбленный и покорный
раб.
Тоскует сердце, и оно горит на углях, как кебаб,
Ни в чем тебя не укорю! Добро пожаловать ко мне!

Твои лучистые глаза меня пронзили, как ножи.
Знай, кровью я тебе писал, в посланье этом нету лжи.
Хочу одной тебе служить, — о, снизойди и прикажи.
В блаженный час я говорю: добро пожаловать ко мне!

За то, что в мире ты живешь, благодарит судьбу
Вагиф.
Пришла любимая в мой дом, больное сердце исцелив.
Мне больше нечего желать, и я одной любовью жив.
За всё тебя благодарю: добро пожаловать ко мне!

* * *

Берега Куры студеной красотой ласкают взгляд,
Но того, что сердцу мило, жаль мне, на чужбине нет.
Здесь в косе густой и черной бусы ярко не блестят,
А платочков изумрудных, знаю, и в помине нет.

Кишлаки Гырахбасана зеленеют круглый год,
Здесь на пастбищах привольных и зимой пасется скот.
Но на берегу высоком юрты взгляд твой не найдет,
И сдается, в целом мире берегов пустынней нет.

Много здесь красавиц нежных с телом хрупким, как
хрусталь.
Губы ярче юной розы, зубки — чищеный миндаль.
Но приветливой, радушной среди них не встретишь —
жаль...
Той, что ласково посмотрит и любовь нахлынет, — нет.

Здесь иная так прекрасна, что тебя бросает в дрожь,
Ты красавицы подобной и в Китае не найдешь.
Но наряд ее безвкусен, хоть богат, а не хорош;
Той, что скромную одежду на себя накинет, — нет.

Здесь луга благоуханны, даль прозрачна и чиста,
Но не знают поцелуя дев надменные уста.
Холодна, как горный мрамор, неживая красота, —
Вижу я прекрасных пери, но моей богини нет.

Уподобясь черной туче, пали косы вдоль спины,
И монеты золотые в них сверкают, вплетены.
Им косынки не по нраву, калагаи не нужны, —
Той, что шапочку на брови под платком надвинет, —
нет.

Нимтене обшит нарядным золотистым галуном,
Точка-родинка таится над румяным, нежным ртом.
На груди, на шее мушки... Но вздыхаю об одном,
Что кудрей, подобных вешней снеговой лавине, — нет.

Не увидел я красавиц с гордо поднятой главой,
Ни одна мне не подарит здесь платок узорный свой,
Жарко в очи не посмотрит, став лицом к лицу
со мной, —
Той, что, как палач жестокий, жизнь навек отнимет, —
нет.

Исходил я все дороги, мне знакомо всё окрест,
Знаю я теперь порядки и обычай здешних мест —
Драгоценные браслеты здесь в почете у невест,
Янтарей я не увидел, здесь их и в помине нет.

День и ночь готовы пери любоваться в зеркала,
Но красавицу не встретишь, чтобы кудри завила,
Чтобы хной покрыла пальцы, бровь крутую подвела, —
Над глазами у красавиц насурьмленных линий нет.

К небу я в тоске взываю, сжалься надо мной, аллах!
Я, Вагиф, изнемогаю, на чужбине я зачах,
Наших жен я вспоминаю с нежным пламенем в очах...
Только случая вернуться, вижу я в унынье, — нет.

ГАЗЕЛИ

* * *

Двух красавиц я славлю — молодость им дана.
Одна словно роза долины, у другой на щеках весна.

У одной хрустальное тело — влажная грудь у нее.
У другой округленны перси, и шея ее стройна.

Одна — белее рассвета, но кудри черны как смоль,
Другая — смуглее заката, но красотой полна.

Одна похожа на ангела ласковой добротой,
Другая стройней кипариса, как слоновая кость она!

Одна с глазами газели — как птица она летит,
Другую сравню я с соколом — так она сложена.

Одна с языком павлина — так сладостно говорит.
Губы другой из меда — как сахар она вкусна.

Доведен до злого отчаяния вами двумя Вагиф.
Боюсь, что от вас обеих Вагифу смерть суждена.

Скоро наступит время, будет потерян Вагиф,
Искать со свечою станете, но не найдет ни одна.

* * *

Я — твой преданный раб. Неужели отвергнешь меня,
От порога любви беспощадно и гневно гоня?

Разве гребень раздора застрянет в упрямых кудрях?
Разве локон утешится, верное сердце браня?

Сколько боли и крови мне стоит лукавство твое,
Хоть коралловых губ я еще не изведал огня.

Сердце кануло в бездну — в прелестную ямку у рта.
Не бросай же в темницу, в любви безнадежной виня!

Лишь с бутоном сравнится твой нежный рубиновый рот.
Почему ж он бранится, и сердце и мозг леденя?

Легче стройной газели проходишь ты мимо окна.
Я любимую жду всё настойчивей день ото дня.

О царица цветов, коль к Вагифу ты не снизойдешь, —
Он пойдет на арену, врага своей кровью дразня.

* * *

Свет очей моих ясный — от милой письмо.
Радость в грудь возвратив, окрылило письмо!

Я прочел и к глазам, благодарный, прижал, —
Ты чудесно мне жизнь расцветило, письмо.

Я кровавые слезы в разлуке пролил,
Я ослеп и прочесть был не в силах письмо.

Я в безмолвной тоске на дорогу глядел.
Но, аллах, мне судьба подарила письмо.

О красавица, нежно Вагифа люби,
Что дыханье любви сохранило письмо.

* * *

Все домой вернулись к ночи, нет лишь милой,
не пришла.
Истекают кровью очи, — истомила, не пришла.

Ах, ушла вся сила вскоре из груди за нею вслед.
Не пришла она, о горе! С ней и сила не пришла.

Если я умру от боли, не спешите хоронить.
Может, та прийти изволит, что сгубила, не пришла.

И не диво, если стану скоро желтым, как шафран, —
Я в разлуке с тонкостанной, что забыла, не пришла.

Нет, Вагиф до встречи с милой не уступит смерти
жизнь.
Жду, приди, верни мне силу, ах, помилуй! — Не пришла.

* * *

Я очень рад был получить твое письмо, о Видади!
Тотчас печали отошли, моя душа опять согрета.

Не будет чудом, если вдруг она взлетит под небеса,
Ведь стали крыльями души слова сердечного привета.

Как месяц, я горбатым был, стал сразу полною луной,
Когда дошло ко мне письмо, как луч сверкающего
света.

Как Хызр, душа моя нашла источник вечной жизни
в нем,
Должно быть, строчек чернота — сердечной близости
примета.

В ответ Вагиф хотел создать, о друг, прекрасную
газель.
Но посланный спешил, и я успел придумать только это.

* * *

Не к лицу игиту зависть, презирает ложь игит.
Будь правдив — и уваженье всюду обретешь, игит.

Скромность смелых украшает, красит искренность
мужей, —
Хвастунов пустоголовых ставит ни во грош игит.

Словно крепость Искандера, неподкупны храбрецы,
Ради пери розоустой путь свой не прервешь, игит.

Только женщины лукавят, — клятве воины верны. . .
Быть отважным, благородным ты обет даешь, игит.

Покровителем игитов я, Вагиф, зову Али, —
Ты поддержку и защиту у него найдешь, игит.

* * *

Видади, ты на черствые эти сердца погляди,
И на время, что мчится вперед без конца, погляди!

На судьбу, что злодея внезапно сравняла с землей,
И на праведный гнев, на десницу творца погляди!

На бессилье того, чей светильник под утро угас,
А вчера вызывал поклоненье льстеца, — погляди!

И на эту надменную голову, павшую в прах, —
Ей уже не носить золотого венца, — погляди!

На того, кто меня без пощады казнить повелел,
На того, кто его превратил в мертвеца, погляди!

Для доски гробовой нужно шаху четыре гвоздя, —
На того, кто от гибели спас кузнеца, погляди!

Пусть примером паденья послужит Ага Мухаммед, —
Опустели роскошные стены дворца, — погляди!

МУХАММЕСЫ

* * *

Сходит к нам она, покинув кущи рая утром рано,
Месяц взгляд, смутясь, отводит, догорая утром рано.
Рассыпает кудри, ветру их вверяя, утром рано,
Смотрит, точно луч из тучи, из-под края утром рано.
Словно утро, мир сияньем озаряя утром рано.

Сонно веки приоткрыла, как нарцисс глазок лукавый,
По бровям проводит пальцем, то по левой, то
по правой,
До колен спускает косы, сладкой душит их отравой,
Точно роза заключает стан в зеленую оправу,
Ногти ржаво-красной хною обагряя утром рано.

Всех красавица пленила ясным ликом, нежным телом,
Щек пылающих румянцем, подбородком снежно-белым,
Величавой простотою, обращением умелым.
Где молящиеся? Тихо в доме бога опустелом.
Всех к ногам она повергла, покоряя, утром рано.

Медленно ведет беседу, улыбаясь лишь украдкой.
Одобряют попугаи разговор ее, повадку.
Рот ее смеется, брови, лоб, волос смеется прядка.
Все по-разному смеются, но не так приятно, сладко.
Кто смеется, в смехе сахар растворяя, утром рано?

Райский сад — ее жилище, в нем лишь розам жить пристало.
Век из раненого сердца стрел ее не вырву жала.
Позабыть не в силах губы, рот, что схож с гвоздикой алой,
Землю ту Вагиф целует, где нога ее ступала,
Имя милой, как молитву, повторяя утром рано.

* * *

Ах, томленье по ней смертным сном убивает меня!
Блеск ее красоты с каждым днем убивает меня.
А браслет золотой жжет огнем, убивает меня.
К взору темному страсть, мысль о нем убивает меня.
Но сильнее всего бровь серпом убивает меня.

К ее белым рукам так подходит кровавая хна.
Шея — стройный бокал, и глаза — словно чаши без дна.
Белый тюль на платке, а повязка на шапке красна.
Ярким поясом стан свой прелестный стянула она.
Пери-кравчий пьянит им, вином убивает меня.

Щеки свежие, словно букет распустившихся роз,
А на косах ее блещут брызги предутренних рос.
Взор хмельной и сурьмой оттенен и волною волос.
Вот, сжимая рукой шаль-тирмэ, она бродит меж лоз.
Этой шали конец за плечом убивает меня.

Плавной павой идет, грудь колеблется зыбкой волной.
И своих и чужих убивает красы ее зной.
Только вспомню о ней, я безумен от мысли одной.
Опьянели глаза, чуть испили из чаши хмельной.
Взглядом лани она, как мечом, убивает меня.

Я, Вагиф, о прекрасном мечтаю, несчастный певец.
С каждым днем я хирею, и близок уже мой конец.
Та, чья бровь полумесяц, убила меня, я — мертвец.
И на камне могильном моем начертает мудрец:
«Без возлюбленной жизнь, словно гром, убивает меня».

* * *

Скажи любимой, ветер утра, что изнемог Вагиф,
Скажи, — по ней тоскуя, жалок и одинок Вагиф,
Скажи, — его разбито сердце, и болен, слег Вагиф,
Скажи, — в огне сгорая, муки снести не мог Вагиф,
Скажи, — подругу поджидая, клянет свой рок Вагиф.

Как мотылек свою сжигает живую плоть в огне,
Как все влюбленные, отвергнут, он поражен вдвойне,
Создателя он вечно молит и стонет в тишине.
Он жизнь отдаст, чтоб змеи-косы ласкать, но не во сне.

Скажи, — ни разу не вмешался в людской поток Вагиф.
Прекрасная, ты кипариса и выше и стройней,
Двух царств богатства недостойны живой красы твоей.
Красавица от взора скрылась, но сердцу ты милей.
К тебе влекутся мысли, чувства, — меня ты пожалей!
Скажи ей, ветер, — безучастен и всем далек Вагиф.

Вдали любимую не видят, темны его глаза.
Томим он жаждою, не видят весны его глаза.
Не видят солнца, звезд, не видят луны его глаза.
Он сна не знает, и слезами полны его глаза.
Скажи, — себя в огне любовном нещадно сжег Вагиф.

Скажи: ты, что подобна розе, к страдальцу снизойди
И движущимся кипарисом к Вагифу в сад войди.
Любовь к тебе — источник горя и зла в его груди.
Куда бы взор ни кинул, видит тебя он впереди.
Скажи, — готов расстаться с жизнью у милых ног
Вагиф.

* * *

Ты — ангела родная дочь. Мне жизни для тебя не жаль.
И тьму и ложь ты гонишь прочь. Мне жизни для тебя
не жаль.
Стону я тяжко день и ночь. Мне жизни для тебя
не жаль.
Себя изменой не порочь. Мне жизни для тебя не жаль.
Снести измену мне невмочь. Мне жизни для тебя
не жаль.

Мне горе распирает грудь, меня измучила тоска.
Я боль свою таю в душе, так ты мне стала далека.
Как грубо может оттолкнуть твоя прелестная рука.
Хочу коснуться влажных уст, но ты черства и
жестока.
Молю беде моей помочь. Мне жизни для тебя не жаль!

Твои уста — живой рубин. Любовь добыть его спешит.
И трус, увидевший тебя, геройский подвиг совершит.
И мудреца сведет с ума твой стан, похожий на самшит.
И речь медовая твоя и птицу голоса лишит.
Я страсть не в силах превозмочь, мне жизни для тебя
не жаль.

Приди к несчастному рабу, чтоб он у ног твоих лежал,
И в сердце, полное любви, вонзи сверкающий кинжал.
Недуга не осилить мне, он стиснул грудь и горло сжал.
Мне твой недружелюбный взгляд страшнее самых
острых жал.
Любовью смерть мою отсрочь, мне жизни для тебя
не жаль.

* * *

Царица правды, ты сюда пришла, как свет в ночи.
Я жду!
Готов я от любой мечты тебе вручить ключи. Я жду!
В число иероглифов живых ты родинку включи.
Я жду!
Глаза мои, душа моя, страданья облегчи! Я жду!
Суровостью, мой светлый друг, раба не огорчи.
Я жду!

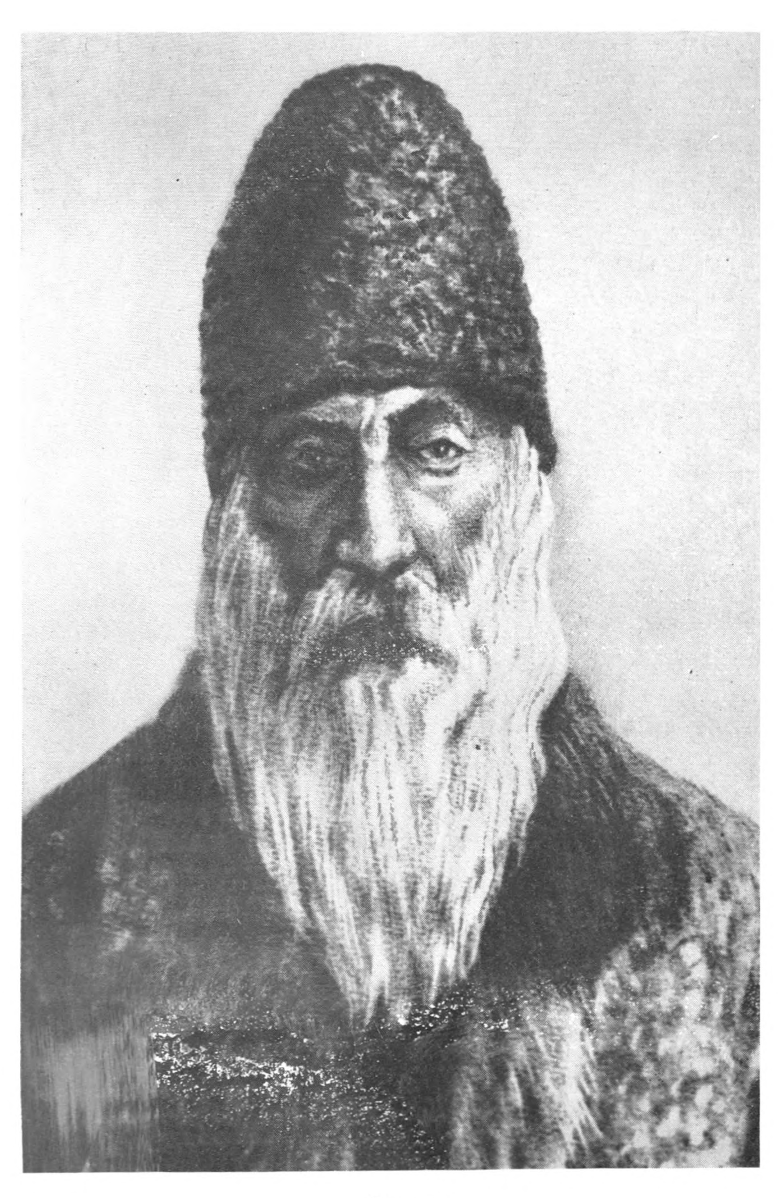
О всех терзаниях моих тебе поведал ветерок.
Иль ты по вздоху поняла, что мне ничто теперь
не впрок?
Я в грустных мыслях о тебе изнемогаю долгий срок.
Ты слышала, как я стонал и сетовал на тяжкий рок.
Коль ты пришла на сердца зов, так сердце излечи.
Я жду!

Царица помыслов моих, ты снисходительна вдвойне,
Коль за грядой несчетных дней не позабыла обо мне.
Ты — серебристая луна, блеснувшая в моем окне.
В тебе воплощена мечта, томившая меня во сне.
Прекрасны взора твоего целебные лучи. Я жду!

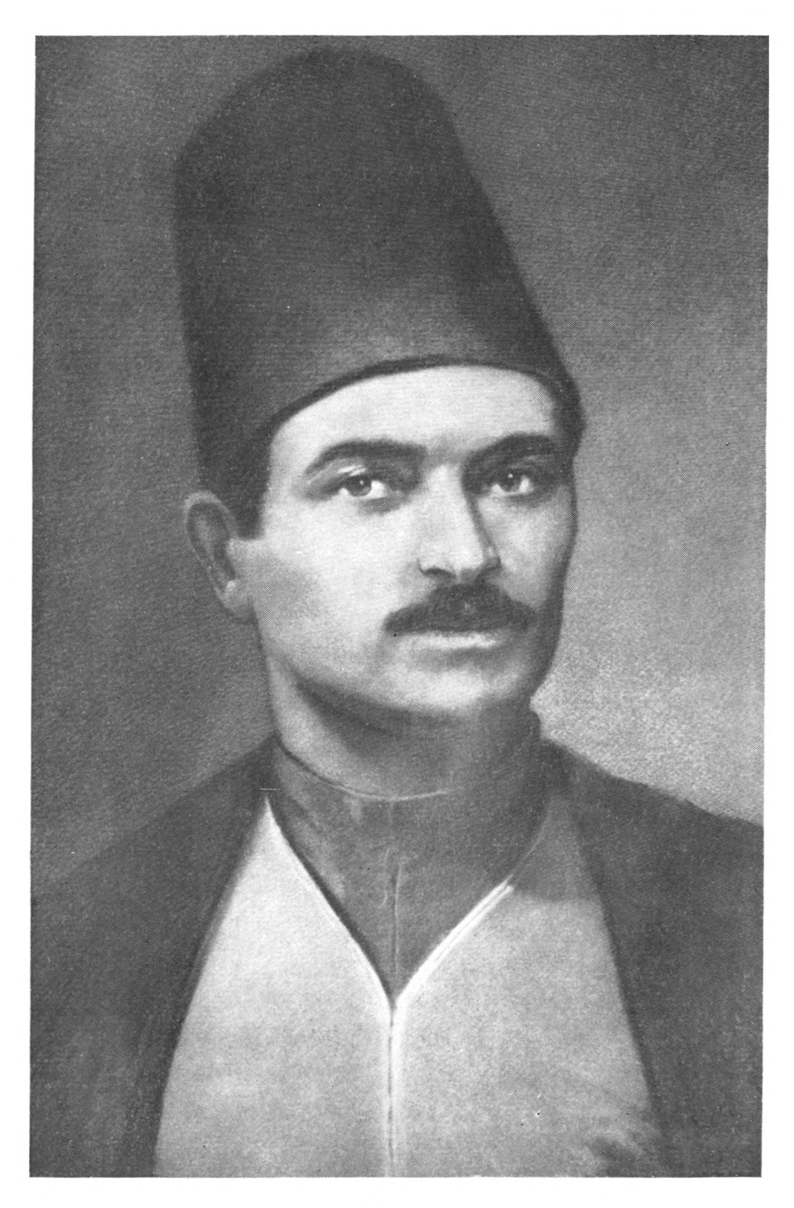
Нужна Вагифу губ твоих животворящая вода.
Я даже Искандера ключ с ней не сравнил бы никогда.
Я блага рая за тебя готов отдать, моя звезда,
И речи сладостной твоей внимать хотел бы я всегда.
Войди и лаской меня к блаженству приучи! Я жду!

* * *

Если ищешь услады, красавицу ту полюби,
Чьи ланиты румяны, как розы в цвету, полюби,
Говорок попугая, речей остроту полюби,
Тонкий стан, мрамор тела, волос черноту полюби,
Ты ее красоту, простоту, прямоту полюби.

Видади

Закир

Виночерпий скупится, — ах, жаждущим несдобровать!
Не обидно ли душу в куски, как стекло, разбивать.
Век скитаться по свету, бродить без дорог, тосковать?
Лучше ту, чье призванье влюбленных сердца врачевать,
Ту, что ценит поэтов, за ум, доброту полюби.

Эти полные руки, — такой серебро белизны,
Круглый холм живота, что белей белопенной волны,
Эту нежную грудь — белый жемчуг морской глубины,
Ослепительный лик, белизну отразивший луны,
Шитый золотом шарф, голубую фату полюби.

Ароматным дыханьем, как чашечки лилий, полна,
Круглолицая, с телом зеркальным, приятна она.
Дружелюбна, кокетлива в меру и в меру нежна,
Приоткрыла платок, стала вся на мгновенье видна;
В пери каждую ты дорогую черту полюби.

Полагать, что улыбки — признанья печать, ни к чему.
Каждый брошенный взгляд вспышкой страсти встречать
ни к чему.
Ту, чье скрыто сиянье, луной величать ни к чему.
О Вагиф, полюбить, чтоб тотчас заскучать, ни к чему.
Ты подругу навек, так, как любят мечту, полюби.

* * *

Всю ночь мечтая о тебе, я не могу уснуть, ружье!
Насечкою из серебра могло бы ты блеснуть, ружье.
Мне в сердце искру заронив, ты опалило грудь, ружье.
Как дым по твоему стволу, мой вздох свершает путь,
ружье.
Щекой к прикладу твоему мне не дано прильнуть,
ружье.

Коль о ружье заходит речь, я свирепею, словно лев.
Как злое пламя, сердце жечь мне начинают скорбь
и гнев.

И от бессилья своего я слезы лью, оцепенев.
Мне запах пороха милей, чем кудри мускусные дев,
Но этот сладкий аромат мне не дано вдохнуть, ружье!

Я в поисках ружья зачах, я исходил весь Карабах,
К аллаху обращался я в своих бесчисленных мольбах,
Чтоб он мне милость оказал, заботясь о своих рабах.
И наконец ширванский хан с улыбкой сладкой на губах
Прислать в подарок мне сулил — сам хан,
не кто-нибудь! — ружье.

И внял я ласковым речам, как легковерный человек.
Уже в горах растаял снег и начались разливы рек, —
Я на дорогу всё гляжу, обещанного ждать мне век!
Поныне ищет, говорят, ружье красноречивый бек.
Хоть ты и редкостный товар, — совсем не в этом суть,
ружье!

Я благородное ружье всему согласен предпочесть.
Оно от лютого врага оберегает жизнь и честь.
И помогает храбрецу осуществить святую месть.
Неужто примешь ты, Вагиф, ружье какое ни на есть?
Украшенное серебром, отменное добудь ружье!

* * *

Нанесла ты мне много мучительных ран, борода,
И за то накажи тебя бог мусульман, борода!
Бóльших бедствий не мог причинить ураган, борода.
Хоть бы вражий тебя отхватил ятаган, борода!
На беду сотворил тебя злобный шайтан, борода.

До поры не знавал я любовных обид и невзгод.
Был я молод, румян и вдобавок еще безбород.
Целовал я красавиц в уста, источавшие мед.
А теперь надо мной потешается дев хоровод, —
От меня отвратила такой гюлистан борода!

И недаром я жизни своей омраченной не рад.
Ты меня осрамила, лишила блаженных услад,

Ты объедков полна, издающих зловонье и смрад.
От тебя с отвращеньем отводят красавицы взгляд,
Изгибая надменно свой трепетный стан, борода.

Будь на каждый твой волос нанизан смарагд или лал,
Всё равно бы такого добра я иметь не желал.
Не снисходят красотки ко мне, как бы я ни пылал.
Ты не стоишь соломы, тобой бы я хлев устилал,
Будь ты колос пшеничный иль даже рейхан, борода!

Мысль о старости близкой вонзается в сердце, как нож.
Ты черна, но Вагифа бросает заранее в дрожь:
Поседеешь — он с белой собакой окажется схож,
И на свадьбе, где пляшет, резвится, поет молодежь,
Он прижмется к стене, одинок и незван, борода!

* * *

Милая, — за что не знаю, — рассердилась на меня,
Хмельноглазый ангел рая — рассердилась на меня,
Плакать кровью заставляя, — рассердилась на меня,
Черных дней луна златая — рассердилась на меня,
Свет и воздух отнимая, — рассердилась на меня.

От ресниц ее жестоких изнывает грудь моя.
Налились глаза слезами — чаши полны по края.
Утопая в море скорби, невозвратно гибну я,
Сердца гордого не тронешь звонким плачем соловья.
Любо ей, что я страдаю, — рассердилась на меня.

Лишь завидит — отвернется, закрывается платком.
На луну мою, на солнце — глянуть бы одним глазком!
На меня смотреть не хочет, будто я ей незнаком,
Видно, недруг мой пред нею очернил меня тайком.
Мне не внемлет дорогая — рассердилась на меня.

Говорю — не хочет слушать, недоверию верна,
На лицо мое ступить бы соизволила она!

Мне без милой жизнь постыла, ненавистна, не нужна.
Знать не хочет, хмурит брови и молчит, оскорблена,
Я в тоске горю-сгораю — рассердилась на меня.

Бесподобная не скажет: «Подойди ко мне, Вагиф»,
Беспощадная не видит, что горит в огне Вагиф,
Днем и ночью изнывает по своей луне Вагиф,
Но не ведает, не знает о своей вине Вагиф.
Помогите — погибаю! — Рассердилась на меня.

* * *

Я правду искал, но правды снова и снова нет:
Всё подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят, в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей —
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей:
Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей,
И сколько бы я ни выслушал путаных их речей —
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.

Странный порядок в силу у сильных мира вступил:
Чье бы печальное сердце ты ни развеселил, —
Оно тебе злом отплатит, отплатит по мере сил, —
Им неприятен всякий, кто доброе совершил. . .
На целом огромном свете мне друга родного нет.

Ученый и с ним невежда, учитель и ученик —
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в мулл и шейхов поверит, тот ошибется в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.

Тот, кто дворец Джамшида в развалины превратил, —
Тот веселье и счастье безжалостно поглотил.

Нет никого, кто в горе кровь свою не пролил, —
Сам я не раз жестокой судьбою испытан был.
Повсюду царство коварства — и царства другого нет.

Всякий чего-то ищет, погонею поглощен,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли — за ними в погоне он.
Влюбленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.

Ты на людей, как солнце, свой излучаешь свет, —
Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, совесть давно уж утратил свет.
Слышали мы, что где-то честности найден след.
Я долго искал и знаю — чувства такого нет.

Алхимиками я сделал множество гончаров.
В золото обращал я прах забытых гробов.
Из щебня я делал яхонт, с камня срывал покров,
Я мог превращать в бриллианты бляхи на шеях ослов,
Признанья искал — но мир мне ответил сурово: нет!

Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым рок,
Щедрости нет у богатых — у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, — нет!

Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлеченья женской невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.

Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга, — погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостию своей:
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у больного нет.

МУШАИРЕ

ВАГИФ И ВИДАДИ

(Отрывки)

Вагиф

Что печалит тебя, дорогой Видади?
Смелым сердцем ты вдруг погрузился во тьму
и заплакал.
День печали еще предстоит впереди,
А теперь, Видади, отвечай, почему ты заплакал?

Видади

Столковаться, Вагиф, я с тобой не смогу.
Если б нежность подкралась к тебе самому, ты б
заплакал.
Если б страсть у тебя поселилась в мозгу
И любовь твоему угрожала уму, — ты б заплакал.

Вагиф

Если сердца живого не кончился бой,
Все султаны и ханы ничто пред тобой,
Наслаждайся своей беспечальной судьбой!..
Почему ж огорчился ты, я не пойму, и заплакал?

Видади

Плач возник от любви, от ее чистоты,
А обида души — от ее доброты;
Если б всё это сердцем почувствовал ты,
С утешением к другу спеша своему, — ты б заплакал.

Вагиф

Полной жизнью живи, не горюй, не грусти,
Легкомыслие нежной подруге прости,
Вытри слезы, они у нее не в чести.
Не захочется ей возвратиться к тому, кто заплакал.

Видади

Благочестия признак — живая слеза,
Правоверным она увлажняет глаза,
С ней светлеют умы и стихает гроза.
Нам повсюду сопутствует плач, — потому я
заплакал.

Вагиф

Если б злая судьба у тебя отняла
И теленка, и ту, что его родила,
И друзей увела, и спалила дотла
Всё, что в сердце лелеял и прятал в дому, —
ты б заплакал.

Видади

Брось нелепые шутки, со мной говоря;
О погибшем теленке болтаешь ты зря.
Ведь, из рук Хазраткули дубинку беря,
Ты бы тоже пошел по пути моему и заплакал.

Вагиф

Нам разлука с любимой порой суждена,
И напрасно тебя угнетает она.
Словно туча, душа твоя стала мрачна, —
Прижимая ладони к лицу своему, ты заплакал.

Видади

Это молодость, друг мой, в тебе говорит,
Это в играх веселых твой разум парит,
Равнодушное сердце твое не горит.
Если б знал ты, что смерть угрожает всему, —
ты б заплакал.

Вагиф

Не проходят без горя ни свадьба, ни пир, —
Так устроен подлунный изменчивый мир,
Пусть покинул тебя твой лукавый кумир, —
Разливаться рекой молодцу ни к чему.
Ты ж заплакал.

Видади

Ты, как юноша, смотришь на чувство шутя
И еще увлекаешься всем, как дитя,
Но, дубинку волшебную приобретя,
Постарайся ее не отдать никому, —
ты ж заплакал.

Вагиф

Смысла в грусти твоей не могу я найти.
Погуляй, пошути, не тоскуй, не грусти.
Как ребенок, что сбился случайно с пути
И не знает, как дом отыскать самому, ты заплакал.

Видади

Всё, что душу терзает и мучит, — пойми,
Часто бурные чувства владеют людьми.
И какой ты прогулкой себя ни томи,
Но, почуяв, что сердце попало в тюрьму, —
ты б заплакал.

Вагиф

Не грустят о былом удальцы-храбрецы,
То, что пролил, пропало — учили отцы.
Зимних льдов не растопят слезами глупцы.
С наступленьем весны, видя птиц кутерьму,
ты б заплакал.

Видади

Ты старался, чтоб хлеб мы имели и соль,
А теперь нам осталась лишь горечь и боль.
Простоквашей и просом питаться изволь.
Приглядевшись, ты б крикнул — я слез не уйму! —
и заплакал.

Вагиф

Вдоволь ешь простоквашу и хлеб просяной,
Развлекайся Джамшида прелестной женой,
Только к лакомству ты не тянись и не ной, —
Станет ядом оно. Пристрастившись к нему,
ты б заплакал.

Видади

Простоквашу и просо ты мне предложил,
Чтобы впредь без душевной тревоги я жил.
Но и то, чем ты бредил и чем дорожил,
Превращается в яд, чтобы, глядя во тьму,
ты заплакал.

Вагиф

Если сердце стучит, пусть ты согнут, как лук,
Пусть роняешь ты всё из трясущихся рук
И далекий к тебе не доносится звук, —
Что тебе падишах? Не завидуй ему! —
Ты ж заплакал.

Видади

Если ты уже на нос напялил очки,
Так тебе молодиться никак не с руки,
Всех мальчишек такие смешат старики.
«Что за смех, — ты сказал бы, — я в толк
не возьму», — и заплакал.

Вагиф

Что ж ты сетуешь, стонешь, скулишь без конца
Так, что слезы ручьями стекают с лица?
Оступился ли конь, родила ли овца,
Ты б и в этом узрел неприятностей тьму и заплакал.

Видади

Ты не холишь, не ценишь, не любишь скота,
И мирская противна тебе суета.
Но ведь множество жен ты завел неспроста,
И, решив, что детишки тебе ни к чему, —
ты заплакал.

. . . .

Вагиф

Ты телят на своем не увидишь веку,
А к скотине твоей и к ее молоку
Каждый будет тянуться назло дураку,
Но сейчас почему же, я в толк не возьму, ты
заплакал?

Видади

Если дьявол тебя соблазнил чем-нибудь
И толкнул на греховный и суетный путь,
Слишком падок на ласки изменниц не будь...
Я решил, что плутовку ничем не пройму, —
и заплакал.

Вагиф

К черту тех, что солгали, и тех, что ушли!
Из-за них не увяли красоты земли.
Надо сердце держать от былого вдали.
Ты же думал — я горе слезами уйму, —
и заплакал.

Видади

Человек беспечальный подобен скоту.
Если б мог ты лелеять былую мечту,
Ты сказал бы: я грусть уважаю и чту!
Ты решил бы: я сердца в тиски не зажму, —
и заплакал.

. . . .

Вагиф

Чем ты болен, бедняга, понять я хочу?
Что бы я ни сказал, — я тебя огорчу.
Твой недуг излечить — не под силу врачу.
Ты решил, что разлука подобна бельму, —
и заплакал.

Видади

Весельчак на пиру ищет помощь слуги,
Он и сердце свое потерял и мозги,
Безразличны ему и друзья и враги,
Я ж измене друзей предпочел бы чуму, —
и заплакал.

. . . .

ВИДАДИ

Крупнейший азербайджанский поэт Видади Молла Вели родился в Шамкире (Шамхоре) в 1709 году. Первоначальное образование Видади получил также в Шамкире. Затем он, выполняя обязанности мирзы и учителя, жил в селениях Пойлу и Шихлы, недалеко от города Казаха.

Видади в совершенстве владел родным азербайджанским, персидским и арабским языками. Как и другой крупнейший классик азербайджанской поэзии, Вагиф, Видади учился в значительной степени на лучших образцах поэзии ашугов, этим во многом объясняется доступность его творчества для широких масс народа.

Видади прошел длинный жизненный путь от простолюдина до дипломата и придворного поэта во дворцах азербайджанских и грузинских феодалов. Он служил у владетеля небольшого ханства Гюлистан, ширванского хана, во дворце царя Ираклия II. Дипломатическая карьера поэта была неудачна.

По неизвестным причинам Видади вынужден был скитаться долгое время вдали от родины и друзей, искать приюта и защиты в Грузии. Поэт испытывал в это время глубокую тоску по родине. Видади томился в одиночестве и бездействии. Он отрекся от мирских благ, разуверившись в возможности счастливой жизни в условиях феодальной тирании. Он пел о бессмысленности и пустоте современного ему мира.

Видади ясно видел и ощущал реальную обстановку эпохи — необузданный произвол, деспотизм, разбойничий характер феодальной власти. В одном из лучших своих произведений — «Журавли» — Видади в замечательных поэтических образах выразил горькое раздумье над окружающей его действительностью. Несмотря на пессимистические мотивы, он не приходит к фатализму, не теряет веры в лучшее будущее. Он убежден в том, что наступит конец произволу и насилию феодального мира.

Видади — один из замечательнейших лириков азербайджанской поэзии. Вместе со своим другом и современником Вагифом Видади значительно обогатил лирическую поэзию Азербайджана, мастерски

использовав высокие образцы народной поэзии. Видади писал главным образом гошма и герайлы. Среди замечательных произведений Видади особенно отличается стихотворение, написанное в 1780 году по случаю убийства шекинского правителя Гусейн хана Муштага. В этом произведении поэт убеждает в бессмысленности междоусобных войн, показывает, как в результате коварства мелких интриганов погибают умные, талантливые государственные деятели и страна переходит в руки недостойных, бездарных людей.

Большое место в литературном наследии Видади занимает его переписка в стихотворной форме с поэтом Вагифом.

Особенно замечательны стихотворения «Вагифу», «Журавли» («Ряд за рядом, поднявшись к большим облакам...») и другие.

Видади умер в 1809 году в глубокой старости. Похоронен в селении Шихлы.

ГОШМА

* * *

Там, где любви напрасно сердце ждет,
Оно увянет, сгинет, пропадет.
Но и любовь там расцвести не сможет,
Где верности и дружбы не найдет.

Будь преданным, но каждому не верь.
И душу всем не открывай, как дверь,
Товар души не выноси на рынок,
Где нет ему ценителей теперь.

Создатель, одинокого храни,
Трудны его безрадостные дни.
Он окружен заботой и печалью —
Где друга нет, там властвуют они.

Зачем нам к вечным истинам взывать,
В свои дома несчастья призывать?
Зачем от правды люди отвернулись,
Где нет причин о правде забывать?

Ликующий, ко мне направь стопы
И выслушай слова — они скупы.
Ведь даже розе иногда приятно,
Чтобы других не ранили шипы.

Любви желают в мире все сердца,
И трепету, и вздохам нет конца.
Сам исцелитель Видади страдает,
Когда не видит милого лица!

* * *

О, друг души моей! Жду не дождусь,
Как рассказать мои мученья? Ах!
Оборвалась душа. Терпенья нет.
Как долгий год — часов теченье. Ах!

Беззвучно время тянется, дразня.
Пылает тело углем из огня.
Истлела сердца ржавая броня.
Она — как склеп без назначенья. Ах!

Согбенный жаждой, согнутый в дугу,
Я рваных жил своих не берегу,
Ручьями слез по городу бегу,
Изнемогаю от влеченья. Ах!

Ни с чем любовь мою сравнить нельзя.
Приводит к смерти сладкая стезя.
О ветер! Были мы с тобой друзья,
Повей же вздохом облегченья! Ах!

Я Видади. Меня грызет недуг.
Я понимаю всех, кто полон мук.
О родина! О милая! О друг!
О жизнь! О тьма! О заточенье! Ах!

* * *

Ряд за рядом, поднявшись к большим облакам,
Вы зачем забрались в небеса, журавли?
Ваша песня тоскливая так грустна,
Вы куда направляете путь, журавли?

Словно бусы, нанизаны ваши ряды,
Высоко в небесах вы летите, горды.
Не случилось бы с вами какой беды,
Добывайте же корм как-нибудь, журавли...

Я скажу, и в словах моих правда живет:
Вас крылатый злодей на дороге ждет,
Злобный сокол размечет ваш перелет.
Алой кровью окрасите грудь, журавли.

Ваша родина, ваша отчизна — Багдад,
Ваши перья — забава того, кто богат.
Ваши песни на сердце, как струны, гремят.
Вы зачем мне терзаете грудь, журавли?

Вы спросите, друзья, обо мне, больном.
Я письмо напишу дрожащим пером.
О больном Видади в свой багдадский дом
Принесите письмо как-нибудь, журавли.

* * *

По тебе вздыхал я много-много лет,
Наконец-то ты со мной, любовь моя!
Хочешь, жизнь свою я в жертву принесу
Родинке твоей одной, любовь моя!

Ты меня сумела хитростью привлечь,
С каждым днем твоя звучала слаще речь,
Узы чар твоих не в силах я рассечь,
Стала ты моей мечтой, любовь моя!

Ты прельщать луноподобных рождена,
Красота твоя достоинства полна,
Райский сад могла б затмить собой она.
Не смутишь тебя хвалой, любовь моя!

От любви своей я дням теряю счет,
Кто влюблен в тебя — безмерно счастлив тот,
Чтоб взглянуть, как красота твоя цветет,
Розы спорят меж собой, любовь моя!

Ты судьбою мне подарена в пути,
Недостойному — подобной не найти,
Пусть мишенью станет сердце Видади,
Что сражен твоей стрелой, любовь моя!

* * *

Сердце тоскует, душа и глаза ожидают,
Так и проходит вся жизнь, и уже иссякает.
Ждать я не брошу того, чего жажду душою, —
Силы, могущества, счастья! Увижу ль, кто знает?

Нет, привлекают меня не богатства земные,
Не суета, не раздоры, не помыслы злые.
Вспомню о бедных, о горестях их на чужбине —
Слезы, кровавые слезы глаза застилают.

Искренни лишь благородные, к ним устремляйся,
С низким водясь, унижения ты опасайся,
Низок, кто дружит с тобой в дни удачи и счастья,
В трудный же день, повстречавши тебя, —
не узнает!

Лишь благородный последним готов поделиться,
В битве за честь твою жизнью готов поплатиться.
Не отвернется от друга до самой кончины,
Голову, душу отдаст, если друг погибает.

Прав Видади постоянно, когда повторяет:
Труд благородного, честного не пропадает.
Тот же, кому покровитель и друг сам всевышний,
Право, нужды ни в султане, ни в хане не знает!

* * *

О, упрекающий меня, «не плачь» — ты вновь готов
твердить,
Но тот, чья милая ушла, как может не заплакать?
И тот, кто вынужден года в разлуке с другом милым
жить,
И тот, кто, потеряв кумира, его не в силах воротить, как
может не заплакать?

Тот, кто всю жизнь был обречен без друга и любви
прожить,
Кто молодость растратил зря — а ведь ее не повторить! —
Кто власть, величье потерял и жизнь не может
обновить, —
Тот, кто утратил волю жить, как может не заплакать?

Тот, кто удачей обойден, ибо таков закон времен,
Кто после радостных трудов в печаль и горе погружен,
Кто, не успев расцвесть, — увял, чья жизнь как долгий,
тяжкий сон,
Кто, наконец, всего лишен, — как может не заплакать?

Избранник избранных, тебе скажу о горестях своих
Открыто, — их не сосчитать, какую вынесу из них?
Спешу к могиле, и к пути прикован взор очей моих,
Кто больше ничего не ждет, как может не заплакать?

О Видади, приди, хочу, чтобы страдальца ты узнал,
Где облик тот, что ты видал, где тот, кого ты раньше
знал,
Где тело, дух, та сила, свет, что взор счастливый
излучал?
Кто всё на свете потерял, — как может не заплакать?

ГАЗЕЛИ

* * *

Мы жить не можем, смерть поправ, — как тяжко
умирать!
На жизнь имея столько прав, как тяжко умирать!

Огонь любви в моей крови, тебя желаю я.
Мечтанья о тебе прервав, как тяжко умирать!

Мой взор еще не опустел, — ведь он тебя встречал.
Тебя опять не повидав, как тяжко умирать!

Готов смеяться мой язык и голос щебетать.
Высоко голову подняв, как тяжко умирать!

Пускай страдает тот, кто знал, жалеет, кто не знал.
Свою хвалу тебе послав, как тяжко умирать!

Стрелой пронзенный прямо в грудь, бесцельно я бегу.
Мой след неровен и кровав... Как тяжко умирать!

Подруги сердца моего со мною нету здесь.
Душевных тайн не рассказав, как тяжко умирать!

Я разучился говорить, и силы нет в руках.
Недолюбив, недострадав, как тяжко умирать!

Без крова, на чужой земле, вдали от мест родных,
Страданий всех не описав, как тяжко умирать!

Ты, Видади, имел детей, красивых, молодых!
Их всех по свету растеряв, как тяжко умирать!

* * *

Всевышний, взор не отвращай, пускай безумен я,
Я узник сердца, от любви теперь безумен я.

Нелепы все мои дела, утратил разум я,
Но я не трус, за честь любви восстану разом я.

От жизни милой жизнь свою не отрываю я.
Я — жертва глаз ее и губ, и к ней взываю я.

Хоть не поклонник винных чаш и пылких сборищ я,
Зато властитель той страны, где грусть и горечь, — я

Я славу мимо пропустил, ее не жажду я.
Своей печалью утолить сумею жажду я.

* * *

Каждое утро здесь ветерок ищет любимую на заре.
Легко касается он ветвей и мокрых роз в серебре.

Скверная пища вязнет в зубах, в горло не хочет она
идти,
Время проносится мимо тех, кто не стоит на его пути.

Напрасно в бархатной тьме горит маленький, нежный
огонь свечи,
Может любимой коснуться он и озарить ее стан в ночи.

В беседе с ничтожным тратишь слова, напрасной
становится речь твоя.
С мудрым беседуй — хаганских богатств стоят одежды
его края.

Я на арене бед обращу голову в круглый, кровавый мяч,
Пусть ее по чужим рукам, в свальную яму бросит
палач.

Смерть за достойного — славная смерть, жизни
великой она равна.
Жизнь ты пожертвуй за душу ту, тысяча душ которой
цена!

Пусть Видади немощен, стар, дряхл, морщинист
и некрасив, —
Всё же он стоит сотен таких пламенных юношей,
как Вагиф!

* * *

Кипарис, меня лишивший света и покоя, — чей?
Ты, кумир, меня пленивший неземной красою, — чей?

Где найду я в мире локон лучше локонов твоих?
Тот, кто храбр в любовных битвах, — благородный
воин — чей?

Ты, чьи очи, ножки, брови, стана стройного изгиб
Всех красавиц ввергли в горе, их затмив собою, —
чья?

В драгоценности одета, в пурпур с ног до головы,
Ты в серебряном уборе с золотой парчою — чья?

Жребий странный и случайный свел с тобою
Видади...
Сокол, в воздухе парящий над моей главою, — чей?

ВАГИФУ

Зачем ты так весел и счастлив, Вагиф,
Меня вопрошая: «Что стонешь и плачешь?»
Но, сердце для страсти высокой открыв,
И ты удержаться не сможешь — заплачешь!

Любовь наши очи слезами зальет,
Сердца милосердие нам разобьет.
Их корень душа в состраданье найдет,
И если ты сердце имеешь — заплачешь!

Плач признаком веры должны мы считать:
Кто верит, тот может рыдать и стенать.
И если ты истину хочешь познать,
До рези в глазах, до мученья — заплачешь!

Ты мальчик с пресыщенным сердцем. Оно
Желаний и жадных томлений полно.
И признаков старости лишено...
Но ты постареешь, поймешь и заплачешь.

Ты — юноша с детскою негой в глазах,
Ты в первых еще пребываешь мечтах,
Давно ли ты держишь дубинку в руках?
Держи ее крепче: уронишь — заплачешь.

Ты можешь в груди свою тайну держать,
Без помощи сердца ее уважать,
Ты можешь от всех по дорогам бежать,
Но время придет — ты сгоришь и заплачешь.

В достатке живем по твоей доброте,
Лепешки из проса бурчат в животе.
Ты мало что знаешь в своей простоте,
А если узнаешь — вздохнешь и заплачешь.

Ты дал мне воды и хлебов просяных,
Кто съест их — добьется всех целей земных.
Но будет мгновенье — все прелести их
Отравою станут. Тогда ты заплачешь.

Все те, кто уже нацепили очки,
Пусть пыжиться бросят — они старички,
Под старость всё чаще нам слышны смешки,
А ты, рассердившись на это, — заплачешь.

Богатый горами, могучий Кавказ
Рождает огонь вдохновения в нас.
В собраньи ты песню прослушай хоть раз,
И, в сердце пронзенный, ты горько заплачешь.

Не трогай поэзии и красоты,
Довольно стихов про сады и цветы!
Известно мне всё, чем волнуешься ты,
Ты будешь возлюбленной петь — и заплачешь.

Тебя навестит Сары Чобан-оглы, —
И души сольются, чисты и светлы.
Он пышности хана возносит хвалы,
Услышав его пятистишья, — заплачешь.

Никто не излечит страдающих нас.
До Абу Бекра дойдет ли твой глас?
А птица души улетит, — и в тот час
Над телом своим бездыханным заплачешь...

Возьмет твою душу тогда Азраил...
На мир ты посмотришь — он радостен был!
Никто не прибавит несчастному сил,
Ни дочь, ни невестка. Ты горько заплачешь.

О мире загробном не думай — к чему?
Идеи твои не подходят к нему.
На страшном суде не воззвав ни к кому,
От неба ответа не слыша, — заплачешь.

О, если б о милости божьей ты знал!
О, если б душой благочестья искал!
О, если б всевышний тебя приласкал!
Чего ты боишься? Зачем же ты плачешь?

В молитвах склоняюсь я каждую ночь,
Соблазны гоню я безжалостно прочь,
Молящимся должен создатель помочь!
Ты тоже молиться начнешь — и заплачешь!

Кто будет самим сатаной соблазнён, —
Найдет на земле только сладкое он.
Ты будешь прелестницами окружен,
Потом они бросят тебя — ты заплачешь.

Не бойся слезами залитых очей —
Ведь мы не похожи на диких зверей.
И если своих понимаешь друзей, —
Не ночью, так днем непременно заплачешь.

У тех, кто не ведали слез никогда,
Нет мыслей в разлуке, печаль им чужда,
Но всё-таки вспомнишь друзей иногда
И волей-неволей немного поплачешь...

Ты кровью себя не пятнай. И в борьбе
На мир не надейся. Жесток он к тебе!
Когда он тебя не подпустит к себе,
Лягнет, как корова теленка, — заплачешь!

Судьба, что заставила бросить дома,
Судьба, что гнала и сводила с ума,
Судьба, что была тебе словно тюрьма,
Она обо всем тебя спросит, — заплачешь.

Окончатся пытки на страшном суде,
Покоя от слез не найдешь ты нигде,
И будет тебе наказанье везде, —
Ты в тысячный раз неутешно заплачешь.

Я грешник большой, перед богом дрожу,
«О, бог милосердный!» — всечасно твержу.
Ты в милость не верил, но я предскажу,
Что скоро раскаешься ты и заплачешь.

Хоть время тебе расправляет крыла, —
Оно же твои разрушает дела.
Узнаешь, что жизнь через грань перешла,
И в муках своих безнадежно заплачешь...

Гасан твой водитель. Безумья недуг
Измучил его, но заблудшим он друг,
Найти ничего он не может вокруг,
Ты всё это после найдешь и — заплачешь!

МУСАДДЕС

* * *

Не думай о нашем страданье, — всему наступит конец.
В груди удержи рыданья, слезам наступит конец.
Придет пора увяданья, цветам наступит конец.
В душе не храни ожиданья — душе наступит конец.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Возлюбленная прекрасна — она истлеет в земле,
Рот ее нежно-красный — и он истлеет в земле,
Локон на шее страстной — тоже истлеет в земле.
И раз ее образ ясный должен истлеть в земле,
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Умрет властелин вселенной, — что выживет он — не верь,
И царство его погибнет. Во власть и закон не верь.
Всё в мире непостоянно. Что мудр Соломон — не верь.
Вращению мирозданья, если умен, не верь.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

И если за годом годы сто веков расцветет,
И если, шумя листвою, сто садов расцветет,
И если сто гиацинтов, сто цветов расцветет, —
То разве душа от лживых, от жалких слов расцветет?
Нет! Чашу налей, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Разлука сжигает душу, печалью меня тесня.
Я выпил бокал страданья, он в горе подлил огня.
Никто мне руку не подал, не поддержал меня,
Пока еще есть возможность, радуйся свету дня...
И чашу налей, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Если подумать о жизни, — горем она полна.
Ведь одному бриллианту — тысяча душ цена!
Как в зеркале, в каждой грани подлость отражена.
Клянчить себе подачек наша земля должна.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Цену пустому миру знал Видади больной.
Мир о пощаде просит, словно набат ночной!
Страх и смятенье вижу я в суете земной,
Жизнь коротка, не будет жизни еще одной.
Мне чашу налей, виночерпий, всему наступит конец,
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

ЗАКИР

Касум бек Закир, выдающийся азербайджанский поэт-сатирик, родился в 1784 году в городе Шуше в семье карабахского бека, из рода властителя Карабаха Панах хана. Закир жил в селении Хынзырыстан, расположенном недалеко от Шуши, занимался хозяйством.

В 40-х годах прошлого века Касум бек Закир был уже известным поэтом. Главное место в творчестве Закира занимает лирика, басни и сказки. В его баснях заметно влияние И. А. Крылова.

Первое стихотворение Закира было опубликовано в 1854 году в газете «Кавказ». Затем, в 1856 году, были напечатаны еще два сатирических стихотворения поэта — «Шейхи» и «Усули» в сборнике, составленном Мирза Юсуфом Карабаги Нерсесовым в Темир-Хан-Шуре (Буйнакск).

Закир является продолжателем реалистического стиля, созданного еще Вагифом. Стихотворному мастерству он учился у ашугов, писал простым, понятным народу языком.

Для творчества Закира характерны пафос обличения и глубокий лиризм. Его чудесные лирические стихотворения написаны главным образом в форме гошма.

Закир был главой нового, сатирического направления в азербайджанской поэзии XIX века. В своих острых сатирических сочинениях — «Послание Мирза Фатали Ахундову», «Джанымыз», «Кази» и других поэт изобличает произвол и деспотизм беков, ханов, алчных и продажных царских чиновников, раскрывает лицемерие духовенства. Его блестящие сатиры вызывали недовольство и гнев местных властей. Закир имел много врагов среди азербайджанской знати и духовенства.

В результате бекоханских интриг Закир подвергался преследованиям со стороны царских властей.

Его сын и племянник были сосланы в Сибирь, Закира же подвергли аресту и выслали в Баку.

Закир умер в глубокой старости в 1857 году в городе Шуше.

ГОШМА

* * *

Задержите на час полет в высоте,
Поглядите на скорбь мою, журавли.
Вы куда и откуда стремите полет,
В облаках величаво трубя, журавли?

Здесь под вами чернеет разрушенный кров!
Пролетайте над ним, как тень облаков!
Вы летите над гнездами ястребов,
Сберегите в пути себя, журавли!

Я, живя на чужбине, надежду таю;
День и ночь я о родине слезы лью.
Я, как вы, чужестранец в чужом краю.
Вдаль я вас провожаю, скорбя, журавли!

Я люблю ее пастбища, водную гладь,
Хоть бы раз мне лицо ее увидать!
Может, вы мне хотите о ней рассказать
Шумом крыл и наклоном шей, журавли?

Я Закир! Мне огонь пожирает грудь.
Передайте мне весть иль хоть что-нибудь!
И сердца, вас ведущие в дальний путь,
Пусть не будут грудой камней, журавли!

* * *

Всё ль ты ей передал, о зефир, когда
Ты в садах пролетал? Что она отвечала?
И когда о глубокой печали моей
Ты в деревьях шептал, — что она отвечала?

Припадая к ногам бессердечной моей,
Как я предан скорбям, сообщил ли ты ей?
И когда ты сказал ей, что снега бледней
Стал мой розовый лик, — что она отвечала?

Не приметил ли ты у нее на лице
Состраданья ко мне? И когда ты в конце
Своей речи сказал, что в железном кольце
Злой недуг меня сжал, — что она отвечала?

Скорбь связала меня по рукам и ногам;
Темнота подступает к угасшим глазам;
Дал ли волю, зефир, ты словам и слезам?
И когда замолчал, — что она отвечала?

Всё ли ты о Закире, зефир, сообщил?
Ей — луне величавой в собраньи светил?
Неужели в ней жалости не пробудил?
Всё ли ты ей сказал? — Что она отвечала?

* * *

На дорогу я взор устремляю с тоской,
Нет вестей от любимой моей, увы.
Горе треплет меня беспощадной рукой,
И поддержки мне нет от друзей, увы.

В жажде смерти моей так судьба моя зла,
Одинокому тяжек удар, увы...
В буйном пламени страсти сгораю дотла,
Не сравнится со мной семендар, увы.

Были чувства едины и думы — одни,
Меж людей был могуч я, как хан, — увы.
Только коротки были счастливые дни, —
Торжествует завистников стан, увы.

В постоянство красавицы верить нельзя, —
Ей и совести казнь не страшна, увы.
«Не надейся, мой друг, не навек мы друзья», —
Мне не раз говорила она, увы...

Я, Закир, я тоскую теперь соловьем,
Излечить меня врач не сумел, увы.
О соперник, как счастлив ты в царстве моем!
Лишь печаль мне осталась в удел, увы.

* * *

О жестокая, меня ты извела!
Столько горя разве вынесу один?
Разве сделал я тебе хоть каплю зла?
Разве мыслимо сердиться без причин?

В зное глаз твоих нарцисс увял весной,
Губы алые пьянят сильней вина,
Сам жасмин тебе не равен белизной,
Роза свежая от зависти бледна!

Тяжко мне на ложе горестном моем,
Не дано познать болезнь мою врачу...
Если слезы перешлю я ей письмом, —
От любимой исцеленье получу?

Чуть земли она касается, легка,
Край платка алеет утренней зарей,
Строен стан ее и грудь так высока, —
Нет нигде такой красавицы второй!

Пусть же верность будет в дружбе с красотой,
Никогда не верь хуле клеветников,
Ни на миг не забывай меня, я — твой,
Я, Закир, тебя одевший в жемчуг слов!

* * *

В цветенье роз, весной благоуханной
Блажен, кто с милой неразлучен был;
Его звезда сияет неустанно,
Его аллах счастливцем сотворил.

Вокруг тебя хочу кружиться снова...
Пусть гость — гяур, он всё же человек!
Не будь к скитальцу, милая, сурова,
Он сердце подарил тебе навек.

Не верь словам завистливых товарок:
Рассорить вас пытаются они.
А то, что он принес тебе в подарок, —
Как талисман, красавица, храни.

Смотри, какой он тихий и смиренный,
Во всем покорный слову твоему.
Подобного ему во всей вселенной
Не отыскать, — доверься же ему!

Закир был горд, но ныне сломлен страстью
И молит он, превозмогая боль:
Плох иль хорош я, горе или счастье
Я принесу, — с тобой мне быть позволь!

* * *

К любимой постучался бы я в двери,
Я сердце обнажил бы перед ней...
Не до меня, забытого, теперь ей, —
Толпа влюбленных у ее дверей.

О ветер утра, мчись к ее порогу,
Скажи: я гибну, пусть спасет меня!
Иначе в судный день явлюсь я к богу,
В злодействах тяжких милую виня!

Я ввергнут в ад волос твоих волною,
Бессонны ночи скорбные мои...
Какой, скажите, силою земною
Могу быть вырван из зубов змеи?

День ото дня терзаешь всё суровей,
Не устаешь, твой нрав всё так же лют,
В твоих глазах прекрасных жажда крови,
Твой лук натянут, в сердце стрелы бьют.

Нет для Закира ни друзей, ни крова,
Утратил он все радости давно.
С тех пор, как он навек к тебе прикован,
С великой болью слился он в одно.

* * *

Проходит жизнь, а мне всё нет пощады,
Теряю счет жестоким дням моим.
С любым — взгляни! — возлюбленная рядом,
Лишь я один разлукою томим.

Весенним днем всем людям счастье светит,
Лишь я один печали не избег...
Твой аромат доносит утром ветер,
И благодарен ветру я навек.

Увидя розу, соловей ликует.
Тучнеет колос, и жасмин в цвету.
Зачем ты мне дала тоску такую
И обрекла меня на пустоту?

Там, в цветнике, звенят любви фиалы,
Я ж одинок... Не сжалишься ли вдруг?
Известно людям мук моих немало,
Но сколько в сердце скрыто тайных мук!

Как без тебя больное сердце ноет!
Я жду тебя, но весть я богу шлю...
Я — твой Закир, униженный тобою,
И в судный день увижу казнь твою.

* * *

Встань, о встань, приосанься, как солнце блесни,
Красотою своей всех красавиц губя!
Пусть, забывшись, все пальцы изрежут они,
Если чистят плоды и глядят на тебя.

Кто взглянул невзначай — тотчас пойман любой:
Сеть кудрей твоих дивных крепка и нежна.
Если вдоволь не дашь любоваться собой,
От недуга влюбленному смерть суждена!

В три погибели согнут я горем своим,
Схож с опавшей листвой желтизною лица...
Как поведать тебе, что я таю, как дым,
Если нет в этот час под рукою гонца?

Знай, красавиц, несущих мученье сердцам,
Проклинают всю жизнь, до могильной плиты.
Снизойди же, прислушайся к страстным мольбам,
Милосердье — оправа твоей красоты.

Где же верность твоя, клятвы с глазу на глаз?
Не устала ль терзать, бессердечно губя?
Стон Закира уж самое небо потряс!
Неужели всё это не тронет тебя?

* * *

С нами ссорится неверная опять,
Отвернулась от меня она давно.
Злых соперников злословию внимать
Неужели милой вечно суждено?

Если милости лишает властелин,
Если гибель ждет в изгнании раба,
Если должен он всегда страдать один, —
Смерть мгновенная не лучшая ль судьба?

Говорят, я должен завтра ждать ее...
От волненья и стыда сойду с ума:
Тело, что ли, подарю я ей мое,
Тело жалкое, как жизнь моя сама?

Ты с другими веселишься и поешь,
Всё забыла, что шептала мне, любя...
Хоть мученья, не щадя меня, умножь,
Буду счастлив принимать их от тебя!

Не скажу тебе: развей мою печаль,
Слей с моими и желания и дни.
Только сердце обогрей хоть невзначай,
Только в памяти Закира сохрани.

* * *

Всесильным богом послан этот случай, —
Любимая, пробил свиданья час.
Лови мгновенье, обними, не мучай,
Для грустных слов нет времени у нас!

Прочь диадему, — нам она некстати,
И бусы брось, — пускай порвется нить!
И шаль откинь, и пояса объятья
Моими не пора ли заменить?

Скрывать лицо от милого не надо,
Кому нужна подобная игра?
Не отдаляйся, сядь со мною рядом,
Дай руку мне, пришла любви пора.

Рабы всегда виновны, о царица!
Но ты пойми, а после — хоть убей...
Надежды нет, что случай повторится.
Ночь за окном. Не медли, будь моей!

Всем жертвую бровей твоих излому,
Рад мотыльком вокруг тебя порхать...
Ударь челом, Закир, и по-пустому
Минуты драгоценные не трать!

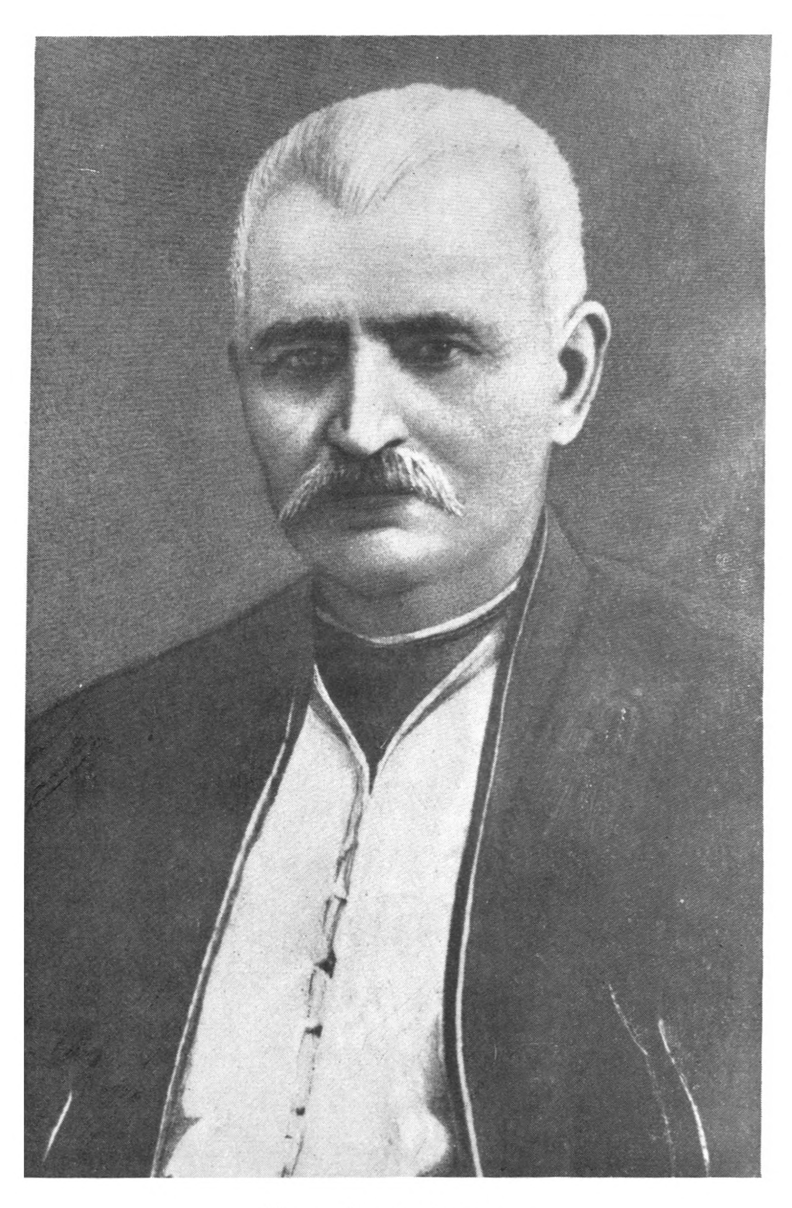
* * *

Ветер утренний, скажи мне: что охвачен я печалью,
Ты сказал моей богине? Что ответила она?
Той, чья грудь белее снега, вздохи ветра передали,
Что мой стон небес не минет? Что ответила она?

Пав к ногам ее, сказал ли ей, бездушной, но любимой,
Что я выразить не смею, как любовь моя сильна?
Что с лица сошел румянец от тоски необоримой,
Что оно айвы желтее? Что ответила она?

Мирза Шафи Вазех

Мирза Фатали Ахундов

Ты в глазах ее прекрасных не прочел ли состраданья,
Не заметил сожаленья о рабе, чья жизнь мрачна?
Как томится жаждой сердце, как горю в огне желанья,
Рассказал ли ты, о ветер? Что ответила она?

Что любовь меня сковала, осудила так сурово,
Что спасенье от жестокой принесет лишь смерть одна,
Что страдать устало сердце, что к постели я прикован, —
Ты поведал ясноокой? Что ответила она?

Ей, крылатой деве счастья, ей, властительнице мира,
Пред которой, отступая, меркнут солнце и луна,
Ей, царице всех красавиц, о мучениях Закира
Рассказал ли ты, рыдая? Что ж ответила она?

* * *

О ты, чьи губы роз благоуханней,
Прости, когда скажу тебе в укор:
Созрела ты для неги и желаний,
Так не вступай с чужими в разговор.

Затмить хотела б злобная фортуна
Твое сиянье месяца лучом,
Но, состязаясь с красотою юной,
Лишь хмурится в бессилии пустом.

В тебе источник неги небывалой,
Соперниц нет, завиден твой удел.
Когда б заря бутон не раскрывала,
Как при тебе раскрыться б он посмел?

Твое запястье белое сжимая,
Браслеты шутят и играют с ним...
Прекраснейшая гурия из рая
Сравнится ль с этим ангелом земным?

Закир безумцем стал пред самой нежной,
Необычайной чистой красотой!
Не одинок я в страсти безнадежной, —
Весь Карабах склонен перед тобой!

* * *

Ланит ее розы струят аромат,
Точат ее кудри и амбру и мед.
Влюбленному раем покажется ад,
Но кто же в безумьи его упрекнет?

Коварны разбойничьи дуги бровей, —
Аллах да хранит их на все времена!
Вина искрометного очи хмельней,
Кто в них загляделся, тот пьян без вина.

Испить одиночества яд нелегко,
По силам ли горькая чаша обид?
Я в сердце печаль схоронил глубоко, —
Обломков былого нам тягостен вид.

Играет она то одним, то другим,
Лишила их памяти, ум отняла;
Покоя не даст она жертвам своим...
Ужель красота — порождение зла?

Внемли же Закиру, царица любви:
Дойти моим стонам до звезд не давай!
Когда я виновен, — скорей умертви,
Но что тебе в муках моих, отвечай?

* * *

Конец разлуке, к счастью приготовься,
Не упрекай, любимая, поверь:
Виновен я, ты не виновна вовсе,
Нет времени грехи считать теперь!

Нужны ли нынче горькие слова нам?
Да будут сладки сочетанья слов!
Не прикасайся к незажившим ранам, —
Ну время ли сейчас для пустяков?

Свои уста с твоими слить, ликуя, —
О, эта сладость двум мирам равна!
Открой же грудь навстречу поцелуям,
Не время ждать, не будь же холодна!

Пока соседи не собрались тучей,
Пока не видно любопытных глаз,
Пока нам покровительствует случай, —
Иди ко мне, не время ждать сейчас!

Нам на двоих одной рубашки хватит
И не поймет никто, что мы — вдвоем.
Закир — твой гость; сомкнем тесней объятья,
Не время думать о пережитом!

* * *

Возможно ли, чтобы весной с влюбленным
Любимая была разлучена?
Чтоб, волю дав рыданиям и стонам,
Метался он, не зная, где она?

Она ушла, и пусто всё повсюду.
К чему забавы, дружба и дела?
Да сгинет мир! — я горевать не буду, —
Была б со мной любимая мила!

О сердце, обожди, не рвись на части!
Послал я ветер по ее следам,
Всю землю облетев, быть может счастье
Ее привета он доставит нам.

Судьба меня лишила лицезренья
Прекрасных черт, но об одном молю:
Пришли гонца, — хотя бы на мгновенье
Его речами жажду утолю!

Теснит меня безжалостное горе;
Коль поспешишь — вновь раб твой верный я...
Но всё боюсь, что ты услышишь вскоре:
Закир скончался, бог тебе судья!

* * *

Оттуда, где милая, вестников нет,
А так бы хотелось узнать обо всем:
С кем время проводит, кто счастьем согрет,
Кто нынче любуется светлым лицом?

Крылатых бровей восхитителен взмах,
Пленяют нас локоны черной волной...
Впросак я попался в любовных делах:
Все люди у ног ее вместе со мной!

Горю, как свеча, я всю ночь напролет, —
Как низкую участь, отринул покой...
Я плавал в слезах, я стенал у ворот, —
Она не спросила: да кто ж он такой?

Я долго скрывал свою страсть; никогда
Не выронил слова, хоть не было сил...
Ужели в признаньи таилась беда?
Но кто же от милой любовь утаил?

Дробивший скалу был надеждой согрет,
И Кейс вдохновлялся любовью Лейли...
Пристанище каждый находит, но нет
Бездомней Закира в просторах земли.

* * *

Ветер утренний, возлюбленной шепни:
Все красавицы гуляют, — пусть придет!
Если хочет веселиться в эти дни,
С нами чарку осушая, — пусть придет!

В косах блестки, в перстнях белая рука,
Стая пуговичек золотом цветет,
Пусть, одета в многоцветные шелка,
Легкой поступью любимая придет!

Пусть склоняются фиалки перед ней,
Пусть нарциссы красотой своей убьет,
Пусть прикажет, если должен соловей
Лишь о ней грустить ночами, — пусть придет!

Кудри черные на плечи ей легли,
Нежной грации учителем слывет...
Серной, видящей охотника вдали
И трепещущей пугливо, — пусть придет!

Пусть сурьмою брови вычернит свои, —
Счастье быть ее слугой меня пленит...
Если может мотылек в огне любви,
Как Закир, сгорать всечасно, — пусть летит!

* * *

К сердцу милой не найти уже дорог,
Всё надменное молчанье пресекло...
Смерть явилась бы скорее на порог,
Рассчиталась бы с судьбой, творящей зло!

Обладает верой истинной лишь тот,
Кто изгиб ее бровей обожествил...
Пусть отшельник сотню лет поклоны бьет, —
Тщетен труд его и зря истрачен пыл!

В теле высохшем душа еще жива,
Но с начертанным всё тягостней борьба...
О, скажите ей: ужели ты права,
Отвергая безответного раба?

Блеск очей ее увидит он на миг
И от гибели не спрячется в кусты!
Что Кааба для того, кто видел лик
Совершеннейшей, священной красоты?

В бездну горя бессердечной погружен,
Пав к ногам ее, Закир на днях умрет...
Пусть преступнице в созвездье нежных жен
Стыд мучительный дорогу пресечет!

* * *

О любимая, со мной в разлуке ты!
В нетерпении томлюсь я день за днем.
Ты — слова мои, и мысли, и мечты,
Я не в силах и помыслить об ином.

Зло содеял мне огонь очей твоих,
Но свидетеля нигде я не найду...
Не оправдывай, возлюбленная, их:
Твоему же оставляю их суду!

Всё по нраву мне в характере твоем,
Речь сладка, и все поступки хороши...
Сам винюсь я пред тобою со стыдом,
Что не отдал я тебе своей души.

Ранним утром кудри милой не развей,
Новой боли не неси мне, ветерок!
Может быть, еще коснусь ее кудрей, —
Всё же сердце я оставил ей в залог.

Не умея перед страстью устоять,
Вдаль Меджнун бежал, в горах исчез Фархад.
Той же мукою терзаемый опять,
Стал Закир сегодня стойким, как булат.

* * *

Она обещала прибыть на байрам,
Но год ожидания — жизни длинней!
Прильнуть бы к волнистым ее волосам
И, став гребешком, утонуть в них скорей!

Играет кокетливо черным платком,
Коснувшейся пола косой смоляной...
Узорный кушак, красотою влеком,
Вкруг тонкого стана обвился змеей.

Безудержен слез моих горький поток,
Несомый волнами, спасусь или нет?
Расставшись с тобою, — свидетелем бог! —
Я канул в пучину печалей и бед.

Усталое сердце мое, как дитя,
Всё клянчит о чем-нибудь: дай, не томи!
Мольбы его выслушай, пери, шутя:
Безумному легче, когда он с людьми.

С доверием детским на мир не гляди,
Равно и дары и угрозы презри.
Склонись головой к ее белой груди,
Познай свое счастье, Закир, и — умри.

* * *

О вы, кто танцует под звуки зурны,
Молю вас: она танцевать не должна!
Вдруг сыщется кто-нибудь с глазом дурным
И сглазит ее? Пусть не пляшет она!

Пусть смотрит надменно царица моя,
Как бьет у подножья людская волна.
Пусть знает, что тесной мне станет земля
И я задохнусь, если спляшет она!

Пускай красоту бережет от обид, —
И так она взорам толпы предана...
Вдруг ветер ей в танце лицо обнажит,
Отбросив чадру? Пусть не пляшет она!

Но если уж танец так властно влечет,
Пусть в полночь глухую попляшет одна...

А солнечный зной, испаренья болот —
Смертельны... Пусть днем не танцует она!

Пусть пляшут невесты, пусть пляшет весь мир,
Пусть все легконогие пляшут без сна,
И пусть толстокожие пляшут, Закир,
А та пусть не пляшет, чья грудь так нежна!

* * *

Мне сказали, что гулянье началось. Я быстро вышел,
Я искал в толпе красавиц ту, что всех с ума свела,
Я метался, как безумный: где она? И я услышал:
Та, что твой украла разум, на гулянье не пришла.

Если вдруг весна развеет злые зимние бураны,
Не найдет больное сердце ни покоя, ни тепла.
Миллион врачей сойдется, — не мои лечить им раны:
Та, чьей властью обречен я на страданья, —
не пришла!

Красоты земной царица, та, что всех стройнее станом,
На дымящуюся рану мне бальзам не пролила...
Словно кровь, из глаз усталых льются слезы
непрестанно:
Та, чей взгляд стрелой крылатой ранил сердце, —
не пришла.

На лицо ее спустилась прядь волос, чернее ночи,
А глаза она сурьмою нам на горе подвела.
Примирись с бедою, сердце! Та, чьи нас дурманят очи,
Та, чьи локоны, как змеи, вьются в кольца, —
не пришла.

Только всё же, если пери и не мыслит о Закире,
Почему, когда явился к ней влюбленных легион,
Та, чьи очи всех светлее, та, что всех вернее в мире,
Не сдержав себя, спросила у пришедших: где же он?

* * *

Она не шла. Я умер, ожидая.
Теперь идти не надо никуда.
Болтавшая: он ждет меня, рыдая! —
Пусть больше не является сюда.

Пусть слезы льет, но так, чтоб непогода
Меня не беспокоила ничуть.
Пусть в трауре гуляет, но прихода
Ее не жду и не хочу отнюдь.

Пусть по чужим не мечется подворьям,
Не рвет ногтями бархата ланит,
Не обнажает голову и горем
Со мной делиться вовсе не спешит.

У той, что любит, о далеком милом
Тоскует сердце, чувствуя беду.
А мне судьба — терпеть, пока по силам...
Пусть не приходит. Я ее не жду.

И впрямь умрет Закир, сраженный роком!
О, ветерок! Шепни обиняком:
Пусть посетит могилу ненароком.
Но не при людях. Пусть придет тайком.

* * *

Неверная, иди своей дорогой,
Моих смятений ты замкнула круг.
Любить других, а после недотрогой
Прикидываться, — хватит, милый друг!

Достаточно, я больше не тоскую.
Безжалостно, с утра и до утра,
Ты жизнь мою, как свечку восковую,
Бездумно жгла! Теперь кончать пора!

То ссорится, то ластится и снова —
Наперекор, навыворот, вверх дном,
За словом шлет язвительное слово,
Бьет по коленям, — надоел содом!

От мук отрекшись, счастье гоним сами.
Мне с ней не быть, доколе не умру.
На сердце одиночество как камень
Пусть ляжет, но пора кончать игру!

Но путь не закрывай для отступленья,
Ветрам не отдавай любовных слов,
Не мучь Закира, кончилось терпенье,
Довольно на душе твоей грехов.

* * *

Красоток — тьма, красавица — одна.
Легко ее от прочих отличим:
С любимым — нежной быть она должна,
Холодной быть к соперникам любым.

Должна быть телом чище хрусталя,
Высокой грудью — мрамора белей,
Осанкою — унизить тополя,
Всех покоряя грацией своей.

Ее волос волшебен аромат,
Чадру откинет — меркнет блеск луны,
Два слова молвит — и бедняк богат,
Ее словам, что лалам, — нет цены!

Она должна то плакать, как дитя,
То нежностью безмерной чаровать,
Любимому быть верной и — шутя,
Заставить всех от страсти трепетать.

Как всё на свете скверно, о Закир!
Всё, чем владеешь, — лишь источник бед.
Блажен, кто в этом хаосе не сир,
Кто ласками прекраснейшей согрет.

* * *

О сердце, не затягивай осаду,
Красавицы не помнят слов своих!
Повергнув милых в трепет и досаду,
Они веселья ищут у чужих.

Все мысли — к той, что, как Лейли, прекрасна!
Меджнуном рыщу в поисках любви...
Сама усталость надо мной не властна,
В моих мечтах лишь локоны твои.

Давно брожу у твоего порога,
Но сил хватает только для нытья...
«Где верный сторож моего чертога?» —
Спросила бы, к бедняге снизойдя!

За ночью ночь — невыносимы муки,
День ото дня страдания сильней;
Нет сил для встречи, нет и для разлуки,
И нет лекарств от немощи моей.

Закиру не сдержать потока жалоб, —
Ты слышишь ли, о ты, что так стройна?
Когда Фархад долбил киркою скалы, —
Ширин вставала из объятий сна!

* * *

Ах, утренний ветер, как можно скорей
Поведай любимой о горе моем!
Лаская атласные волны кудрей,
Шепни ей, как мучаюсь ночью и днем.

Тоски и недуга смертельна печать,
Аллаха молю — ниспослал бы конец...
Черкнуть ей письмо — не умеет читать,
А как мои муки опишет гонец?

Пусть злобный соперник в неведенья спит, —
Не стал бы смеяться над милой, боюсь!
Боюсь, не поблекли бы розы ланит,
Коль с милой страданьем своим поделюсь.

Надвинулось облако бед грозовых,
Не сохнут глаза мои ночь напролет.
Никто не опишет мучений моих:
Их пламя перо и бумагу сожжет.

Чем рок беспощадный Закир прогневил,
Что нет исполненья заветным мечтам,
Что сколько ни бился и как ни молил, —
От горя не найден целебный бальзам?

* * *

Любимая, покончено с зимою!
Встань, погуляй, веселья час пробил!
Пускай, твоей любуясь красотою,
Все шепчутся: скажите, кто ей мил?

Пора всю ночь пылать в огне желаний,
Пора отбросить горести свои,
Не надо ссор, — пришла пора свиданий,
Не прячь лицо на празднике любви!

О смерть, я знаю, ты неотвратима,
Но не ищи души моей, — она
Для соколиных глаз моей любимой
Добычей вечной быть обречена.

Любого, кто зайдет в твои чертоги,
Опутывает локонов кольцо.

Твое лицо — предмет мечтаний многих —
Прекраснейшего хищника лицо.

Прошу вас, люди, пусть меня зароют
Тут, у дороги, чтоб могла порой
Красавица промолвить со слезою:
«Закир-бедняга здесь нашел покой».

ГЕРАЙЛЫ

* * *

Роза сердца, дай мне ответ,
О моей поведай вине!
На меня кто-то злой навет
Нашептал тебе в тишине.

В башню горя я заточен,
Горький узник своей любви, —
Утешения нет ни в чем. . .
Призови меня, позови!

Ты газельим взором своим
В пропасть мук столкнула меня,
Я вздыхаю, тоской томим,
Я рыдаю, судьбу кляня.

Скоро стану от горя сед,
И в дугу согнется спина. . .
Как, жестокая, дам ответ,
Если спросят, чья в том вина!

Я не в силах больше страдать,
С каждым часом сердцу больней.
Люди добрые, дайте знать
Обо мне любимой моей!

* * *

О любимая! Приговор твой жесток!
Ты нежнее была когда-то.
А она в ответ: «Сгорел мотылек,
Но свеча ведь не виновата».

О любимая! Ласковей будь, нежней, —
Умоляю тебя я слезно.
Ты убьешь меня холодностью своей,
Пожалеешь — да будет поздно.

Отдал сердце тебе я навек, навек —
И погублен одним ударом...
«Видно, разум свой потерял человек», —
Говорят обо мне недаром.

Убегай от меня, от моих тревог, —
Пред холодной бессильны слезы;
Не подует утренний ветерок —
Лепестки не падают с розы.

Я к врачу пошел: «Всё сердце горит,
Исцели от ее коварства!»
«Ах, от этой болезни, — врач говорит, —
Ты, Закир, не найдешь лекарства».

* * *

Рок, обычай твой столь жесток!
Разлучил ты влюбленных, рок!
Испугал бы тебя мой стон,
Если б стоны ты слышать мог!

О, силки душистых волос,
Сколько вы причинили слез!
Волоском одним оплетен,
Я утратил покой и сон.

Коль умру от разлуки злой,
Пусть рука торчит над землей,
Чтобы люди понять могли:
Здесь влюбленного погребли.

Если ж мимо пройдет она
И заплачет, грусти полна, —
Люди, люди, тело мое
Уберите с пути ее!

Жизнь пуста, пришла нищета,
Я судьбою опустошен, —
Из-за девушки, чьи уста
Будто розы алой бутон.

* * *

Друзья не шлют мне свой привет —
Уже давно к ним нет дорог,
Известий нет и писем нет,
Живу забыт и одинок.

Хочу я милой написать,
Намеки все она поймет,
«Приду», — ответит мне опять —
И уж конечно не придет!

О, как гневна она порой!
Спросить боюсь я: почему?
Припомнив облик дорогой,
Сердечной боли не уйму...

Не раз я спрашивал о ней —
Одно лишь слышал я в ответ:
«Ты от нее не жди вестей,
Красавиц верных в мире нет!»

Мечтает о любви Закир,
Он в сердце милую хранит,
Скорей перевернется мир,
Чем он ей горе причинит!

* * *

С трудом я выпестовал сад,
В него вложил немало сил.
Шипам колючим — сам не рад —
Хранить цветы я поручил.

Вблизи любимой, о друзья,
Пусть похоронен буду я.
Зачем, соперник мой, змея,
Ее тебе я поручил!

Лишь на себя могу пенять:
Я не посмел ее обнять...
Не зная, что и предпринять,
Ее врагу я поручил!

Я как несчастный мотылек —
Огонь любви меня обжег,
Я милой отдал всё, что мог:
Свое я сердце ей вручил!

Страдалец бедный, я пою
Про боль свою, про скорбь свою.
Пусть умер я, но соловью
Рыданья эти поручил!

ГАЗЕЛИ

* * *

Вспомню сладость губ твоих, сердце кровью обагрится,
К пожелтевшему лицу вдруг румянец возвратится.

С тонкостанной разлучен — стрелами бровей пронзен,
Я повержен, я согбен, я совсем готов сломиться.

Многоводна, глубока в мире есть Джейхун-река,
Слез поток из глаз моих мог бы с той рекой сравниться.

Истинно лишь тот страдал, кто при милой умирал,
А не тот, кто в степь бежал, как Меджнун, и вдаль
стремится.

О себе взомнила ты, о судьбе забыла ты,
При паденьи с высоты как бы больно не разбиться.

Я гонцу сказал: она — зла, грустна, разъярена...
Но гонцу ты не внимай, о красавиц всех царица!

Ветер утренний принес аромат твоих волос,
Грусть влюбленного прошла, образ милый сердцу
снится.

Никогда Закир такой стройной не владел строкой,
В стройный стан влюбился твой, стройно строчки
стали литься.

* * *

И печаль, и терзанья, и муки от любимой сносить буду
рад,
Грудь захочет пронзить мне кинжалом, храбрость
я проявить буду рад.

Если милая будет собакам хлеб и кости бросать
со стола,
И притом и меня не забудет хоть куском наделить, —
буду рад.

Я не так надоедлив, как солнце, чтоб заглядывать к ней
каждый день,
Хоть на стены взглянуть в отдаленьи, дверь не смея
открыть, — буду рад.

Если каждый влюбленный на свете ждет внимания
милой своей,
Я хоть мельком взглянуть на ресницы глаз, способных
убить, — буду рад.

Если б даже любовь ее стала для меня словно
пламенный ад,
Ее темные кудри лаская, свое сердце спалить буду рад.

Оттого лишь, что косы как жала скорпионов и змей
у нее,
Дать в гробу скорпионам и змеям свое тело язвить
буду рад.

Если сильное, яркое пламя будет нужно любимой моей,
Я сгореть мотыльком легкокрылым, чтоб ее осветить,
буду рад.

Пусть вокруг надо мною смеются и соперники рады
шутить,
Для нее я всё зло, все обиды сердцем бедным сносить
буду рад.

Гнев на милость меняют бессчетно те, кто любят и знают
ответ,
Я же, бедный Закир, от любимой даже гнев заслужить
буду рад.

* * *

Всё в мире поет, воздает песнопенья любви,
Один только я вижу лишь огорченья в любви.

И тело, и душу я отдал любимой своей,
Что требовать можно еще в подтвержденье любви?

Кровавые слезы глаза источают мои,
Затем чтоб пышнее казалось цветенье любви.

Эй, врач, убирайся, лишь губы любимой моей
Излечат меня и дадут исцеленье любви.

Мелодией флейты вчера проповедник-глупец
Хотел принести мне покой и забвенье любви.

О, я отказался б от чарки, да только судьба,
С любимой связав, не дает охлажденья любви.

Уют и покой мне приносит один лишь кабак —
Обитель красавиц, приют наслажденья, любви.

Спасет ли нас берег, отшельник? — Ведь даже Юнис
Проглочен был рыбой из моря волненья любви!

Ему ты рубашкой разорванной тело прикрой, —
Не всякому свойственно это горенье любви!

Я с Гейсом сравнил бы себя, да и он не умен —
Без Лейлы остался, не понял значенья любви.

В пустыне разлуки блуждает Закир, у него
Один проводник — испытавший веленья любви.

* * *

Наступила весна, весел, радостен будь,
Чарку в руки возьми, бренность жизни забудь.

Если скажет ханжа, что запретно вино,
Пусть поищет себе дурака где-нибудь!

Чтобы с другом своим посидеть в цветнике,
Ты бокалы скорей для вина раздобудь.

Будь готов услужить тонкостанной своей,
Не успеет саги бровью чуть намекнуть.

Себялюбец-аскет рад тебе не всегда,
Только с пери свободно вздохнет твоя грудь.

Скажет так проповедник, в талмуд заглянув:
— Искушенный покажет испытанный путь.

Будь достоин — напрасно в мечеть не ходи,
Чести больше, пожалуй, в кабак заглянуть.

Право слово, лишь споры да гвалт в медресе, —
Лучший храм поищи, чтобы спину не гнуть!

О Закир, кто любил, тот со славой ушел, —
Время зря не теряй ты и славу добудь.

ТЕДЖНИС

* * *

Моя ясноглазая, в долгой разлуке с тобою
Я словно поблек, и лицо мое бледность покрыла,
Ни ночью, ни днем не найти мне от боли покоя,
Ты пламенем страсти любовной меня опалила.

Надеясь на письма твои, я читать научился,
Зима мне приносит терзанья, а лето — мученья.
Так сжалься, — лишь жар твоих губ принесет исцеленье!
Разлука с тобой всё мое существо отравила.

Я думал, что в сердце твоем, необъятном как море,
Для сердца больного найду избавленье от горя.
Возьми меня за руку, гибну я в этом просторе, —
Я плыл, но борьба со стихией меня изнурила.

Не век ли разлука с тобою мне сердце терзает?
Черней твоих черных кудрей моя злая судьбина,

От горя, печали и муки душа изнывает,
Пусть жизнь позади, но она меня всё ж научила.

Закир, все года ты одно повторял только имя,
Его оросил ты обильно слезами своими.
Так где же она? Как узнать? Как найти к ней
дорогу?
Давно я ищу тебя, горе меня иссушило!

ТЕРДЖИ-БЕНД

1

Ты румяна и стройна, моя любимая,
Но со мной ты холодна, моя любимая.
Для меня, когда не вижу черных глаз твоих,
Жизнь, как локон твой, черна, моя любимая.
Умереть готов с досады, — у тебя ко мне
Недоверчивость одна, моя любимая.
Ночью каждой до утра свечой сгораю я,
Голова огня полна, моя любимая.
Поминутно я краснею, а в глазах моих —
Нет, не слезы, кровь видна, моя любимая.
Но боюсь к твоей обители направиться,
Чтобы боль излить до дна свою, любимая.
Увидав тебя, теряю веру, волю я
И желанья. Ты — виной тому, любимая.
Больше жить так силы нет, но на пути моем
К счастью всюду, как стена, стоит любимая.
Обнажи ты саблю, сделай дело доброе —
Муки ты прервать должна невыносимые.
О красавица, прелестна, но сурова ты,
Строгость эта ни к чему, будь нежной снова ты!

2

Хоть тебя и недостоин я, — слуга лишь твой,
Но годами, о царица, я дружу с тобой,
Охраняю у ворот твоих я твой покой,

При дворце твоем я прожил жизнь твоим слугой,
Долг мой в том, чтобы исполнить твой приказ любой,
Как бы зла ты ни была, доволен был судьбой.
Беспричинно ты обидела меня, и вот —
Я в пустыне, я хожу один в досаде злой.
Приходи, взгляни, как пленник я живу теперь,
Обреченный, я брожу один в стране чужой.
Даже тот, кто отступил от веры истинной,
Не заслуживает кары той и муки той.
Болен я, измучен я и изнурен вконец,
Ты сама созданье бога, ведь и я такой.
Сбила с ног меня жестокостью своею ты,
Дай же руку! Я несчастен, потерял покой,
Верен я тебе, как был, влюблен по-старому,
А притворство, хитрость, ложь, обман — удел не мой.
О красавица, прелестна, но сурова ты,
Строгость эта ни к чему, будь нежной снова ты.

3

Было время, когда ты со мной мила была,
Утешеньем мне от горя и от зла была.
Когда было грустно мне, — и ты печалилась,
Когда весел был — ты тоже весела была.
Надо честно говорить, для сердца бедного
Моего бальзамом долго ты одна была.
Я не знаю, что ж теперь с тобою сделалось, —
Стала ты меня чуждаться и совсем ушла.
Ты с чужими говорила, только стоило
Подойти ко мне, упорно ты нема была.
Повстречав меня, ты не хотела рта открыть.
А с другими на слова ты так щедра была.
Ведь ничем была ты раньше, свет очей моих,
Человеком стала, лишь когда меня нашла.
От меня уйдя, ты мой очаг разрушила,
Сброду всякому приблизиться к себе дала.
Ну опомнись, ты сама себя не ведаешь,
Для чего позора ищешь ты и ищешь зла.
О красавица, прелестна, но сурова ты,
Строгость эта ни к чему, будь нежной снова ты.

4

Быть бесстыдной не годится, ой, любимая!
Ты лица бутон чадрою скрой, любимая,
Не склонялось бы так низко солнце, если бы
Не блистала красотой, моя любимая.
Пусть тебе я надоел, так хоть бы выбрала
Друга с любящей душой, моя любимая!
Не дружи со сбродом всяким, сто раз, тысячу
Прочь гони их всех толпой, моя любимая.
А иначе честь утратишь, и никто тогда
Не захочет быть с тобой, моя любимая.
Как бы ни был вкусен плод, да кто позарится,
Если он внутри гнилой, моя любимая.
Не дружи, о свет очей моих, с невеждами,
С ними ждет конец плохой тебя, любимая.
Пусть легенда о тебе замрет, а то не справиться
Будет нам с молвой, моя любимая.
Будет поздно; я боюсь, коль и родителям
Станешь в тягость ты такой, моя любимая.
О красавица, прелестна, но сурова ты,
Строгость эта ни к чему, будь нежной снова ты!

5

Не теки в любую сторону водою ты,
Умной будь, о роза, будь горда собою ты.
Ведь известно: где нет правды, там нет истины.
Проку мало от такой любви, такой мечты.
Дорогая, три совета я тебе даю:
Первый — в обществе дурном не будь свечою ты,
Попадешь в дурное общество, скорей уйди,
Будешь там, следи всё время за собою ты.
Вот второй: когда ты замуж выйти вздумаешь,
Недостойного не выбери в герои ты.
Если даже и легко дружить с невеждою,
Будешь вечно плакать, став ему женою ты.
Третий — ты не забывай Закира бедного,
Не считай себя навек ему чужою ты.
Умный помнит постоянно друга верного,
Вспоминай об одиноком хоть порою ты.

Не свернет он никогда с дороги избранной,
Для него навеки сделалась мечтою ты.
О красавица, прелестна, но сурова ты,
Строгость эта ни к чему, будь нежной снова ты!

МУХАММЕС

* * *

Виночерпий, дай скорее полный до краев бокал.
Помни, рок подстерегает, как бы ты не опоздал.
Пусть бы пьяный — я о горе всем открыто рассказал...
Никогда таким печальным я и скрытным не бывал, —
Пышный слог жестокосердный мне язык, увы, сковал.

Долго я не видел милой с телом, серебра белей,
Сердце, счастья не познав, стонет от разлуки с ней,
Такова судьба любого, верного любви своей.
О красавицах жестоких есть легенды прежних дней...
Хоть бы осушив бокал, я тех дней не вспоминал!

Соглашусь, мой друг, охотно, — если можешь так решить, —
Ты возьми бокал скорее, долго ль нам осталось жить?
Знай, вино в мирах обоих может крепость покорить,
Верь, несчастный, правосудью нас нельзя не осудить.
Так напрасно не печалься, что б отшельник ни болтал!

Груз любви жестокосердной я всю жизнь ношу с собой,
День и ночь терплю мученья от нее в печали злой.
Что ковер я расстилаюсь к сердцу лишь ее одной, —
Ступит — жду — звезда удачи, чтобы стать моей судьбой,
Чтобы я глаза любимой луноликой повстречал.

Утром вижу, как с похмелья тянется к вину она,
А лицо ее милее только стало от вина.

Я сказал ей: хоть с друзьями посчитаться ты должна!
Безрассудная, и руки, и лицо твое как хна,
Ты ль влюбленного убила, что он кровью истекал?

Хочешь, так прости, пожалуй, хочешь — гневайся опять,
Но измученный любовью разве может уставать?
Увлеченный, не могу я губ нектара не искать,
Кровью плачу я: слезами, цвету щек твоих под стать!
Но багровый цвет лишь детям в праздники отрадой стал.

О, сто тысяч сожалений, я испепелен тоской,
Я погиб, но ангел нежный не пришел вернуть покой.
О святой отец, молиться над погибшим прок какой?
На Закировой могиле ты плиту укрась строкой:
«Был убит невинный взглядом той, кого любимой звал».

ХУРШИДБАНУ НАТАВАН ХАНУМ

Надежда страны, золотая луна,
Пусть света господь не лишит тебя!
И ночью и днем я молю об одном:
Пусть он от беды сохранит тебя!

Ты словно луна над горами ясна,
Прекрасная, ты будто ангел нежна,
Ты, как деревцо молодое, стройна, —
Пусть силами бог наградит тебя!

Господь Моисея вознес в небеса,
Даруются богом и тень и роса!
Для бедных творивший не раз чудеса,
От горя он пусть оградит тебя.

Усталость и боль овладели тобой,
Смириться возможно ль с бедою такой?
Пускай же Кевсера святою водой
Господь навсегда исцелит тебя!

Возможно ль хинин, хоть и лечит людей,
Сравнить с благотворною силой твоей?
Святые — и те склонены перед ней,
Пусть в горестях бог защитит тебя!

Еще никогда тот, кто зол и жесток,
В обители этой быть гостем не мог...
Средь тысяч красавиц, о нежный цветок,
Мгновенно мой взор отличит тебя!

Вершил твой родитель благие дела —
Ты лучших красавиц во всём превзошла!
Пусть льется вино! Будь опять весела!
Пусть радостью бог одарит тебя!

Но как я встревожен твоею судьбой:
Зачем не идет она в ногу с тобой?
Отец ревновал тебя к ветру порой —
Пусть жребий от слез оградит тебя!

Я хлеб твой отведал, сказать мне позволь:
Кто хлеба не ценит, не дружит с тем соль.
Так пусть не коснется души твоей боль,
Пусть бог бережет от обид тебя!

ДОРОГОМУ СЫНУ

Ты мне пишешь: чуть зарделся неба край —
Наше войско перешло через Дунай.
Дай господь царю победу, славу дай —
Он владыкой всемогущим должен быть.

Вред орлам не могут галки причинить,
Совы соколов не могут заменить,
Злобный недруг с нами в бой решил вступить,
Но сурово он наказан должен быть!

Здравомыслящий впросак не попадет.
Три врага у нас — их всех погибель ждет.
Тот, кто ныне против русских в бой идёт,
Чтобы выстоять, железным должен быть.

Разум турок затуманили мечты,
Но спасет ли их война от нищеты?
Солнце Англии нисходит с высоты, —
Жребий вражеский печальным должен быть.

Ну, а маленький Луи Наполеон? —
Участь деда своего разделит он,
Сам пошел сюда — терпи зато урон,
Твой разгром непоправимым должен быть!

Этот год жестокий войнами богат,
На Россию злобно хищники глядят,
Кызыл-баши богу молятся сидят,
Верный друг в бою испытан должен быть!

Вот отряды Карабаха рвутся в бой,
Трупы турок оставляя за собой.
Бросив пушки, удирает враг лихой,
Он в сраженье опрокинут должен быть!

Знаем мы: не такова держава Русь,
Чтобы мог ее обидеть жалкий трус,
Поразит она врагов, как Эшкабус, —
И удар ее смертельным должен быть.

Мать-Россия покровительствует нам,
Нас унизить не дает она врагам,
Не пускает их к родимым очагам,
Благодарен мусульманин должен быть!

Сокруши в бою коварного врага,
Смелым честь на поле брани дорога,
Верен будь своим властителям, слуга,
Ты бесстрашным и могучим должен быть!

Зять Али уже пошел отважно в бой.
Лето кончится — вернется он домой,
Принесет шинель французскую с собой —
У меня такой подарок должен быть!

Пусть бойцы являют доблести пример —
Дрогнет враг пред их решимостью, поверь,
В каждом жив Наджафкулу и Искандер,
Подвиг их в веках отмечен должен быть!

САТИРЫ

ПОСЛАНИЕ К МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВУ

(Отрывок)

Стыд шушинцы теряют: гуляют и пьют.
По дороге бесчестья шушинцы идут.
С мысли горькой меня мудрецы не собьют:
Ночь погибельная над землей, — гляди!

Вечереет. Бокалы с вином тяжелы,
И краснеет вино на губах у муллы.
Ты со смехом во время утренней мглы
На священный покров над муллой гляди!

Вот ваиз, поучающий нас давно:
«Не касайся того, что запрещено!»
Дома ест он свинину и хлещет вино.
На запреты без страха со мной гляди!

Зазывает к себе торгаш мужика.
Прицепится. Речь, словно мед, сладка,
А на четверть сукна не дорежет вершка.
Как дурачат людей пред тобой, — гляди!

Вот башмачник! Обшил воротник галуном
И звенит серебром за игорным столом;
Он с богатым уселся играть корчмарем.
Спесь и грязь у них за душой, — гляди!

Правнук богов, простерт он на голых камнях,
Он в таможне таскает тюки на плечах.
В бубен бьет — потешает народ в кабаках.
Был он беком, а стал он слугой, — гляди!

Как пройдут по базару с квартальным дарга,
У любого прохожего вспыхнет щека.
Пять рублей в карман ему бросит рука,
И на таксу — коль ты не слепой — гляди!

Ханский сын на шампур мужика надел
И последним добром бедняка овладел.
Тот, как щепка, высох и похудел.
Как замучен крестьянин агой, — гляди!

После того как бек утвердил
Власть, он должен ослабить железо удил.
Ну, а этот — людей еще туже сдавил.
Треск вокруг, и стенанья, и вой, — гляди!

Духовенство от бога теперь далеко;
Жмут и мучат. Народу от них нелегко.
Над чалмами сеидов и мулл высоко
Поднялся крестьянин простой, — гляди!

Вот муров! Если с жалобой ты, прервет
И навеки заткнет угрозами рот.
Он защитник злодеев, что грабят народ;
Он добычей живет воровской, — гляди!

КАЗИ

Всё сильнее год от году землю удивлял Кази;
И необходим народу, словно воздух, стал Кази.

Бог его единым махом без изъяна сотворил,
И, людей наполнив страхом, голову задрал Кази.

Надоедливый и злобный, всюду он совал свой нос.
Долго дурью бесподобной ближних забавлял Кази.

Как отточенная сабля, у него перо в руке.
С шейхами седыми храбро словом воевал Кази.

Уложил врага в могилу он дубиною своей.
Как Рустем великой силой, гневом набухал Кази.

И железо потекло бы, растопившись будто воск,
Если б внутреннюю злобу в сердце не сдержал Кази.

Аликулу с Абдурагимом тенью следуют за ним.
Повалить Эльбрус в долину в гневе угрожал Кази.

И Шушу не разорил бы озверевший град камней,
Если бы над нею милость вечно изливал Кази.

От несчастий им избавлен обездоленный народ.
Щедростью своей прославлен, как Сарданапал, Кази!

Словно росы, в Карабахе падают его дары;
Говорят, свои рубахи голым раздавал Кази.

Не ошибся я! Как видно, заплюет меня народ,
Ибо я тебя бесстыдно в песне восхвалял, Кази.

Если злато, утварь, сабли всей Шуши внести в твой дом,
Ты не роздал бы ни капли и не растерял, Кази.

Села от нужды стонали; ты в довольстве утопал.
Про народные печали ты не вспоминал, Кази.

Низость мне твоя известна, — не поверил бы тебе,
Если б святостью чудесно вдруг ты засиял, Кази.

От тебя укрыться негде разоряемым тобой;
Жаден ты, к какой бы секте ни принадлежал, Кази.

Ночью думал ты о звонком золоте и серебре,
А с утра за жеребенком в горы поскакал, Кази.

В месяц гибели имамов ты гулять ходил в Кайнак,
В день десятый мухаррема в Фенку забегал, Кази.

В благочестии законном ты обязан пребывать,
А не на коне холеном рыскать между скал, Кази!

Но, истратив мало денег, ибо холст подешевел,
Все чалмы без сожаленья дуракам раздал Кази.

Карабахцы! Придержите по дешевке эту бязь!
Как бы каждый третий житель сам муллой не стал,
Кази.

Светлым званием святого и отличием муллы
Ты бездельника любого щедро наделял, Кази.

Не был ты таким уж низким, и безжалостным, и злым
В дни, когда ты слишком близко к хану не стоял,
Кази.

Были в старину герои, воспевали их певцы;
А теперь, судьбы игрою, в их число попал Кази.

«Дуракам закон не писан», — ты промолвишь обо мне
И простишь меня за то, что я тебя ругал, Кази.

Мы Амираслану славу позже сложим... А теперь,
Над тобой чиня расправу, мой язык устал, Кази.

* * *

Выдь из тела, душа, чтоб избегнуть беды!
Что ни день, то закон пред тобой, о душа.
Начинается месяц, — и снова закон,
И обычай иной пред тобой, о душа!

Где стена между князем и батраком?
И осел хочет быть благородным конем.
Будь довольна бязью и грубым холстом,
Ты, стелившая шелк пред собой, о душа!

Так не лучше ль чужбина? Она впереди...
Сжав виски, убеги на чужбину, уйди!
И меня наготою семьи устыди,
Жен нарядных видавшая здесь, о душа!

На подруге моей и весной и зимой,
Словно жар, горел наряд дорогой...
Обнажись кипарисом под бурей ночной,
Потерявшая радость и честь, о душа!

Душный локон блуждал по любимым щекам,
По опущенным векам, блестящим бровям...
Опечалься ж теперь: не приблизится к нам
Всё в слезах и в пыли то лицо, о душа!

Хоть священен небесного света закон,
Но к нему я до старости не приучен.
Опечалься — и в память уйди, словно в сон,
Тщетно рвущая бедствий кольцо, о душа!

Голодай и постель за бесценок продай,
И без крова на голой земле засыпай,
Но сдержись, не скажи, будто нищий: «Подай!»
Ты, имевшая дождь золотых, о душа!

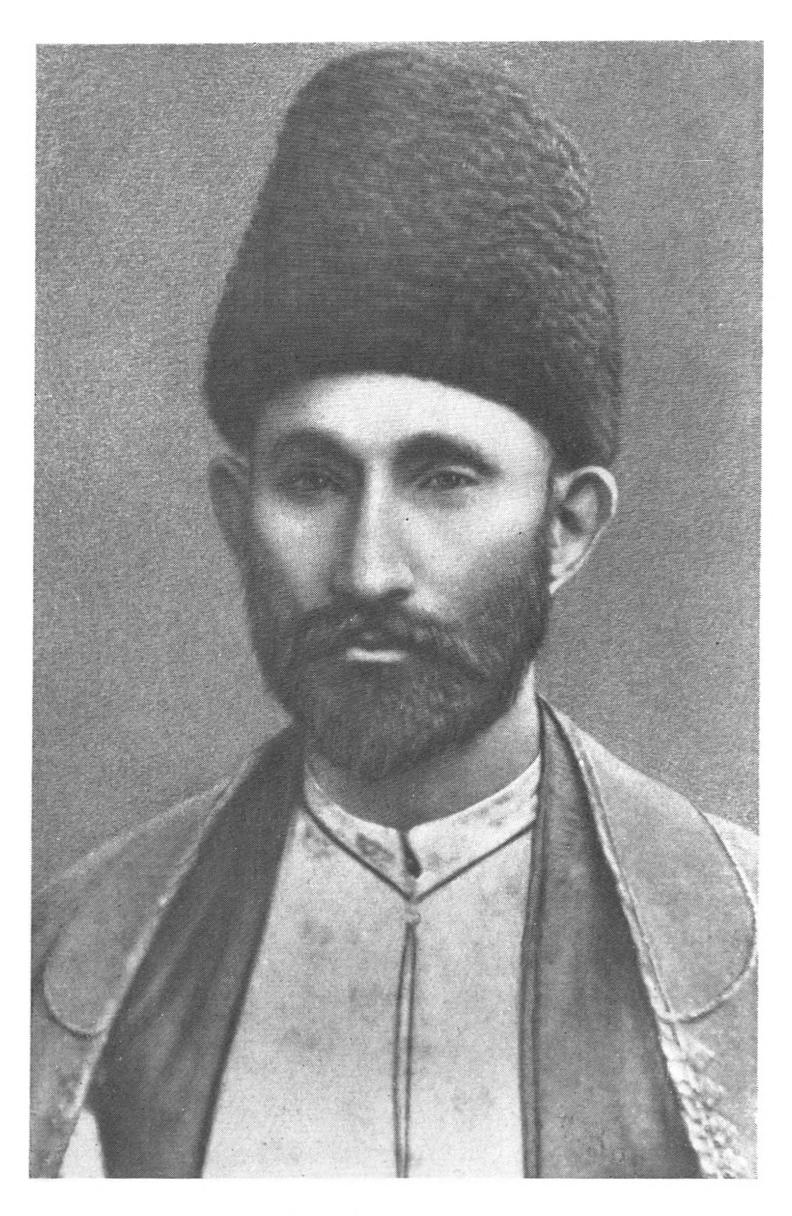
Чей же камень на голову нашу упал?
Где постыднее дело твой взор видал,
Чтобы тяжести я, как наемник, таскал
И носил бы ярмо, как мужик, о душа?

Пусть всё гибнет! Забросим добро, продадим!
Ложь враждебна делам и словам моим —
Мы бычачью кошму под себя подстелим,
Мы, ложившиеся на пух, о душа!

Мы когда-то конницу в битву вели,
А теперь волочимся в хвосте и в пыли...
Но могучие дни Карабаха прошли,
И мечи выпадают из рук, о душа!

Натаван Хуршидбану

Сеид Азим Ширвани

По десятку тагаров мы сеяли в день,
Золотую пшеницу, усатый ячмень;
Ныне ж — тока безмолвна угрюмая сень,
Праздны чаши пустые весов, о душа!

Мы на путь этот стали в погибельный час.
Ни назад, ни вперед нет дороги для нас!
Что же ты не порвешься, как струнный саз,
Потерявшая мир и кров, о душа!

Нас гоняют чинить размывы дорог,
И позор унижений тяжел и жесток.
Устели же бурьяном и пол и порог,
Ты, ходившая по коврам, о душа!

Человек не нашлет подобной беды...
«Помогите», — зовешь, изнывая, ты,
Видя этих неверных, чьи души пусты,
С ложным именем мусульман, о душа!

Ты ушел, повелитель, в дымку зари,
Ты ушел по высоким путям, спеша...
А со знахарем будет ли говорить
Аристотеля видевшая душа?

* * *

Меня кое-кто подстрекает стихи написать
О мире неверном, превратном, пустом, нездоровом.

Хотят, чтобы я, невзирая на сан и чины,
Отметил и ханов и беков сатирой суровой.

Что делать мне? Край наш запятнан и так осквернен,
Что грязи не смоют все воды Оммана большого!

Об этом стихи не писать не могу, но про всех
Не скажешь в сатире одной, столько в каждом дурного!

Один только выход: про каждого несколько слов,
Над Амирасланом сперва посмеяться сурово.

Ведь если Гянджу, и Шеки, и Ширван обойти, —
Еще подлеца не отыщешь, пожалуй, такого!

Но пусть подождет он, — о нем мы напишем в конце, —
Проделкам моллы мы сейчас посвятим свое слово.

Спаси нас, о боже! Отчизне несет дармоед
Одни беззакония, склоки, да это не ново!

Духовным лицом назовет себя всякий профан
И чушь излагает, не зная абджеда простого,

А люди ученые — будь то мюрид иль мюршид, —
Скитаясь по свету, тому лишь дивиться готовы.

Ведь все их дела — только деньги добыть да кумач,
Вся святость дешевле подчас пояска шерстяного.

Бог видит, что я за фальшивую набожность их
Карал бы, как вора за кражу карают, сурово!

Меж ними хоть несколько правил признал Усули,
Для шейха же нашего правила нет никакого!

Так наш Абдулла, не имея ни капли стыда,
Бубнит о творце, раскрывая нам суть рокового.

Различье должно быть меж тварью любой и творцом, —
Но, если вглядеться, различья не сыщешь большого.

Лишь имя пустое, присущее только творцу...
Будь проклят, о лжец, скрывший пузо сутаной дешевой!

Доколе же будут меж нами и богом — они?
Доколь еще в мире им замещать всеблагого?!

Доколе им быть адвокатами судного дня,
Доколе им ведать продажею райского крова?

Кому это нужно, чтоб был у творца компаньон,
Как мы подыскали имама, армяне — иного.

Возможно, могли б сговориться творцы меж собой?
Гляди, — управляющих сколько у царства земного!

Коль дело их — хлебом насущным людей оделять, —
Просили бы этим заняться вельможу любого.

В столь подлом лице должностном не нуждается бог, —
Зачем же к нему мы приставили городового?

И нет человека, который сказать бы им мог:
«Подумайте, грешники, вы оболгали святого!»

Они говорить еще смеют, что сам Гавриил
Пророку в уста дал Корана священное слово.

Когда это так, то любой из поэтов пророк —
По нескольку толстых томов мы найдем у любого.

Меж ними есть лучшие, — те, что стоят во главе:
Хафиз, Саади, Хагани и Джами, да из новых...

И я не пророк Кёлбасана, ниспосланный в мир,
Но чтит и меня населенье Таняга родного.

Уж лучше дорогу и веру другую избрать,
Чем путь мусульман — этот путь фарисейства пустого!

По правде, развратнейший шейх, даже сам Усули,
Ни на волос в нем человечного нет и живого!

Преступны, коварны и лживы святые отцы,
Бездельники все, интриганы, источники злого.

Пусть четки в сто зерен у всех у таких на руках,
Будь ночь то, будь день — только лгут они снова
и снова.

Один на другого клевещет да в суд подает,
Другие в свидетелях ходят один за другого.

Иной угощенье устроит, согрев самовар,
И всех соберет, предлагая чайку заварного.

Подкупит свидетелей сто за одну пиалу!
Так было, когда Али беку надели оковы.

Оглохший Джафар, не способный услышать зурну,
Сказал на суде, что всё слышал и понял толково!

Неделю спустя из Дизага явился другой,
В свидетели суд записал и лжеца присяжного.

Прослышали, видно: шииты не верят ему,
Гусейн Али хан брать «товара» не стал подкупного.

Судья городской, вместе с верным Наврузом-ага
Источник наживы тотчас же нашли себе новый.

Один из них — лгун, интриган, бакалейщик-подлец,
Другой — проституткой рожденный, преступник
махровый.

Кому эти двое бесстыдно долги подтвердят,
Живая вода не спасет от злодейства лихого.

Кто баню содержит — тот нужную сумму найдет,
Но если — валла! — оболгут человека простого, —

Что может тут сделать Нури иль другой адвокат,
Когда все тебризцы хитрее шайтана любого?

И, право ж, бессмысленно в этом Али упрекать,
Хоть он мамаганец, там больше нет плута такого.

Недаром пришлось ему так потерпеть от судьи:
Давно уже тайно один ненавидел другого.

Разбив бесшабашную жизнь, уготовил ему
Такие болезни, что средства от них — никакого!

Немедленно, за два часа, вынес он приговор,
Что тысячу двести туманов взыскать с такового!

Но следует всё же порядок в суде соблюдать:
Наказан один, значит, нужно карать и второго.

Молла не молла — этот раб живота своего!
Судья не судья, если гор не потребует плова.

Хоть я и являюсь поклонником старым его,
Дозволена истина, — в ней шариата основа.

От правды и след в этом мире неверном, пустом
Исчез и пропал... Да сгори он, сей мир бестолковый!

Хотел я стихи продолжать, только разум сказал:
Старик, не довольно ль с тебя рифмоплетства пустого?

Лишь Амираслана описывать — нужно тома!
Особой поэмы достоин преступник махровый!

Ах, если бы жил до сих пор несравненный Джами,
Какой бы сатирой хлестнул по примеру былого!

Где тот, кто меня вдохновеньем бы мог окрылить?
Жаль, стройный Баба уж под толщей земного
покрова.

Соратников нет, все ушли, я остался один,
И нет мне покоя под ветхим и временным кровом.

Увы, перед смертью не будет покоя душе,
Хозяин посмотрит на позднего гостя сурово.

О боже, ведь все мои дни в пустословьи прошли,
Прости ты бессильного грешника, старца больного!

Как смеет привратник Закира в эдем не пустить, —
Отворит все двери правдивое, верное слово!

О МУЛЛАХ

Жаль, тысячу раз жаль: какой провал опять!
Среди святых отцов, увы, скандал опять.

Вновь Шушу злобный рок жестоко покарал:
Оплот ислама весь по швам трещал опять.

Святыней для людей была еще мечеть,
Но местом драки храм сегодня стал опять...

Короткий срок прошел, и вновь нарушен мир:
Один другого шейх, как мог, лягал опять.

Кто мирно ел вчера из общего котла,
Сегодня кой-кого разоблачал опять.

На время замерев, воскресла сплетня вновь,
С базара на базар слух побежал опять.

Обетам не верны, и праздник не в чести:
Никто ворот в мечеть не открывал опять.

Кто радостно с утра направился в мечеть,
Печально брел домой, всё проклинал опять.

Охотник дичи ждет, насыпав ей зерна, —
Улова ждет мулла — мулла взалкал опять!

Союз рассекся вновь, как острие пера,
Упреки другу друг в посланьях слал опять.

Что миру может дать двухдневный договор?
Для новой брани мулл кто повод дал опять?

Но, видно, пошлость их в нас веры не убьет, —
Кто среди нас на них не уповал опять?

А если б среди них один достойный был,
Его б, сведя с ума, сброд заклевал опять...

Надеемся, что князь прикончит распри мулл,
Чтоб наш народ покой и мир снискал опять!

* * *

Закон подобный лишь убийц от кары охраняет,
А сирот он на нищету и голод обрекает.
Беда тебе, коли стучишь ты в двери бюрократа,
Пока ты жив, один ответ услышишь только: «Завтра!»

Он к вам суров, пока его не ублаготворите,
Получит взятку — всё равно решенья дел не ждите.
О, фокусников мастерство они прекрасно знают
И сразу выстрелом одним двух зайцев убивают!

Нет, в целом мире не найти мошенников подобных,
Таких преступных ловкачей, таких пройдох негодных.
Спаситель, мира властелин! Яви свою десницу, —
Ведь переполненный сосуд терпенья разлетится...

О боже, горя груз тяжел, и нет нигде спасенья,
Так подари мне лучше смерть иль научи терпенью.
Закир, Закир, всю жизнь свою провел ты за сатирой...
Эх, поговоркой у людей не стал бы стих Закира!

* * *

Пусть от жажды губы лопнут у тебя, — увы, ни капли
Не прольет на них чиновник до того, как ты дарами

Не смягчишь его. Наполни золотом его ладони,
Лишь тогда еще, быть может, он пошевелит руками.

Хоть и страшен ад, бесспорно, пламенем неугасимым,
Но страшнее жизнь поэтов, что скитаются годами.

Все бездушные чинуши лживы, алчны и жестоки, —
Не найти других подобных тварей меж людьми, меж нами.

Кто попал в их путы, вряд ли сможет вновь освободиться,
Не отстанут, всё не выпив, присосавшись пауками.

И не нужен ангел смерти, чтоб отнять живую душу,
Скажут: завтра... послезавтра... Можно ведь убить
словами.

БАСНИ

ЧЕРЕПАХА, ВОРОНА, КРЫСА И СЕРНА

Черепаха с Вороной и Крысой лесной
Подружились и зажили доброй семьей.

На поляне, цветущей и полной щедрот,
Жили долго друзья без забот и хлопот.

Лето, осень, зима — время быстро текло,
Но покой их нарушить ничто не могло.

Как-то вечер в гостях у них Серну застиг, —
И теперь стало четверо вместо троих.

На добычу они расходились с зарей,
Но к обеду всегда возвращались домой.

Кто кого повстречал и каков белый свет, —
Было темою их задушевных бесед.

Так и шло. Но однажды — беда забрела...
Место Серны осталось пустым у стола.

Неужели бедняжку, спаси ее бог,
Злой охотник схватил и с собой уволок?!

Обратились к Вороне — скорее взлети!
Может, что-нибудь ты и узнаешь в пути.

И Ворона летела, кричала «заг-заг»
И смотрела — да так, что рябило в глазах.

И узрела такое — видать, неспроста
Говорят, будто люди не знают стыда:

Легконогую Серну охотник скрутил
И под солнцем палящим оставил без сил.

О Ворона, крылами над Серной взмахни,
Пусть подругу в несчастье утешат они!

Полетела Ворона скорее домой.
Всполошились друзья. Все кричат вразнобой.

Крыса первая молвит средь криков и слез:
«Мне бы нашу бедняжку спасти удалось...

Если б силы хватило у крыльев твоих
И могла б ты на них унести нас двоих,

Я б разгрызла веревки на теле сестры,
Как известно, крысиные зубы остры».

Все решили, что мысли ее хороши,
И у всех словно камень свалился с души.

Толстовата Ворона, и Крыса — не пух,
Но Ворона неслась и неслась во весь дух.

Долетели, — а Серна уже чуть жива,
Еле дышит, поникла ее голова.

Крыса мертвою хваткой в веревку впилась...
Но откуда здесь вдруг Черепаха взялась?

Припадая, качаясь на тонких ногах, —
Не понять, как поспела она впопыхах.

Возмутились друзья, кто как мог голосил:
«Недотепа, растяпа, тебя кто просил?!

Надо думать вначале, а делать потом.
Проку нет от тебя, а в беду — попадем!

Ну как снова охотник вернется сюда, —
Мы сбежим, а тебя он возьмет без труда.

И придется нам голову снова ломать,
Как тебя вызволять, как тебе помогать?»

Черепаха ответила: «Бог вам судья,
Недостойны друзей ваши речи, друзья.

Не смирюсь, чтоб один задыхался в беде,
А другой был спокоен и дома сидел,

И товарища бросил средь горя и мук.
Даже друг бесполезный — он всё-таки друг.

Бог накажет того, кто остался глухим,
Кто несчастье других не считает своим.

Лишь бы друга беда обошла стороной!
А уж там всё равно мне, что будет со мной».

Этот спор не успели друзья разрешить,
Как увидели — снова охотник спешит.

Поневоле пришлось им немедля бежать,
Лишь одна черепаха осталась лежать.

Воротился охотник — не верит глазам:
Здесь он Серну оставил и крепко связал,

Но добыча исчезла, как будто смели,
Лишь огрызок веревки валялся в пыли.

Нет как нет! Всё пропало! Хоть лопни со зла!
(Между тем Черепаха ползла и ползла...)

Он метался по лесу, скитался средь скал,
Но ни зверя, ни птицы нигде не сыскал.

А она всё ползла... Он вернулся, взбешен,
Черепаху схватил и забросил в мешок.

И решив, что достаточно бед претерпел, —
Взял на спину мешок и побрел по тропе.

Шел усталый, как пес, замедляя шаги,
Ну, а в небе Ворона чертила круги.

Весть о друге домчали два черных крыла,
Вновь печаль, словно камень, на душу легла.

Но была наша Крыса умнее всех крыс.
«Серна, ты за охотника первой примись.

Притворись, что ты еле идешь, что хромá,
Он отбросит мешок, и пойдет кутерьма.

Будет рад, что теперь-то поймает легко,
Побежит за тобой и уйдет далеко.

Попетляй, чтоб подальше его унесло,
А уж дырка в мешке — то мое ремесло.

Как услышишь знакомое «заг» с вышины, —
Знай, что друг наш свободен и мы спасены.

Дай нам время, чтоб скрыться успели в глуши,
Ну, а там к месту встречи сама поспеши.

Как сказала — так вышло. Вернулись в свой дом,
И, веселые, зажили вновь вчетвером.

А теперь сделать вывод пора поскорей —
Для хороших друзей и для всяких друзей.

Если с другом твоим приключилась беда,
Ты не должен о нем забывать никогда.

Если друг твой в несчастье — ему помоги,
Не пугайся трудов и в кусты не беги.

Ты надменностью малых не смей обижать,
Даже слабого силу умей уважать.

Не хвались, что твой лес безопасен и пуст,
Даже если ты знаешь его наизусть.

И не зря одарил своей мудростью мир
Сладкогласный Саади, поэтов эмир:

«Не считай, что пусты все леса на земле,
Осмотрись, не таится ли где-нибудь лев».

ВЕРБЛЮД И ОСЕЛ

В старой книге рассказ прочитал я такой:
Из Панджаба купцы возвращались домой.

Много ценных товаров в далекий Иран
Днем и ночью без отдыха вез караван.

В караване том были Верблюд и Ишак,
С каждым шагом трудней становился их шаг.

Как бы плеть ни хлестала по тощим бокам,
Еле плелся Верблюд, не быстрей Ишака.

И дошло до того, что упали в пыли,
И легли, и подняться с земли не смогли.

И легла их поклажа на спины других,
И ушел караван, их оставив одних.

Отдохнули друзья, отдохнув, поднялись,
Добывать пропитанье себе принялись.

Благодатные пастбища в этом краю,
И вода как стекло, и трава как в раю.

Вволю ели и пили Верблюд и Ишак,
Никого не страшась, никуда не спеша.

Наслаждались покоем Ишак и Верблюд,
Позабыли про зло, позабыли про кнут.

До того округлился у каждого стан,
Что легко бы сравнился с горой Багриган.

Раздались, растолстели их шея и грудь,
Даже голову им тяжело повернуть.

Но однажды воскликнул Осел: «О, Верблюд!
Ты ведь знаешь, я музыку с детства люблю!

Мне мелодия вспомнилась нынче одна
И высокие брать захотелось тона.

Я с душою и пафосом как затяну —
Петь так петь, что есть сил! А потом — хоть ко дну!»

Но ответил Верблюд: «Что ты мелешь, глупец?
Иль недаром ослы твои дед и отец?!

Ты не знаешь людей, — лишь начнешь ты орать,
Вмиг отыщут тебя и навьючат опять.

Откажись от соблазна, не поздно пока!» —
Так достойный Верблюд поучал Ишака.

Но Ишак наставлениям мудрым не внял,
Но ослиные уши Ишак приподнял, —

Заорал что есть сил безрассудный Ишак...
Голос эхом запрыгал в окрестных горах.

И как раз караван в тех местах проходил,
Крик осла услыхал караванщик один.

И сыскали друзей среди ласковых трав,
И немедля уселись верхом, оседлав.

И навьючили ношей тяжелой, — и вот
Их плетьми, как и прежде, погнали вперед.

Без работы одрябли все мышцы Осла,
Под тяжелой поклажей он сник и ослаб.

И поклажа Осла на Верблюда легла,
И на гору тропа караван повела.

До вершины осталось еще с полпути,
Как Осел и совсем отказался идти.

Хоть тащить его тяжко, да бросить — вдвойне:
Ведь ослы, как известно, повсюду в цене!

Что же делать купцам в положенье таком?
Нагрузили Верблюда еще и Ослом.

И, взбираясь на гору, промолвил Верблюд:
«За упрямство Осла я невзгоды терплю...

Коль покой долгожданный ты в жизни обрел,
Умолял я тебя — не ори, как осел.

Я просил, не ори, — ты вопил, как в бреду!
Из-за этого вновь мы попали в беду.

Увильнул ты от ноши, что все мы несем,
Или в слуги тебе я нанялся, Осел?!

И за это, пожалуй, я не был бы строг,
Но ты даже без ноши тащиться не смог.

Говорят: коль наступишь на спину змеи —
Погибай, но других за собой не зови.

А теперь остается мне вот что сказать:
Пожелал ты запеть, я желаю сплясать.

Расступитесь и дайте простор плясуну!
Уж плясать так плясать! А потом — хоть
ко дну!»

Тут Осел возопил: «О, достойный Верблюд,
За ошибки ведь тоже не до смерти бьют.

Если младший ошибся, пусть старший простит, —
И такое пословица нам говорит».

Но Верблюд на обрывистой узкой тропе
Поднял ухо, ослиной не внявши мольбе,

И как начал плясать — и вот так, и вот так, —
И от пляски той в пропасть сорвался Ишак.

Он разбился о камни, зарылся в песок. . .
Ты извлек ли, о друг мой, отсюда урок?

С тем, кто старших не слушает мудрую речь,
Нам общение надо немедля пресечь.

Кто не помнит в беде про ближайших друзей,
Сам столкнется с изменою в жизни своей.

Коль умен ты, пред глупостью двери закрой,
А иначе спознаешься с горькой бедой.

И поэт, что превратность судеб испытал,
Не напрасно такие слова начертал:

«Куропатку, пока она петь не начнет,
Даже глаз соколиный вовек не найдет».

ЛИСА, ШАКАЛ И ЛЕВ

Некто мудрую басню однажды сложил:
Лев свирепый с Лисой и Шакалом дружил.

И одни у них были постель и родник,
И добычу делили всегда на троих.

Но однажды случилось — в теченье трех дней
Ускользала добыча из лап у друзей.

Лишь когда в небесах день четвертый потух,
Им достались — барашек, баран и петух.

Были все голодны, было всем невтерпеж,
Лев Шакалу сказал: «Начинай-ка дележ,

Подели, — и пусть каждый получит сполна,
Но смотри, чтоб дележ твой понравился нам».

Тот ответил: «Чтоб зла ни один не таил,
Поделю, как господь в небесах поделил.

Твой — баран, мой— барашек, сестрица Лиса —
Получай петуха и хвали небеса».

Только львам не по нраву такой разговор,
Лев тяжелую лапу над другом простер.

И удар на Шакала упал, как гроза,
Так и выпали наземь у друга глаза.

И тогда взор владыки — надменен и кос —
На Лису обратился, поджавшую хвост.

«На уменье твое я теперь погляжу,
Говорят, что способная ты к дележу».

И сказала Лиса: «Всем известно не зря,
Поручать неумелому дело нельзя.

Мысль такая успела меня осенить,
Царь природы сумеет ее оценить.

Мы барана царю на обед поднесем,
А барашка на ужин царю припасем.

А на завтрак царю и петух будет впрок,
Ну, а там — что гадать? Не оставит нас бог».

«Браво, — Лев закричал, — есть за что похвалить!
У кого научилась так ловко делить?»

«Научили меня — о великий, внемли! —
Очи друга, что мертвыми стынут в пыли.

ЛИСА И ВОЛК

Как-то слышал я басню: вечерней порой
Пробиралась Лисица лесною тропой.

Шла и шла, и увидела рядом: под куст —
Кем-то мяса положен отличнейший кус...

Присмотрелась: «Э, нет, тут опасность близка», —
Обошла стороной, не коснувшись куска.

Волк навстречу идет... Умилилась до слез:
«Как я рада, что встретиться нам довелось!»

Увлекла она Волка к заветной тропе,
Он коварное лакомство видит в траве.

«Или свет поумнел, иль схожу я с ума —
Не пойму, почему ты не съела сама».

«Не постилась я в пост, — отвечала Лиса, —
И теперь о прощеньи молю небеса».

Заиграло у волка в желудке пустом,
Он метнулся — да так и застрял под кустом!

Полоснуло железо по волчьим ногам,
Волк рванулся, — но поздно. Замкнулся капкан.

Как ни прыгал, ни бился, ни силился Волк,
Из капкана не вырвался — слег и замолк.

А Лиса, увидав, что опасности нет,
Со спокойной душой принялась за обед.

Тут несчастный провыл: «О лисица, постой,
Ты не слишком ли быстро простилась с постом?!»

— «Я постилась бы дольше, да вышла луна,
И теперь я свой праздник отметить должна».

И поверил ей снова бесхитростный зверь:
«А когда же мой праздник наступит теперь?»

— «Полагаю, твой тоже наступит черед, —
Лишь хозяин ловушки сюда подойдет».

Нехитра эта басня, но тем и умна,
Что для умных уроком послужит она.

Если ты через реку пускаешься вброд,
Не спеши — и промерь глубину наперед.

Легковерным не будь, осторожно ступай,
Всюду сыщутся лисы, чтоб скушать твой пай.

МИРЗА ШАФИ ВАЗЕХ

Мирза Шафи Вазех — одна из самых ярких фигур азербайджанской поэзии первой половины XIX столетия. Родился поэт в 1794 году в городе Гяндже (ныне Кировабад) в семье Кербалай Садыха, известного зодчего гянджинского властителя Джавад хана Зияд оглы.

С ранних лет Мирза Шафи под руководством отца учился в гянджинских медресе, изучал арабский и персидский языки. Отец будущего поэта готовил сына к духовному званию. Шафи еще обучался в медресе, когда из Тебриза вернулся на родину известный Гаджи Абдулла, человек замечательного ума и высокой нравственности, как пишет о нем ориенталист Адольф Берже. Это был интересный, яркий человек с передовыми взглядами на жизнь. Воспитанием юного Шафи занялся Гаджи Абдулла. Он оказал большое влияние на интеллектуальное развитие Мирза Шафи. Гаджи Абдулла вел открытую борьбу с предрассудками и суевериями, разоблачая многие религиозные догмы. Муллы и ахунды, ожесточившись против него и его проповедей, считая его противником ислама, отказались обучать юного Шафи в медресе. Мирза Шафи увлекся учением Гаджи Абдуллы и открыто примкнул к немногочисленным сторонникам гянджинского вольнодумца.

После прекращения учебы в медресе Мирза Шафи занялся самообразованием. Он внимательно изучил произведения азербайджанских и восточных классиков, ознакомился с русской литературой.

В тридцатых годах Мирза Шафи был уже известен как поэт и ученый. К этому времени относится его встреча с юным Мирза Фатали Ахундовым, сыгравшая значительную роль в жизни последнего. Уже тогда Мирза Шафи славился своими антиклерикальными стихами. Он выступал с критикой духовенства, разоблачал предрассудки и фанатизм, бичевал мулл, сановников, изуверов. Поэт долгое время подвергался тяжелым гонениям и преследованиям со стороны духовенства.

В сороковых годах Мирза Шафи был учителем азербайджанского и персидского языков в Тифлисском уездном училище, руководимом известным армянским писателем Хачатуром Абовяном. В Тифлисе Мирза Шафи организовал литературно-философский

«Кружок мудрости», в котором принимал участие и А. Бакиханов — известный мыслитель, ученый и поэт Азербайджана.

Одним из активных членов «Кружка мудрости» был немецкий поэт и путешественник Фридрих Боденштедт, приглашенный в Тифлис главнокомандующим Кавказа генералом Хейдтгартом. Фридрих Боденштедт часто встречался с Мирза Шафи, брал у него уроки азербайджанского и персидского языков, записывал стихи и песни Мирза Шафи и Бакиханова.

В 1851 году Боденштедт издал сборник переводов произведений Мирза Шафи на немецком языке под названием «Песни Мирза Шафи». Книга была переведена на многие европейские языки. Боденштедт, воспользовавшись успехом стихотворений, пошел на открытый плагиат и, начиная с 1873 года, отрицал авторство Мирза Шафи.

В 1846 году Мирза Шафи из Тифлиса переехал на родину в Гянджу. Здесь он работал учителем в русской школе и продолжал писать стихи. В 1850 году Мирза Шафи снова вернулся в Тифлис, где его назначили преподавателем персидского и азербайджанского языков дворянской гимназии. В этой должности он работал до конца своей жизни. Мирза Шафи Вазех скончался в 1852 году, похоронен в Тифлисе.

В 1880 году вышел русский перевод стихов Мирза Шафи. Л. Н. Толстой, ознакомившись с его произведениями, высоко оценил их. Песни Мирза Шафи вошли в золотой фонд азербайджанской поэзии.

* * *

Коль песнь пою, — упоены
Сердца девиц в избытке.
Слова ведь жемчугу равны,
Что на подбор на нитке.

От них исходит аромат,
Как вздохи гурий славных, —
Как будто из цветов летят,
Зюлейхою мне данных.

Не изумляйтесь, что певец
Столь чудное свершает,
Что с резвой юностью мудрец
Союз свой заключает.

Сказать ли вам, кто мудрость дал,
Какими шла путями?
В глазах у милой что читал,
То и одел словами.

Не диво, если песни вам
Звучат сокрытой силой.
Что изливала мысль устам,
Есть только отблеск милой.

Подобно кубку Джам, она —
Источник откровенья,
И чарам дверь отворена,
Где мудрость всеуменья.

Скажи, пою ль бледнее я
Певицы поднебесной?
Не так же ль песнь легка моя,
Как поступь у прелестной?

ПРОЩАНИЕ С ТИФЛИСОМ

Прекрасен ты, город Куры, и плодами богат!
Прекрасны особенно жены твои и сыны,
Ты, море мучений моих, ты, море отрад,
Перлы в котором сердцем моим найдены,
С поклоном и полною чашей я петь тебя рад!
Скалы и горы вокруг обнимают тебя,
Плодотворные воды везде орошают тебя...
Зреют в ветвистых кустах,
В ярко-зеленых полях
Вина твои огнистые, —
Ключ чудотворный, живой
Катится талой волной
Чрез дикие плиты скалистые.
Старые сакли ползут
Повсюду с зеленых полей
Кверху, где горы желтей...
Со скал обрывистых тут
Крепости смотрят руины,
Замки в долинах Куры;

Там видны дворцы-исполины,
Дома без числа и дворы...
Виден повсюду толпой
Пестрый на рынках народ —
Над этим небесный свод,
Прекрасный и голубой...
Для довершенья красот
Ряд легких балконов идет...
Галереи везде извиваются
Вокруг на твоих домах.
На эти балконы взбираются
Ночью при лунных лучах
Красавицы в стройных чертах.
Они оперлись на перилы,
Их пестрые платья порхают,
Их лица так сладки и милы,
Их малые ножки мелькают...
Сверкают под белой чадрой
Их черные очи порой...
Прекрасен ты, город Куры, и плодами богат!
Прекрасны особенно жены твои и сыны.
Ты море мучений моих, ты море отрад,
Перлы в котором сердцем моим найдены.
С поклоном и с полной чашей я петь тебя рад!

* * *

Не огорчай младую жизнь напрасно,
Не отвергай ты лучший божий дар,
Не замыкай уста от лоз напитка
И в сердце не туши любовный жар.
Награды лучшей, чем вино и ласка,
Не даст земля твоим стремленьям в дар.
Что эти божества земного счастья?
И жертвы возноси на их алтарь.
Глупец тоскует о небесном рае,
А сам живет как жалкий золотарь,
Пусть муфтий нам грозит чертями, адом,
Но мудрому не страшен сей кошмар.
Пусть муфтий думает, что он всё может, —
Мирза Шафи не верит в силу чар.

ИЗ СЕРИИ «МИРЗА ЮСУФ»

Какой пытливый ум Мирзе Юсуфу дан.
Недаром то прочтет Хафиза «Гюлистан»,
То Хагани перед ним, Джами, а то — Коран.
Тут переймет картину, выхватит цветок,
Здесь мысль себе присвоит, там — хороший слог,
Своим зовет он смело то, что создано уж раз.
Мир песен дивных втиснуть хочет в свой пустой
рассказ,
Берет чужие перья он для собственных прикрас...
И этим-то гордился он: «Поэт я», — говорит.
О нет, не так, не так певец Мирза Шафи говорит:
Таит он в сердце жар, в груди — цветущий сад,
Сверкают звезды в нем, и льет он аромат,
Когда дарит словам присущий им наряд...
И ради лишь того, чтоб звякал рифмы звон,
Призвания певца не унижает он!
И песни никогда поэт не запоет,
Когда она пуста, а смел лишь оборот.
Того, что в жизни низко, песня не скрадет
Красой мишурных слов, в которых смысл не тот.

ВАКХИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Хафиз — вот мой учитель. Мечеть — любой шинок.
Люблю людей я добрых и вина глоток,
И жизнь моя проходит в попойках без конца,
За то мне люди дали прозванье мудреца.
Куда приду — все рады, кричат: «Пришел мудрец».
Коль нет меня — тоскуют: «А где же наш мудрец?»
Останусь — бьют стаканы: «Он с нами, наш мудрец!»
Звенят, звенят стаканы. А я молю: «Аллах!
Направь как можно лучше и сердце и мой шаг
Подальше от мечети! Всевышний, сделай так,
Чтоб сердце мчалось к деве, а ноги шли в шинок,
Чтобы уйти подальше от глупости я мог».
Хочу найти в стакане разгадку бытия,
Хочу по стану милой весь мир освоить я...
О, сладостное чувство! Аллах, мольбе внемли:

Пошли вино Колхиды, чтоб загорелась кровь,
Чтоб, с милою обнявшись, испивши всю любовь,
Блаженные — в блаженстве и умереть могли!..

ПЕСНЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ХАФИЗУ

Распахни покрывало, не прячь ты себя,
Ведь не прячутся розы в саду у тебя!
Красота тебе богом, как розе, дана,
Ты, как роза, на радость очей создана.
Создана ты под солнцем цвести и сиять,
Перестань же чадрою лицо закрывать.
Распахни покрывало! Увидит весь свет,
Что пышней и желанней красавицы нет.
Пусть огнем по сердцам пробегает твой взгляд,
А уста многоцветным рубином горят.
И одна только ночь самотканной чадрой
Облекает твой лик и твой стан молодой...
Покажись! Пред лицом твоим бледен и нем,
У султана в Стамбуле смутится гарем.
Да и где же, когда же, какой падишах
Перед взглядом таким не упал бы во прах?
Не тумань же чадрой лучезарных очей —
Торжества красоты и блаженства людей.

* * *

Ты, сидя в палатке, откинула косы, красу лица
обнажив. —
Искра истины засверкала из темноты лжи!
Глаза мои видят лицо любимой, стан я обвил рукой:
С одной стороны — мольба любви, каприз красоты —
с другой.
Глупец и невежда вовек не сумеет тайник души отпереть,
Но ты, отрешившийся от всего, продолжай, как свеча,
гореть.
В день суда из гробницы султана Махмуда будет
услышан стон·
«В райских вратах не нуждается тот, кто саблей
Аяза сражен!»

ГАЗЕЛИ

* * *

О ты, что живешь вместе с нами, одежду отшельника сбрось,
Если ты крепок, иди к любви, всё иное ведет вкось.

У меня, убитого горем, кроме любви, не спрашивай ни о чем,
Если сердце свое потерял поэт, лишь любовь восхваляй при нем.

О, с тех пор как в горячем сердце моем для нее приготовлен приют,
Ясно вижу лицо ее всюду, куда взоры мои бегут.

Судьба поворачивается не потому, что звездами укреплена:
Я хочу познать ее тайный ход, но в поисках меркнет она.

Ныне всюду цветы, отрада, краса, — идет молодой апрель.
Ты палатку раскинь на речном берегу, пей вино, подними свирель!

Лишь с порога любимой пахнет ветерок — и Вазех над землей вознесен.
Лишь дыханье любви воскресит того, кто стрелою любви пронзен.

* * *

Сколько на небе устойчивых звезд и бегущих светил золотых,
Столько в груди моей колотых ран от женских причуд твоих!

Ты не звезда, не одна из тех, что на небе огнем зажжены,
Но глаза мои, пьяные, как вино, на тебя лишь устремлены!

О, как жизнь теперь не мила, тяжела, будто вечная ночь,
темна
Для того, кто отвергнут любимой своей, кого позабыла
она...

Как же кровь в моих жилах не закипит? Пусть промчится
она грозой,
Если плачут очи моей души, как фонтан, — ледяной
слезой.

Эту песню я написал, Вазех; в ней бушуют горе и злость.
Во дворце пурпурного мака сидит невеселый и черный
гость.

СУСАНИ

По ниве нежности не раз прошла ты, Сусани,
Султаншею в стране чудес была ты, Сусани.
Я жертва глаз твоих; меня сожгла ты, Сусани.
Своим кивком меня убить могла ты, Сусани.
Узнают все — меня с ума свела ты, Сусани.

При виде стана твоего согнулись тополя,
При виде локонов легли пшеничные поля,
Ты опьянила красный мак, его испепеля.
О сердце пьяное, чего ты ищешь здесь, моля?
Причиной крови уж не раз была ты, Сусани.

Ты ангел, а твое лицо — иль солнце, иль луна.
Я пьян тобой — ведь чарка мне теперь запрещена.
Без покрывала покажись, светла, тонка, стройна.
Как прядь волос на лбу твоем прекрасна и нежна!
Влюбленному большой соблазн дала ты, Сусани.

Осанке, стану твоему под стать один атлас.
Ты можешь мне назначить казнь одним движеньем
глаз.
По слову твоему Христос еще воскреснет раз,
А в том, кто на тебя взглянул, свет разума погас.
Все мысли разом у него смела ты, Сусани.

Восходит солнце каждый день, поклон тебе дарит,
Ты по утрам выходишь в сад — и тополь весь дрожит,
Бутон, увидев ротик твой, от зависти горит.
Люблю тебя, гяура дочь, тот прав, кто говорит,
Что от аллаха прочь меня взяла ты, Сусани.

* * *

Знала если бы, если бы ведала ты,
Как я плачу в плену у твоей красоты!
Как волшебника я безуспешно молю:
Дай увидеть любезные сердцу черты!

От блаженства теряю сознание я,
Если мимо проходишь ты, сказка моя,
Так от солнца скрывается в небе луна,
Томный блеск от лучей его жарких тая.

О, когда ж я тебя обниму и спою
Сладкий стих, прославляющий сладость твою?
Ты откинула кудри, лицо показав, —
Я в лучах его ясного света стою!

Я — НОВАЯ ЛУНА, СОВЕРШАЮЩАЯ СВОЙ ПУТЬ

Ты ушла, мне остались лишь слезы с бессонной тоской.
Воду льют уходящим вослед, — есть обычай такой.
О, мучительны слезы разлуки в беззвездную ночь.
Но с зарею печаль иногда удаляется прочь,
И надежда на встречу опять возвращается вдруг.
Тем, кто ночью терзались в разлуке, без милых подруг,
Облегчают терзанья заботы пришедшего дня.
Если инок случайно любовного вкусит огня —
Он поймет, что не в небе находится истинный рай...
Покидая друзей, уезжая в неведомый край,
Мы привыкли прощаться — так в мире ведется давно.

Что ж, разве теперь не считается добрым оно,
Это старое правило? Мы его издревле чтим!
Почему ж ты одна пренебречь вдруг задумала им?
Бледным к утру становится месяца серп голубой,
Кровь из сердца слезами уходит в разлуке с тобой.
Я мечтаю о том, чтобы ты вспоминала меня.
Той счастливой земле, что целует подковы коня,
Той земле, по которой ступает твой конь вороной,
Даже земли Китая завидуют вместе со мной.
Ты склонилась в седле, грациозна и неги полна.
Безразлично тебе: чья земля и какая страна.
Всюду люди — рабы вдохновенной твоей красоты,
Разве только колец не надела им на уши ты.
С глаз долой — вон из сердца! — О, как поговорка верна!
Ты, покинув наш город и наши забыв имена,
Гордо сердце замкнула, пускать в него нас не любя!
Если плачут глаза мои горько, не видя тебя,
И восторженно сердце пылает в любовном огне,
Если вместо молитвы стихи вспоминаются мне, —
Не поможет письмо или слово скупое гонца!
Ветерку — и тому твоего не коснуться лица,
А ведь сердца подавно коснуться не дашь ему ты.
Как же, значит, бессильна стрела моей тайной мечты?
Всё мое существо лишь тобою одною полно,
Жить одною тобою судьбой мне навеки дано.
Ты сожгла меня страсти любовной огнем
И ушла равнодушно, как будто забыла о нем —
Об огне, что сжигает мне сердце в груди!
О, приди, возвратись! Умоляю тебя: приходи!
Силы нету терзаться; сожженную душу свою
Я тебе на ладони, глаза опустив, подаю.
Приходи! Освети наши черные ночи и дни —
Покрывало над дивным лицом отогни:
Твой отказ недостоин твоей красоты,
Ярким светом которой прославилась ты.
Чтоб коснуться груди твоей — даже руки
Мне не жаль! Я согласен на то: отсеки!

МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ

Великий азербайджанский писатель и просветитель Ахундов Мирза Фатали родился в 1812 году в городе Нухе.

Отец М. Ф. Ахундова, Мирза Мамедтаги, был родом из местечка Хамне недалеко от Тебриза в Южном Азербайджане.

После шестилетнего пребывания в Хамне мать будущего писателя Нане ханум развелась с мужем и вместе с сыном Фатали переехала на родину. С этого момента Фатали воспитывался под руководством дяди Ахунда Гаджи Алескера и принял его фамилию — Ахундов, или Ахундзаде. Дядя готовил Фатали к получению духовного звания, учил его арабскому и персидскому языкам.

В 1832 году Ахунд Гаджи Алескер решил совершить путешествие в святые места — в Мекку. На время своего отсутствия, не желая прерывать образование Фатали, он отвез его в Гянджу к ученому Молла Гусейну, у которого Фатали обучался наукам.

Находясь в Гяндже в 1832 году, Мирза Фатали сблизился с известным азербайджанским поэтом Мирза Шафи, который оказал большое влияние на формирование его взглядов. Под влиянием Мирза Шафи Ахундов отказался от духовной карьеры, начал изучать русский язык и русскую литературу.

После возвращения из путешествия в Мекку Ахунд Гаджи Алескер увез племянника в Нуху. Там Ахундов в 1833 году поступил в новую русско-азербайджанскую школу, проучился в ней один год, изучил русский язык.

В 1834 году Ахундов переехал в Тифлис и поступил в канцелярию главного управляющего Кавказом. Работал переводчиком с восточных языков. На Кавказе Ахундов близко познакомился с декабристами А. Бестужевым-Марлинским, А. Одоевским, многими русскими литераторами.

Наряду со служебной деятельностью Ахундов принимал активное участие в научной и культурной жизни Тифлиса. Особенно много времени он уделял преподавательской деятельности, работал вместе с основоположником новой реалистической литературы Армении писателем Хачатуром Абовяном в Тифлисском уездном училище, преподавал азербайджанский и персидский языки.

В 1842 году Ахундов женился на Тубу ханум — дочери Гаджи Алескера.

Первые творческие шаги Ахундова относятся к тридцатым годам. В течение 1850—1857 годов Мирза Фатали настойчиво боролся за новый азербайджанский алфавит, выступал с публицистическими статьями и брошюрами, создал свои философские произведения. За этот же период он написал шесть комедий: «Молла Ибрагим Халил-алхимик», «Мусье Жордан и Дервиш Мастали-шах», «Визирь ленкоранского хана», «Медведь — победитель разбойника», «Гаджи Кара» и «Правозаступники Тебриза».

Мирза Фатали Ахундов является основоположником азербайджанской драматургии, театра и реалистической прозы.

Философ-атеист и материалист, он вел непрерывную борьбу с реакционными силами, фанатизмом, невежеством и косностью, поднял свой голос против религии, духовенства, суеверия, деспотического строя восточных стран, затворничества женщин.

Комедии Ахундова переведены на русский, французский, немецкий, английский языки. Причем на русский язык они переведены самим автором и опубликованы одновременно с оригиналом.

В 1853 году комедии Ахундова были поставлены на русской сцене. На азербайджанской сцене комедии Ахундова поставлены значительно позже — в 1873 году. Эта дата и является датой зарождения азербайджанского театра.

Поэзия Мирза Фатали Ахундова занимает видное место в его огромном литературном наследии. Бо́льшая часть его поэтических произведений написана в форме посланий друзьям. Его поэма «На смерть Пушкина» имеет большое историческое и художественное значение. Творчество Ахундова оказало большое влияние на развитие литературы и общественной мысли народов Востока.

М. Ф. Ахундов скончался 10 марта 1878 года в Тифлисе.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Я сердцу говорил, глаз не сомкнув в ночи:
— Хранитель тайников, свой жемчуг расточи!

Зачем твой соловей умолк в саду весеннем,
Не разглагольствуют, как прежде, турачи,

Не прогремит поток речений превосходных?
Встань, скороход-мечта, в далекий путь умчи!

Смотри, пришла весна. В полях и на ложбинах
Цветы, как девушки, под солнцем горячи.

Бутоны алых роз пылают сладострастно.
Фиалки ждут любви. Запенились ручьи.

Вселенная полна желаньями до края.
На самоцветы гор ударили лучи.

А в сердце цветника, как падишах венчанный,
Зеленый кипарис торжественно возрос.

И в честь властителя пьют лилии и маки,
Сверкают в чашечках тюльпанных капли рос.

Поля украшены жасмином, и влюбленный
Нарцисс глаза раскрыл, бессонные от грез.

И в клюве соловья для всех гостей подарки, —
Несет он лепестки ему внимавших роз.

Разбухли облака, хотят пролиться ливнем.
Зефир предутренний мне запах трав принес.

Все птицы на заре поют, щебечут, свищут:
— Земля, зазеленей! Пришла твоя пора!

Все принесли дары на торжище природы:
У каждого нашлась хоть пригоршня добра.

Тот блещет красотой, другой вздыхает томно.
Повсюду пляски, смех, веселая игра.

Все празднуют весну, блаженствуют, ликуют, —
Так беспечальна жизнь, так молодость щедра.

Или не в силах ты от сна очнуться, сердце,
Лишилось радости, не ценишь красоты,

Не хочешь на земле прославиться стихами,
Желанья погребло, забыло все мечты?

Бывало, в поисках заветных рифм-жемчужин
В бездонные моря ныряло смело ты,

Ты украшало мысль сравненьем драгоценным,
И ожерелья строк низать умело ты.

Откуда же сейчас твой беспросветный траур,
Так онемело, так окаменело ты?

— Мой друг единственный, — мне сердце отвечало, —
Оставь меня в тоске, не говори со мной!

О, если бы забыть, как мотыльки забыли,
Что зимний ураган не медлит за весной, —

Вручило бы я меч наезднику-поэту,
Благословило в путь за славою земной.

Увы, я знаю все о вероломстве рока,
Я чувствую конец неотвратимый мой.

Так пташка видит сеть и знает, что погибнет,
И все ж, безумная, несется по прямой.

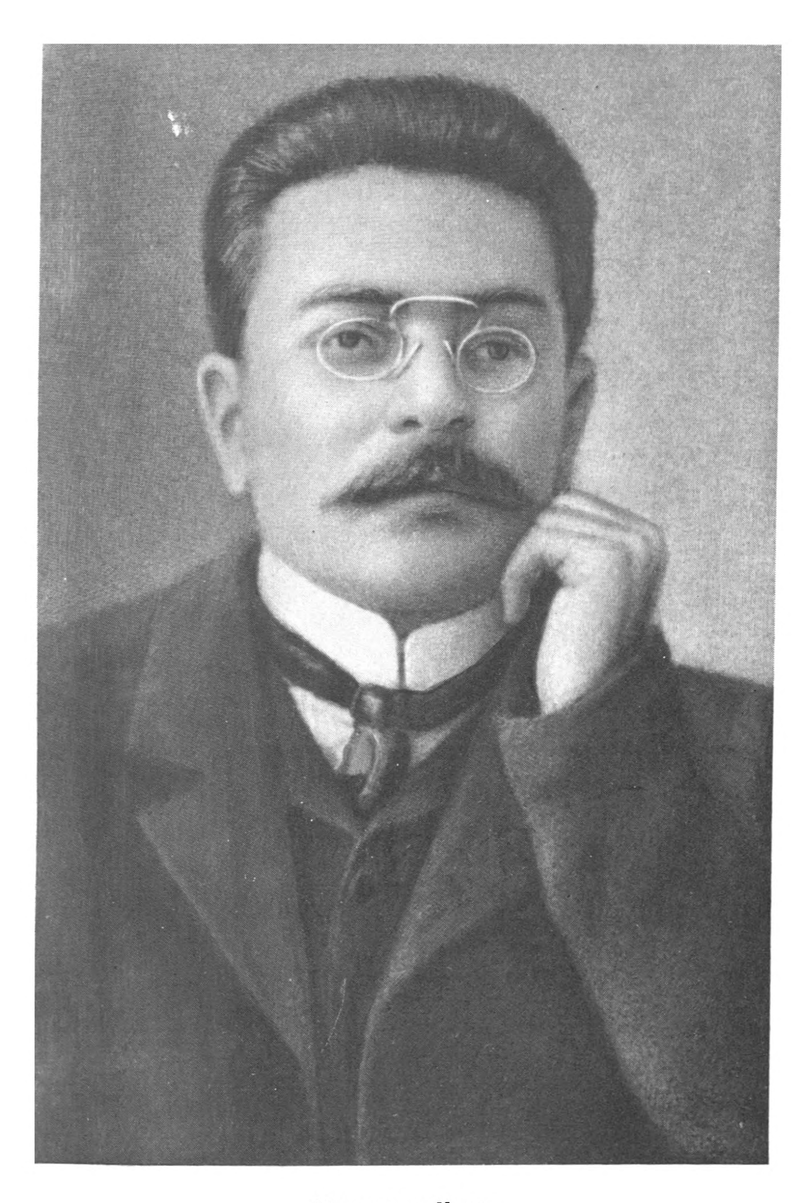
Что нашей славы гул, что похвалы за доблесть!
Проглочен отзвук их бездонной быстриной.

Не думай о мечтах! С мечтателями круто
Рок расправляется. Он судия дурной.

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,
Что Пушкин всех певцов, всех мастеров глава.

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва.

Ты помнишь Пушкина. Как жаждала бумага,
Чтоб он чертил на ней крылатые слова!

Мухаммед Хади

Аббас Сиххат

Сверкающий узор той речи переливной
Изменчив, словно крыл павлиньих синева.

Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.

Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.

Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Что наполнял вином познанья Карамзин.

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покорил весь мир лишь Пушкин-исполин.

Как дорог лунный серп для путников Востока,
Так дорог лик его для северных равнин.

Ни небесам семи, ни четырем стихиям
Такой неведом был необычайный сын.

Но как родившие жестоко поступили
С любимым первенцем, — в отчаянье внемли!

Смертельною стрелой в избранника прицелясь,
Путь крови огненной нежданно пресекли:

Одною градиной по их приказу туча
Роскошный сбила плод, и он лежит в пыли.

Подул смертельный вихрь и погасил светильник,
И кости бренные в подземный мрак легли.

Своим кривым ножом садовник старый срезал
Побеги мощные под корень у земли.

И в череп, в дивную сокровищницу мысли,
Как в черное гнездо, ехидны заползли.

Весь соловьиный сад был в розовых бутонах, —
Там иглы-тернии из праха проросли.

И птица вольная из клетки улетела.
Потоки слез из глаз печальных потекли.

Вся русская земля рыдает в скорбной муке, —
Он лютым палачом безжалостно убит.

Он правдой не спасен — заветным талисманом —
От кривды колдовской, от козней и обид.

Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, аллах! Он крепко спит.

Пусть вечно плачущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.

Пусть в бейтах Сабухи Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит!

ПИСЬМО ЗАКИРУ

Хорошие дни пришли, Касум бек!
Мужам рассудок и жизнь не нужны.
Бойцы на поле брани спешат,
Врагам учинить расправу должны.

Турецкий воробышек, видно, смел.
Он к небу соколом взвиться хотел,
Да крылья сломал, да сам оробел...
Мы славить русскую славу должны.

Явился к туркам помощник француз,
Вступает морской великан в союз:
Разбить, мол, русскую силу берусь!
Но русские крикнуть «браво!» должны.

Дождется маленький Наполеон,
Как дядя дождался черных времен.
Британец уйдет домой, посрамлен, —
Рыдать его дети, право, должны.

Указ император сам издает.
Он русское войско двинул вперед.
Идут на Балканы, близок черед, —
Покрыть Дунай переправой должны.

В победу не верит один глупец!
Ведь шел за Балканы Дибич-храбрец.
Паскевич взял Эрзерум, удалец.
Мы помнить прошлое здраво должны.

Полки за полками прошли вчера.
Солдаты-львы побеждать мастера.
Плохая пришла для турок пора, —
Погибнуть в битве кровавой должны.

Игит карабахский ринулся в бой,
Берет он первенство в схватке любой,
С врагами встретится, гордый собой, —
Те сразу выпить отраву должны.

Взмахнул он саблей — резвится конь,
Винтовку вскинул — пошлет огонь.
Трясутся турки — их вопли «не тронь!»
Раздаться слева и справа должны.

Не трусов Кавказ учился рожать.
Мы драться должны, не косить, не жать,
Знамена вражьи тут задержать
И взять в Петербург на забаву должны.

ПОВЕСТЬ О СЕИДЕ АХМЕДЕ САЛЬЯНСКОМ

Жил однажды в Сальяне сеид Алем.
От алема и стал он известен всем.
Каждый год он, в месяц скорбей магеррам,
Ходил по базарам и площадям.
И на встречных алем опускал, говоря:
«Мой алем над тобою склонился не зря:
Заплатить обещал ты в положенный срок, —
Так теперь, человек, раскрывай кошелек!»
Ну, а кто без долгов? Обойди хоть весь свет...
И каждый боялся ответить: «нет», —

И тут же туман доставал, говоря:
«Вот, на, получай, не болтай только зря!»
Этой данью сеид наполнял суму,
Но, жадному, всё было мало ему.
Ни француз, ни татарин — никто из людей
Не накопит ложью себе грошей.
Каждый день брал сеид взаймы у купцов,
А потом отрекался от этих долгов.
Скажем, десять туманов купцу задолжал,
А потом, в срок расплаты, ответит: «Не брал».
Вот торговец сеида к судье повел, —
Уж больно он был и обижен, и зол!
Пророков святых имена повторив,
Так он начал: «Судья, будь всегда справедлив:
Вот я сделал сеиду Алему добро,
Но назад не несет он мое серебро!
Не брал, говорит, ничего, никогда...
Ни совести нет у него, ни стыда».
И промолвил судья: «Ты слышишь, сеид,
Как в закрытые двери купец стучит?»
А сеид ему: «Сжалься, достойный судья!
Разве с кем-нибудь раньше тягался я?»
Справедливый судья был большой весельчак,
Захотев проучить его, начал он так:
«Да, тягался, притом и не раз и не два...»
А сеид: «Непонятны мне эти слова».
— «А помнишь, когда разводился с женой,
Не ты ль, господин, здесь стоял предо мной?
Без денег хотел ты оставить жену,
И всё же пришлось развязать мошну!»
— «Пусть так, — отвечал сеид, не смутясь, —
Ну, а после встречал здесь меня ты хоть раз?»
— «Много раз, и отлично ты мне знаком, —
Ведь ты не дитя, чтоб забыть о том:
Приводил тебя в суд и Мирза Рагим,
Знаком я прекрасно с лицом твоим.
О саде решался тогда вопрос,
Но яблок отведать тебе не пришлось».
— «Правда, — молвил сеид. — Но тот день уж далек...
А после встречал ты меня хоть разок?»
— «Да, тягался ты — память моя хороша —

С рыбаками, бесстыдник, из-за камыша!
Половина лишь года с тех пор прошла,
Подтвердить это может Акпер Молла».
— «Ну к чему, — сеид возразил, — этот спор?
Не пора ль о другом завести разговор?
Да, судился я, правда, в былые года,
Но не лгал я, Кораном клянусь, никогда!»
— «О сеид, — отвечает судья, — будь скромней!
Постыдись, нечестивец, таких речей.
Не клянись, что правдивости ты образец,
Всем на свете известно, какой ты лжец.
Тот, кто лжет, тот навеки пребудет лжецом,
Будет лгать он в глаза, будет лгать он тайком.
Ты с алемом своим непрестанно лжешь,
Неслыханна в мире такая ложь!
Нечестивец, ты громко вещаешь всем,
Что ведает тайнами твой алем, —
Разве это не ложь? Где же совесть твоя?
Так уж лучше молчи» — так сказал судья.
Опустил свою голову тут сеид.
Что ответить — не знает, что знает — таит.
Стало жалко судье, и промолвил он так:
«О купец, погляди, пред тобою бедняк,
Отпусти ему долг, ведь из нашей казны
Помогать мы потомкам пророка должны».
Согласился торговец с решеньем судьи,
И простил он сеиду туманы свои.
Рад безмерно сеид подобным делам!
А к тому же как раз наступал магеррам,
И тогда, не имея занятий, опять
Без зазрения совести начал он врать.
И ведь каждый сеид у нас либо лжец,
Либо ходит с сумою, как нищий слепец.
Не имеют сеиды у нас ремесла,
Чудеса и гаданье — вот все их дела.
Один говорит: «Я творю чудеса,
И внемлют молитвам моим небеса».
А другой: «Кто придет к моему очагу,
Того исцелить от недуга смогу».
Так во лжи и неправде проходят их дни,
И несчастливы с года Хиджрата они.
Чингиз говорил: «Вот шестьсот уже лет,

Как народ мой на горе обрек Мухаммед».
О сеид, дармоедом ты быть перестань,
Не соленым, а сладким для ближнего стань,
Вожатого выбери из мудрецов
И не верь в сочетанье двух разных миров.
Ты — унга, а плоть твоя — клетки тесней,
Достаточно долго томишься ты в ней.
И не думай, что телом ты жалок и мал, —
Ты в теле своем целый мир сочетал!
Над тлением ты вознесись, над людьми
И взглядом бескрайность небес обними.
Увидишь там море вселенной всей,
Узнаешь, что там Фараон, Моисей —
Лишь капли воды: их в себя высота
Втянула, — внизу их обитель пуста.
На века в облаках им пути суждены,
Но вернутся они в лоно той же волны.

Знай: Али и Омар, Моисей, Фараон —
Каждый в капельку моря того превращен.
В той пучине Али — это капля одна,
И Омару такая же доля дана.
А когда разовьется крученая нить,
Все, кто были уже, будут сызнова жить.

* * *

Для того, чтоб на веки веков возвеличить славу свою,
Отказался от гурий я, от блаженства с ними в раю.

Ты читаешь мне каждый день о союзе мужей и жен,
Но навряд ли деву небес ты ввел бы в свою семью.

Не ханжа я, не суеслов, не пощусь непрестанно я,
И часами у всех на глазах на молитве я не стою.

Ты не к гуриям райских садов в мечтаньях своих стремись,
А к науке, ибо она — основа всему бытию.

Познания светлый путь — дорога мудрых мужей,
А гурий оставим мы невеждам и дурачью.

* * *

Откуда этот шум и крики, о чем галдит вокруг народ?
Как будто два батмана корма молле сейчас недостает.
Он крик тот поднял из-за денег, дошел тот голос
до небес
Быстрей, чем трубы Исрафила во славу таинств
и чудес.
О господи, он просит деньги? И потому-то —
неспроста! —
Повсюду ныне беспорядки, повсюду ныне суета.
Мы с жалобой на эту жадность, не только мы, не мы
одни —
Все ангелы теперь в тревоге; о, как печалятся они!
И зной, и засуха, и голод — с одной посмотришь
стороны.
Моллой раздутая тревога — с другой посмотришь
стороны.
Во всех углах земного шара, в Иране больше, чем
везде,
Народы облачились в траур, молла вещает: быть
беде!
На свете том однажды страшный свершится суд, один
лишь раз!
Для нас же суд на этом свете — и каждый год,
и каждый час,
Как месяц мухаррам подходит — молла виновен —
судят нас.

ВАНДА

О жители страны, так верной Магомету,
Зачем твердите вы, что в этом мире нету
Ни таинств, ни чудес, что двери всех небес
Пророк давно закрыл для таинств и чудес?
Поскольку мы живем в столь христианской эре,
Иное доказать готов я на примере.

Век девятнадцатый. Год семьдесят шестой.
Второе солнце нам из Польши светит. Стой,
Скорей вглядись, народ, — перед тобою чудо.

Два солнца — здесь. Они в Тифлис пришли откуда?
Пою красу его и лучезарный свет.
То солнце Вандой звать, ему — шестнадцать лет.
Краса своих подруг — красой их победила.
Нам дева светлая наш город озарила.
Два солнца есть у нас, но тут добавлю я:
Они различны так, как небо и земля.
Ослепнет, кто взглянуть на солнце вдруг посмеет,
Но кто на красоту посмотрит, тот прозреет.
Бывает: солнца диск закроет туч гряда,
Но кудри этот лик не скроют никогда.
Коперник говорит: не движется светило...
Но красота ее меня раскрепостила.
И среди гурий мне такой не подыскать,
Что знаньем и умом была бы ей под стать.
Кто им наставником, кто гурий обучает?
Кто знает музыку, как наша полька знает?
Кто может так читать чужие письмена, —
Знать столько языков, как знает их она?
Секрет ее, увы, откроем мы едва ли.
Такого мастерства мы в музыке не знали.
Зря в Грузии борцы шли рабство отменять —
Их Ванда в плен взяла, они рабы опять.
И я, Сабухи, что пел свободу кровью сердца,
На старости пленен сей дщерью иноверца.
Творец, ее храни от всевозможных бед!
Родителям ее пусть светит счастья свет!

НАТАВАН ХУРШИДБАНУ

Талантливая азербайджанская поэтесса Натаван Хуршидбану родилась в 1837 году в городе Шуше.

Отец поэтессы Мехти Кули хан — сын последнего властителя Карабаха, а мать — внучка гянджинского властителя Джавад хана.

Хуршидбану известна в истории также под именем Хан кызы (дочь хана).

Образование Натаван получила в родном городе Шуше под руководством известных для того времени ученых и педагогов; еще в детские годы поэтесса показала большие способности к науке и языкам. Натаван хорошо владела азербайджанским, персидским и арабским языками.

В 1872 году Натаван организовала в Шуше литературный кружок под названием «Меджлиси-уис». Председателем меджлиса была сама поэтесса Натаван Хуршидбану. На меджлиси съезжались лучшие поэты того времени. Члены «Меджлиси-уис» в своем творчестве подражали великим классикам Азербайджана — Низами, Физули и другим.

Независимый образ жизни, участие в поэтических состязаниях, близкое знакомство со многими поэтами и свободолюбие поэтессы Натаван сделали эти меджлиси одной из блестящих страниц в истории литературы и быта Азербайджана XIX века. В творчестве Натаван преобладает любовная лирика. Большинство произведений ее написаны в форме газели. Натаван писала простым языком, понятным широкому кругу читателей. Поэтесса Натаван известна и как художница — автор чудесных рисунков и художественных вышивок. Ее рисунки, выполненные в 1886 году черным карандашом, поражают глаз исключительным изяществом, тонкостью и красотой. Многие поэты — современники Натаван, восхищаясь красотой ее рисунков, воспели их в своих произведениях. Энергичная и влиятельная женщина, Натаван всячески старалась благоустроить свой родной город Шушу. По ее инициативе проведена водопроводная линия для снабжения Шуши водой, разбит красивый парк для отдыха.

Натаван как талантливая поэтесса была известна не только в Азербайджане, но и за его пределами. В книгах, посвященных

азербайджанской поэзии (Адольфа Берже, изданной в 1867 году в Лейпциге, Зияэддина ибн Фехреддина, изданной в 1904 году в Оренбурге, и других), отведено большое место ее творчеству. Натаван скончалась в городе Шуше в 1897 году.

СЫНУ МОЕМУ

Мой сын, разлуки злой огонь вздымается во мне.
Душа, как слабый мотылек, горит на том огне.
Как в каждой песне соловья тоска о розе есть,
Так в каждом возгласе души, гремящей в тишине,
Порыв печали и тоски и скорби о тебе
Звучит и в темноте ночей и в лучезарном дне.

Когда-то юноша Меджнун Лейли свою искал,
Так ищет и тебя моя безумная тоска, —
Она, мечтая о тебе и о твоем лице,
Бредет по остриям камней, по водам и пескам.
И слава о твоей красе не сходит с уст моих,
Как не смолкает плеск волны здесь, у прибрежных скал.

И жил каменотес Фархад, и гору он долбил,
Чтоб за горой увидеть ту, которую любил.
И сотню неутешных лет в страданиях провел...
Ах, для того, чтоб ты, мой сын, опять дышал и жил —
Страдать не месяц и не год, а сотни тяжких лет,
Аббас, у матери твоей достанет верных сил.

О, как туманна жизнь моя, как дни мои длинны!
Не вижу солнечного дня и молодой луны.
Мне помнится цветущий сад, свидание с тобой,
Душа парила, как орел, в просторах вышины.
Но дикий вихрь ей два крыла навеки надломил,
Любви моей не пощадив, не видя седины.

О, было б лучше, если б я всю жизнь была слепой,
Не любовалась бы твоей небесной красотой!

Как рано высох светлый ключ и кипарис увял!
И вот, мой мальчик, ты лежишь в земле, в траве густой,
И только камень говорит о том, что это — ты.
А солнце яркое горит над каменной плитой.

Увидеть бы тебя на миг счастливым женихом,
Чтоб ты, потупясь, поглядел в смущении кругом.
Отдать бы очи навсегда за взгляд твоих очей.
Не может сердце ни на миг подумать о другом.
Живу я в тесном уголке печали и тоски,
И слезы Натаван текут прозрачным родником.

ГАЗЕЛИ

* * *

Я тайну скрываю в больной груди, близка моя смерть.
Любимый, меня испытать приходи, близка моя смерть.

Разлукой с тобой томима, не знаю покоя и сна,
На бедное сердце мое погляди, близка моя смерть.

Душа моя скорби своей не таит, близка моя смерть.
Она о беде своей всюду кричит, близка моя смерть.

А сердце, облитое кровью, горит, как весенний мак.
И скоро оно, как цветок, облетит, близка моя смерть.

В весне красоты твоей — осень моя, близка моя смерть.
У ног твоих гнездышко сделала я, близка моя смерть.

Но ты, не щадя меня, твердо сказал: «Уходи!»
Ушла от любви я в чужие края, близка моя смерть.

Тебя не увижу, на очи спустился туман, близка моя смерть.
Чудесен твой облик и строен твой стан, близка моя смерть.

Меня, как тростинку, сгибает разлуки томительный
гнет.
И в жертву тебе приносит себя Натаван! Близка моя
смерть.

* * *

Мечтаю, — если б только бог не создал землю никогда!
И чтобы нить моих дорог сюда не шла бы никогда,

И чтобы горе нашу кровь не леденило никогда,
И чтоб меня твоя любовь не оживляла никогда,

И чтобы жажда новых встреч меня не жгла бы никогда,
И чтоб разлука слабых плеч моих не гнула никогда,

Чтоб океанов и морей земля не знала никогда,
И чтобы слезы матерей не проливались никогда,

Чтоб неземной твоей красе не распускаться никогда,
И чтобы утренней росе не стыть на розах никогда,

И розам на земле моей не расцветать бы никогда,
Чтоб теплой кровью соловей шипов не красил никогда!

Чтоб о судьбе Юсуфа мы и не читали никогда,
Чтоб ни колодца, ни тюрьмы не испытали никогда,

И чтобы сам Юсуф рабом в Египте не был никогда,
Чтоб он к Зюлейхе в грешный дом и не стучался
никогда,

Чтоб вздохов, горестей и ран не знало сердце никогда,
Чтоб сердце бедной Натаван не разбивалось никогда.

* * *

Печалью, горем и бедой рок окружил меня,
Тоской от милого вдали он наградил меня.

Творец вселенной, сколько раз просила, чтобы ты
Соединил бы с ним меня иль умертвил меня!

А ты, ушедший, сколько раз молила я — живи!
Вернись, взгляни, во что уход твой обратил меня.

Доколе плакать и стонать в разлуке горькой мне?
Подумай, сжалься надо мной, ты не забыл меня?

Терпенья нет, покоя нет, нет сил в разлуке жить.
Достойно ль, чтоб кричала я, чтоб плач душил меня?

Как сил хватило у тебя меня не пожалеть?
Разлуке — адскому огню — ты уступил меня.

Прекрасны были дни с тобой, осталась я одна,
Жестокий, в траурный тюльпан ты обратил меня.

Слаба, беспомощна теперь больная Натаван.
Прекрасноликого я жду, чтоб навестил меня...

* * *

Как небеса, ты расцвела, фиалка,
Ты все поля себе взяла, фиалка.

Зачем ты роскошь цветников отвергла,
Зачем поля ты предпочла, фиалка?

Ты шелестишь, как будто боль и старость
Ты в юности перенесла, фиалка.

В тебе весна влюбленность пробудила —
Любовь всегда была грустна, фиалка.

Мне кажется, что локонов любимых
Ты нежный запах донесла, фиалка.

* * *

Не знают горя моего — ни близкий друг, ни брат
родной,
А горе горькое давно — владеет мной, владеет мной.

И ты не ведаешь о нем, мой яркий луч, звезда моя,
Ты не пришел, я день за днем — влачу с тоской, влачу
с тоской.

Слабеют ноги у меня, и белый свет померк в очах,
И без тебя мне дом родной — совсем чужой, совсем
чужой.

Скажите другу моему — пусть он не верит злым врагам,
Печаль безмерная навек — моею сделалась судьбой.

Покину кров, разрушу дом — я всё в руины превращу,
Тебе отдам всю жизнь свою, любимый мой, любимый
мой!

С дороги взор не отвести, твердит язык лишь о тебе,
Мне стала родиной любовь, и стала мне любовь —
семьей...

Но, разлученная с тобой, я с родиной разлучена,
И до отчаянья дошла я, разлученная с тобой.

Нет родины и нет семьи — одна разлука у меня,
Я словно нищенка бреду, бреду тернистою тропой.

Я словно нищенка бреду, и сгорбилась моя спина,
В лохмотьях руку протяну к тебе с мольбой, к тебе
с мольбой.

Мечты мои и дни мои — огнем разлуки сожжены,
Тоска для бедной Натаван — удел земной, удел земной.

* * *

Когда огнем объят мотылек, когда он горит в огне —
Он рад: страданьям срок истек, все муки сгорят
в огне!

Лишь ночь придет, свечу запалит, — летит он и говорит:
«Соперник, знай, мой удел жесток, но пусть я
сгорю в огне».

Пылает свеча, всё ярче свеча, упреки ей нипочем —
Два нежных крыла — живой лоскуток — горит мотылек
в огне.

Лишь преданность в сердце, и страха нет. Короткого
счастья миг.
Но только заря окрасит восток — сгорит мотылек в огне.

Неверность свечи узнал мотылек, но рвется он вновь
к свече.
Уже избавления час недалек, разлука сгорит в огне.

Минула разлука, любовь — с тобой, и крылья с огнем
слились,
Ни стона, ни вздоха — какой в них толк, — а сердце
горит в огне.

Больна Натаван, томится в жару, тоска ее сердце
жжет —
Будь терпеливым, мой мотылек, стойко держись в огне!

* * *

Как трудно уходить от дома твоего, —
От милого цветка, чей образ с сердцем слит...

Над любящей душой не властна даже смерть,
Уходит с ней тоска, и сердце не болит.

Гремучая змея под розовым кустом
Мне руку от кудрей твоих отнять велит.

Соперница, уймись! Не бросит мотылек
Сверкающий огонь, что крылья опалит.

Любимый, как твоя чарует красота,
Хотя она одни печали мне сулит.

О сердце, не ищи спасения от мук!
То горе, что сожжет, оно же исцелит.

Быть верной — тяжкий путь. Но верность Натаван
С собою унесет под сень могильных плит.

* * *

Томлюсь и жду, но нет тебя, — ты не пришел, скажи, зачем?
Опять вздыхаю я, скорбя, — ты не пришел, скажи, зачем?

Мой караван пропал в песках, мой стон у бога в небесах
Давно уже навяз в ушах, — ты не пришел, скажи, зачем?

Вожак покинул караван, и очи мне застлал туман.
Где друг мой, где целитель ран? — Ты не пришел, скажи, зачем?

Душа смятением полна, от зноя высохла до дна,
Забыл, как ждет тебя она, — ты не пришел, скажи, зачем?

У врат твоих, у райских врат, душа блуждает наугад,
Увидеть лик, увидеть взгляд, — ты не пришел, скажи, зачем?

Тиски на горле сведены, глаза слезами сожжены,
Любимый! Солнце с вышины, — ты не пришел, скажи,
зачем?

Я мучаюсь, я как в аду, под страшной тяжестью
бреду.
Жду бесконечно, вечно жду, — ты не пришел, скажи,
зачем?

Возлюбленный! Я слезы лью, я слезы лью, как кровь
мою,
Кому тебя я отдаю? — Ты не пришел, скажи, зачем?

В разлуке тело так горит, в разлуке сердце так болит,
Их лишь приход твой исцелит, — ты не пришел, скажи,
зачем?

Терпенья нет и нету сил, зачем же ты меня сразил,
Мой свет, светило из светил, — ты не пришел, скажи,
зачем?

Не занялся ты, мой рассвет, унес ты сердце — сердца
нет,
И я в тоске ищу твой след, — ты не пришел, скажи,
зачем?

Свою мольбу к тебе неся, я сотрясаю небеса,
Мой кипарис, моя краса, — ты не пришел, скажи,
зачем?

Так плачет Натаван и ждет и дни и ночи напролет,
К ней исцеленье не идет, — ты не пришел, скажи,
зачем?

СЕИД АЗИМ ШИРВАНИ

Талантливейший азербайджанский поэт второй половины XIX века Сеид Азим Ширвани родился в 1835 году в городе Шемахе в семье духовного лица. Когда Сеид Азиму исполнилось семь лет, отец его Сеид Мамед умер, и он остался на попечении своего дяди моллы Гусейна, который в то время жил в Дагестане в селении Ягсай. Молла Гусейн взял маленького Сеид Азима в деревню Ягсай и там занимался его воспитанием и учебой.

Прожив одиннадцать лет в Дагестане, Сеид Азим Ширвани возвратился в Шемаху и продолжил здесь свое образование. Он обучался азербайджанскому, арабскому и персидскому языкам. Для получения высшего духовного образования Сеид Азим Ширвани в 1856 году отправился в Ирак. Там он обучался в духовных медресе вначале в Наджафе и Багдаде, а затем в Шааме и получил духовное звание ахунда. В годы учебы поэт побывал также в Египте, Сирии и в других странах Ближнего Востока. В этих странах он встречался со многими интересными людьми, продолжая усердно учиться. Путешествие по Ближнему Востоку оказало большое влияние на развитие поэтического таланта и расширение идейного кругозора С. А. Ширвани.

Вернувшись на родину, поэт отказался от духовного сана. Увидав все лицемерие, двуличие и ложь духовенства, Сеид Азим почувствовал отвращение к этой касте, вступил в непримиримую борьбу с ней.

Сеид Азим Ширвани вел большую просветительную работу, руководил основанной им в Шемахе школой нового типа. В его школе, в отличие от других старых школ, изучали азербайджанский, персидский и русский языки, сообщались основные сведения о современных науках.

В общей сложности он около двадцати лет занимался педагогической деятельностью.

С. А. Ширвани относится к числу наиболее видных поэтов Азербайджана. Он писал лирические стихи — газели, рассказы в стихах и басни. В истории литературы, поэт известен и как талантливый сатирик. Он является продолжателем сатирической поэзии Закира.

В своих газелях С. А. Ширвани следует традициям классической поэзии великого Физули, в сатирических стихах он изобличает и критикует религию, фанатизм духовенства, паразитизм и моральное разложение беков и ханов, социальную несправедливость окружающего его феодального общества.

На формирование мировоззрения С. А. Ширвани заметное влияние оказала демократическая газета «Экинчи» («Пахарь»), издававшаяся в 1875 году в Баку Гасан беком Зардаби Меликовым. В этой газете С. А. Ширвани печатал свои стихи и сатиры, направленные против фанатизма, зовущие к освоению русской и европейской культуры, пропагандирующие науку и просвещение.

Одно из своих произведений С. А. Ширвани посвятил памяти А. С. Пушкина в день открытия ему памятника в Москве в 1880 году.

С. А. Ширвани скончался 20 мая 1888 года в городе Шемахе.

ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Чтобы люди всех званий порядок могли соблюдать,
В каждом веке вожди возглавляли народ.
Ноя славный потомок из рода Яфетова — Рус
Поселил на заснеженном севере племя свое.
И от имени «Рус» — стала зваться Россией земля.
Был незвучен и груб у народа язык в те поры,
Но трудились ученые над оживленьем его.
Лучше всех это сделать мудрейший из мудрых сумел,
Жизнь вдохнув в разговорный и в книжный язык, —
Александр сын Сергея — сам Пушкин, великий поэт!
Слова мастер волшебный, он книги писал для того,
Чтоб они вдохновляли людей на благие дела,
Как святое Евангелие, переходя по рукам.
Если их прочитает Лейли, от восторга она
Одержимою станет — совсем как Меджнун...
Просвещенный поэт слишком рано покинул наш мир,
Пусть в раю Иисус веселит его душу теперь!
Хоть при жизни снискал он великий почет и любовь,
Ныне славой стократной венчают народы его!

СЫНУ

О, Джафар! О, бутон моего цветника!
Соловей, песня чья и звонка и сладка!
В год, счастливым и радостным названный мной,
В дивный день, удивительный даже весной,
Подарил тебя бог мне — и в сердце моем
Радость вспыхнула неугасимым огнем.
О, любимый подарок! За годом шел год,
Много в прошлое их улетело — и вот
Нынче ты и ученый, и взрослый вполне,
Мой Джафар. Не нуждаешься больше во мне.
В жизнь дорогу пора выбирать самому —
Пусть ведет тебя разум, доверься ему.
Путь отца — не закон, и совета не дам
По отцовским идти тебе в жизни следам:
Христианином будь, исповедуй ислам —
Только б разум светил твоим дням и делам!
Стань шиитом, суннитом — мишенью не будь
Для стрелы, равнодушно пронзающей грудь.
Что мне в этом: ты шейх или важный бабид?
Стань кем хочешь, пусть фальшь твоих слов
не кривит.
Дар божественный, свет моих старческих глаз!
Слава богу, что нынче в Ширване у нас, —
Хоть, колеблясь, земля и пыталась сама
Поглотить минареты его и дома, —
Всё же, как в Исфагане, достаточно здесь
Мудрецов и ученых прославленных есть!
Уваженья и славы достойны они.
Щедрой наша природа была искони —
Говорят, на камнях прорастает зерно!
Бог, скажи: «Люди, мною на благо дано
Языков изобилие!» Тот, кто знаком
В совершенстве хотя бы с одним языком, —
Приобрел это благо. Учиться другим —
Значит к благу путем устремляться благим.
Сын мой! Русским еще языком овладей,
Познакомься с наукою русских людей —
В ней нужда наша с давней поры велика,
И не можем не ведать мы их языка!

РАССКАЗ СТИХОТВОРЦА

Лишь я успел на мир взглянуть —
Отец мой в рай направил путь.
Я назван был Сеид-Азим,
Сиротский путь невыносим.
По морю горестей и бед
Прошел четырнадцать я лет.
И вот, хоть был я сир и наг,
Не стал искать я в жизни благ.
Мне был убежищем Багдад,
Который знаньями богат,
Потом пути из Рума шли,
Они в Египет привели.
Я посетил Эсриб и Шам —
И там учился я, и там
Я над грамматикой сидел,
К наукам ключ найти хотел.
Постигнув тайны бытия,
С другими стал делиться я,
Но все шипели мне вослед:
«Смотрите, вот источник бед,
Он утверждает, вестник зла,
Что, словно шар, земля кругла!
Что не аллах — подземный пар
Трясет, скопляясь, этот шар!
А центр вселенной и венец
Он видит в солнце, сей мудрец!
И точку высшую нашел
В девятом небе, сей осел!
Невежда, он безумцем стал,
Мятежным вольнодумцем стал!
Вода и воздух, говорит,
Друг друга принимают вид!
Бывают — он твердит потом —
Огонь водой, вода огнем!
Всё это чудом из чудес
Он называет, сей балбес!
Что за кощунство, о аллах,
Забыл он о твоих делах!
Эй ты, предатель мусульман,
Ведь это всё внушил шайтан!

Покайся, вспомни шариат!
Тому ль учил тебя Багдад!
Что пользы от науки всей,
От философии твоей?
Да сгинет след ее во мгле!
Как много сказок на земле!
Преданий сладостных не счесть —
Поэту много дела есть!
Перескажи стихами нам
Сказание о Гюландам!
Любовь Бахрама восхвали,
Воспой Керема и Асли!
И пусть Гариб и Шахсенем
Воскреснут в лучшей из поэм!
И да возрадуется тот,
К кому твой дивный стих дойдет!
И скажет:
«Мастер, славен будь!
В столетья проложил ты путь
Святому дару своему!»
А все науки — ни к чему!
Нам ни к чему слова о том,
Как возникают день и гром,
Зачем и как возник народ
И где начало зло берет!
О тайнах ведает лишь бог!
Пока для песен не оглох,
О славном Кероглу в стихах
Сложи ты сказку, бисмиллах!»

ГАЗЕЛЬ

* * *

Молла не ради райских благ тебя хулит, вино!
Одно лишь слово о тебе его пьянит, вино!

Нет, виночерпий, я готов твоею жертвой быть,
Но дай вина — пускай во мне всегда звенит вино!

О, не сжигай меня в огне желанья моего!
Налей — и молодость мою мне возвратит вино.

Пускай молла для райских вод отрекся от вина,
Вовек не променяю я на тот кредит вино!

Пускай святоши в рай идут, пускай водицу пьют,
Земля и винный погребок — для тех, кто чтит вино!

Мне говорят: «Не знаешь ты, как милостив господь!» —
И гонят в ад! Не внемлет им и пьет Сеид вино!

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

1

Богослова-ученого праведен путь.
У дверей его — с радостью дворником будь.
Но не вздумай забыть в ослеплении ты,
Что на свете всегда существуют плуты:
Изучать богословие едут в Иран,
В Кербела или Иезд, иногда в Бехбехан.
Слуг с собою берут и, за первый урок
Заучив из Корана по нескольку строк,
Для окраски бород покупают состав
И, покрасив их, с виду туллабами став,
Насыщаются прелестью временных жен.
Анашей, возбуждающий нервы, зажжен,
Днем молитвы туллаб изучает такой,
Ночью гладит красавицу жадной рукой
И, Коран забывая, к урочным часам
Те стихи повторяет, что выдумал сам...
Но — кончаются деньги. Несчастье! Беда!
Он наивным согражданам пишет тогда:
«О, мои земляки! На чужой стороне
Жизнь аскета веду я и радостно мне.
Днем учусь, по ночам повторяю урок,
Познавая, сколь мудр и всеведущ пророк,
Удивляясь пророческим вещим словам,

Чтобы после их все пересказывать вам...
Я вам тайно поведаю, скромность любя,
Что прославил я до звезд в этом мире себя,
Что молва обо мне не имеет конца
И мудрее меня не найти мудреца;
Что в обилии знаний — свидетель в том бог! —
Сам Рази состязаться со мною не мог.
Знаю, ждут меня в дальнем родимом краю,
Но закончить обязан я книгу свою.
Чтобы мог я продолжить святые труды,
Выручайте меня из жестокой нужды! —
Денег нет на покупку чернил и свечей,
Я тружусь без огня в тьме холодных ночей,
Даже чая пустого не пью иногда,
Всем пожертвовав ради святого труда!»

И сограждане, сделать желая добро,
Собирают — кто золото, кто серебро,
Шлют ему с уверением в том, «что нигде,
Никогда земляка не оставим в беде,
И тебя не коснется рука нищеты,
Воротись лишь ученым на родину ты!»

2

Слух разнесся, что едет в родные края
Муж ученый. И, радость свою не тая,
Все ликуют, восторгом звенят голоса:
Сам помощник имама, ученых краса,
Возвращается, кончив в столице дела!
В благодарность несется аллаху хвала.
Толпы граждан навстречу текут без конца
Приложиться к руке иль ноге мудреца.
Входит в город с почетом мудрец, и семь дней
Длится праздник, всех праздников прочих пышней:
Возят в гости его по достойным домам.
Чтоб доволен был щедростью новый имам,
Даром деньги и хлеб раздают бедноте.
Наконец горожане разумные те
Муштеиду решаются выстроить дом,
Не скупясь на деньгу, не считаясь с трудом.

Дом построив, волнуется снова народ:
Кто продолжит достойный ученого род?
И красивей, и лучше других сложена
Быть должна у премудрого мужа жена,
Чтобы словно у гурии лик был и стан.
В жены ангела вмиг получает шайтан.
Принимает достоинств исполненный вид
И в мечеть собирается наш муштеид.
Так невеста, желая найти жениха,
Ко всему остальному слепа и глуха,
У зеркал не торчит час за часом подряд,
Как торчал наш мудрец, выбирая наряд!
Красоту и изысканность тканей любя,
Он, глаза насурьмив, льет гюлаб на себя,
Не ценя аромата чудесного в нем;
Перстень с лалом сверкает на пальце огнем.
Налейн только новые любы ему!
Не спеша навивает тугую чалму,
Тонкой шерсти абу надевает — и в путь
Отправляется, выпятив брюхо и грудь,
С бородою, накрашенной докрасна хной,
В налейн, — он идет и следит: все ли мной
Восхищаются? Каждый ли низок поклон?
Впрямь на зятя пророка иль шурина он
Походил в тот весьма достопамятный час,
Когда шел совершать перед всеми намаз.
Вот он суфием встречен у самых дверей.
Вот в мечети мудрец, что мудрейших мудрей.
Совершая намаз, павши ниц на полу,
Воздает, как ведется, аллаху хвалу.
На менбер поднимается, чтоб с высоты
Своего красноречия сыпать цветы,
Поучая уму правоверных к тому ж...
Кончив проповедь, этот достойнейший муж
Из Корана читает главу, а потом
Уверяет собравшихся с важностью в том
Что: «Великую тайну, скажу не тая,
Применил и открыл в теологии я!
Океан моей мудрости — без берегов,
Но добраться до скрытых на дне жемчугов
Могут чистые сердцем — нет платы иной!
Все достоинства веры описаны мной,

Расшифрованы тайны Корана давно,
Толкование новое главам дано.
Бейзави ошибался кой в чем, я ему
Осветил заблуждений глубокую тьму.
Опроверг также книгу Рази, и вполне
Должен быть благодарен за это он мне...»
О земле и о небе, где взвесят грехи,
Муштеид много разной понес чепухи.
Люди темные, слыша его похвальбу,
Говорили: «Ну, мудрость! — семь пядей во лбу!
Рядом с ним муштеиды все прочие — хлам.
Даже лучше он, нежели Шейх-уль-ислам!»
Хоть нашлись и разумные люди, но им
Поделиться нельзя было взглядом своим
На действительный, истинный смысл хвастовства.
Кто осмелится, гневные скажет слова?
— О имам! Лицемер и болтун ты пустой!
Ты учился, не спорим. Но разве от той
Бесполезной науки счастливее мы?
Расскажи, чьи средь нас просветил ты умы?
Кто больной и бессильный излечен тобой?
Кто слепой, от рожденья обижен судьбой,
Вдруг прозрел от молитвы твоей и труда?
Мертвеца оживил ты какого? Когда?
Что принес ты для жаждущих душ мусульман?
Будь же проклят навеки духовный твой сан!
Телеграф объявил ты наукой дурной,
На погибель ниспосланной нам сатаной,
Дал железной дороге шайтана в отцы,
Запретил ассигнации! Мы же, глупцы,
Веря вашему брату, отстали от всех, —
Христиане давно поднимают на смех
Нас за это! Там книги рассеяли мрак,
Ты же снова толкуешь Коран, о дурак,
О «великий имам»! В море горя и тьмы
Утопаем твоими заботами мы, —
Вот куда ты привел нас, мудрец дорогой.
Нет! Изволь-ка науке учиться другой!
Хватит нас надувать, продавать за гроши
Веру, честь и остатки презренной души!
То, что знаешь ты, — мы позабыли. У нас
Даже малые дети умнее сейчас!

ПОМИНКИ ПО СОБАКЕ

Жил в Шахсеване некогда Гаджи.
И говорят, без выдумок и лжи,
Что был любим он всеми и притом
Богат несметно скарбом и скотом,
И пса имел. Бозларом звали пса —
Псов шахсеванских гордость и краса,
Стерег овец Бозлар и пас коней,
Но сдох и он в один из скорбных дней.
Гаджи, на зависть шахсеванским псам,
Его омыл, оделся в траур сам,
Бозлара в саван завернул с хвостом.
Не в закоулке мрачном и пустом —
На кладбище земле был предан пес.
Гаджи молитвы к господу вознес,
Чтоб оказал он милость мертвецу.
Потом, размазав слезы по лицу,
Семь дней Бозлара поминал, и зван
На тризну был весь знатный шахсеван,
И гости засыпали у стола.
Об этом некий разузнал молла.
«О, правоверные! — воскликнул он. —
Коран — наш светоч веры — осквернен,
И сам пророк, творивший чудеса!
Где слыхано, чтоб хоронили пса
На кладбище, как правоверных всех?
Не искупим ничем подобный грех! . .»
Всех шахсеванцев-грешников кляня,
Он оседлал и в путь погнал коня,
Чтоб осквернителя предать суду
На сей земле и пламени — в аду.
Тотчас к Гаджи гонец примчался в дом:
«Молла грозится карой и судом.
Седлать коня скорее прикажи.
Беги, кунак!» — «Да нет, — сказал Гаджи. —
Зачем напрасно возводить хулу?
Совсем не то влечет сюда моллу!»
И, усмехнувшись, он без лишних слов
Велел из стада пятьдесят голов
Овец пригнать к дороге, что вела
К селению, в котором жил молла.

Он встретил сам моллу на полпути,
Сказав: «Я собрался к тебе идти.
Да будут жертвой предки все и я
Тебе, молла! Да длится жизнь твоя!
Молла, беда пришла ко мне домой:
Погиб Бозлар! Хребет сломался мой!
Уж лучше б волей яростной судьбы
Я сам ослеп и умерли рабы!
О, знал бы ты, что это был за пес!
Как расторопен, как он службу нес!
Был росл, как слон, а лапы — как у льва
И словно у гиены — голова!
Волк так его боялся, что вдвоем
С волчицей плакал в логове своем,
Услышав лай Бозлара. Видит бог,
Я отказать такому псу не мог
В похоронах достойных. Так хотел
Он, чтобы в саван я его одел,
Похоронил в кладбищенской земле
И пятьдесят овец пригнал молле.
Увидеть можешь, о святой отец,
Ты на дороге пятьдесят овец!..»
Вскричал, услышав про овец, молла:
«Славны твои, о господи, дела!
Нет, он не пес! Мне сердце полнит грусть.
Живые наши жертвой будут пусть
Таким усопшим!.. О, достойный сын!..»
Молла прочел по мертвому ясин,
Как не читал до этого нигде —
Аж слезы потекли по бороде.

О ШИРВАНСКИХ БЕКАХ

Слыл раем страны этой в давние годы Ширван.
Правителем в нем Мустафа был, прославленный хан.
С ним несколько беков дружили. И ханом был дан
О бекстве их всех оглашенный публично фирман,
Чтоб каждый легко свой высокий доказывал сан.
Придя в нашу землю, фирмана того не попрал
Ермолов, достойный и мудрый весьма генерал.

Но в список отдельный всех беков Ширвана вписал,
Чтоб впредь на себя незаслуженно бекства не брал
В Ширване никто и властей не вводили в обман.
Тем власть оказала особенный бекам почет
На зависть всем прочим, что склоки и свары влечет.
Хоть знали всех беков по имени наперечет —
Всё ж многие стали кричать, будто ложен учет;
Мол, нас позабыли, не всяк был на перепись зван!
Когда император узнал про такие дела,
Велел разобраться. Опять писанина пошла.
Явился к нам Пучин, но масла в огонь подлила
Работа его: беков стало у нас без числа!
Вот Мелик-Бегляров привел в исполнение план:
Составили новые списки. Кораном святым —
Кто верно был беком, кто — дворником хана простым! —
Клялись все, что бекство их не было словом пустым.
Так, в дворники бекам пришлось обратиться иным,
А дворникам беками стать, несмотря на Коран.
Подай, виночерпий, мне чашу хмельного вина,
Эмира достойную! — Пусть помогает она
Поведать без лжи и боязни про те времена,
Когда положенье о беках решала страна
И что перенес по вине этих беков Ширван.
Итак, расскажу вам, не тратя на лишнее слов:
Число увеличилось беков до сотен голов.
Где лошадь сдыхает — собакам там праздник и плов.
Вороны и вóроны вмиг превратились в орлов.
И каждый закаркал, тщеславьем своим обуян.
Лишь двое не славились хваткой средь них воровской —
Мамед Али бек с бескорыстным Махмудом агой.
А все остальные без совести, жадной рукой
Тянулись за взятками. Гнев презирая людской
И бога забыв, на стране затянули аркан.
Решили, что деньги платить им обязан народ.
Гасан собирал их, оскалив от жадности рот.
И каждый наживу в нору свою прятал, как крот.
Понос пробирал, капал жир неопрятно с бород,
И брюхо у каждого пучилось, как барабан.
«Да, видно, — воскликнул народ, — жизнь у них не плоха!
Лисицы, хвосты обмакнувшие в жир, ха-ха-ха!» •

Кто прежде годами ходил босиком без греха,
Обулись теперь, в шерстяные оделись чуха.
Мзду крупному беку бек мелкий с поклонами нес.
Так в яслях осла хитрый конь выбирает овес.
Нух-бек всех богаче был, старый и злобный, как пес.
Лишь деньги считал он, людских не считающий слез,
Но нищим отправился на небеса старикан!
А вот Карагаш беком сделался лишь потому,
Что деньги текли неизвестно откуда к нему.
Но те, кто давал, — обретали в награду суму.
Ослы назывались конями, но не по уму:
Поев ячменя, в мудрецы возносился болван...
Всё так, предположим. Но титул к чему этот вам?
Наместник, прибыв, не поедет по бекским домам
Приюта искать, — знает цену он громким словам!
Зачем, в самом деле, вас бог уподобил ослам?
Случается, ханы бывают такие — по званию хан,
А хлеба куска в его доме единого нет.
Тоскуя по хлебу, голодным покинет он свет.
Зачем ему ханство, коль голоден он и раздет?
Высокое званье идет за богатствами вслед,
Но денег не делают титулы «хан» и «султан».
Гордясь благородством своим, не известным нигде,
Бек некий Ширванским назвался, забыв о стыде.
Но мы не в такой уж большой оказались беде —
Добро, что не принцем назвал он себя — Шахзаде, —
И не адвокатом — проклятием всех горожан!
Вот кто поступает с народом ужасней врага!
Язык непонятен их, помощь же столь дорога,
Что к ней прибегавших раздели они донага.
Сам бек Абдулла обнищал, как последний слуга,
Они, как собаки, на запах жаркого спеша,
Готовы за пловом, за блюдом большим бозбаша
Бежать что есть духу — знать, дома еда хороша,
Коль жадность не знает предела и меры душа!
Чиновникам нашим сродни этот дьявольский стан,
О них рассказать — сотни книг не хватило бы мне!
Сжигает страну их жестокость на адском огне,
И бедные люди по их голодают вине.
Квартальный, и пристав, и просто казаки — вполне
Сравнятся с волками, народ для них — жирный баран.
Одних в «удальцов путевых» обратили они,

Другие невинно в застенках влачат свои дни,
Как это ведется на этой земле исконι.
В суде — негодяи, которых хоть нынче гони:
Приветливы лица, а злобы в сердцах океан.
Сеид Ширвани не назвал их имен от стыда!
Ловушка для нас приготовлена ими всегда,
И эта ловушка — раскрытые двери суда!
Стенать без причины не будет народ никогда,
Не станет рыдать, если впрямь не страдает от ран!
Удел обездоленных только беда и сума.
Мир дряхл и горбат, не обрадует новью ума.
Деревню взялись перестраивать — сносят дома.
Здесь разум легко заменяет большая чалма,
В ней гением можно прослыть у иных мусульман.

МУХАММЕД ХАДИ

Видный азербайджанский поэт Мухаммед Хади Абдулселим-заде родился в 1879 году в Шемахе в купеческой семье. Первоначальное образование он получил в медресе, а затем обучался в школе моллы Алиаббаса — отца поэта Аббаса Сиххата. Хади очень рано потерял отца, и его воспитанием занимались то одни, то другие родственники. С помощью своего дальнего родственника — педагога Мустафи Лютфи, проживавшего в то время в Шемахе и принимавшего активное участие в воспитании Хади, поэт изучил арабский и персидский языки. В 1902 году поэт в числе других жителей Шемахи, пострадавших от землетрясения, переезжает в город Кюрдамир. Здесь он совместно с просвещенным человеком Ага эфенди открывает школу, занимается преподаванием и литературной деятельностью.

Ранние литературные произведения поэта не сохранились. В печати произведения Хади появляются с 1905 года. В 1906 году поэт, по приглашению Мустафы Лютфи, переезжает в Астрахань, там продолжает педагогическую и литературную работу, сотрудничает в местной астраханской газете «Хаят». В 1906 году Мухаммед Хади сотрудничает в буржуазно-националистической газете «Феюзат». Сближение с «Феюзат» оказывает отрицательное влияние на творчество поэта. После закрытия «Феюзат» Мухаммед Хади выступал в газетах «Иршад», «Таза Хаят» и «Терегги».

В 1906—1907 годах Хади начинает интересоваться литературой, философией и общественной мыслью Запада. Он знакомится с произведениями Виктора Гюго, Шиллера, Даниэля Дефо и др., изучает немецкую идеалистическую философию. В 1908 году была издана книга стихов поэта «Фирдовси-илхамат», имевшая большой успех среди читателей.

В 1910 году, спасаясь от насилия и произвола царских властей, Хади покидает родину и едет в Стамбул. Здесь он работает в редакции газеты «Тэнин» в качестве переводчика восточных языков. Знакомится с многими крупными турецкими писателями и поэтами, но вскоре убедившись, что и в Турции царит произвол и насилие,

Хади, нервнобольной и в крайне пессимистическом настроении, в 1914 году возвращается на родину в Баку.

В Баку поэт переводит на азербайджанский язык рубаи Омар Хаяма, печатает их в газете «Игбал». Сильно увлекается учением Дарвина. Сборник своих стихов «Шукуфеи хикмет» посвящает Дарвину.

В разгар первой мировой войны Мухаммед Хади отправился на фронт в качестве религиозного лица мусульманской армии, специально организованной бакинскими миллионерами в знак преданности царской власти. Проведя на фронте три года, поэт побывал на Карпатах, в Польше, в культурных центрах Европы, в городах Лемберге (ныне Львов) и др. В этот период он пишет много лирических стихов и поэм, в которых воспевает свою любовь к родине. Затем, после возвращения с фронта, Мухаммед Хади некоторое время жил в Гяндже (ныне Кировабад), а в 1918 году вновь переехал в Баку, где продолжал свою литературную деятельность.

Умер Мухаммед Хади в 1920 году.

СПАСИТЕ ОТ ТИРАНИИ

У своры насильников мы очутились в когтях.
Мы, словно в плену, у невзгод и несчастья в сетях.

Смертельные стрелы летят отовсюду на нас,
И нет никого, кто б народ от погибели спас.

О родина, стала ты местом, где властвует гнет,
Нет истине дела до тех, кто лишь зло признает.

Зло властвует всюду, нигде не встречая препон,
В стране, где рутина — извечна и низость — закон.

Твори всё, что хочешь, но быть молчаливым умей,
Забудь справедливость, о правде и думать не смей.

В железных оковах насилья томится страна,
Стенаньем, слезами народа земля сожжена.

Не в силах нести угнетения бремя рабы.
Так в чем же причина всех зол, всех ударов судьбы?

Изранено сердце народа, скорбит о былом,
И милость аллаха наш край не согреет теплом.

Здесь каждый о выгоде мыслит, к наживе стремясь,
А люди достойные, мудрые втоптаны в грязь.

Здесь тысячи гибнут без крова, на голой земле —
Горсть алчных не ведает меры в богатстве и зле.

Я знаю, что люди на свете по праву равны,
Что наша земля, на которой мы все рождены.

Коль, гнет уничтожив, закон установит народ,
Падет тирания, и каждый свободно вздохнет.

Простимся с печалью и счастье свое обретем!
Пусть солнце сияет над радостным нашим путем!

Надежд не теряйте, друзья, не уступим судьбе!
Что движет горами? — Единство и воля в борьбе.

Дав руки другу, ряды боевые сомкнем
И счастья ворота отважной атакой возьмем!

Разрозненность наша рождает все беды страны, —
Поэтому дни прозябанья в удел нам даны.

1907

ЖАЛОБА НА МОЕ НЕВЕЖЕСТВО

Жажду взлететь высоко! — Хватит ли воли и сил?
Крылья талантов моих строгий учитель подбил.

Как ни просил я людей к знанью меня приобщить, —
Тщетных стремлений моих рвется бесплодная нить.

Слово ты скажешь горé — эхо ответит из мглы,
Глухи к стенаньям моим люди, что тверже скалы.

Так, не достигнув Ширин, сгинет мой бедный Фархад,
Счастья плодов не вкусив, только вдохнув аромат.

Слабый, я сам о себе даже писать не привык —
Горечью правды покрыт мой неумелый язык.

1907

БЛЕСК БУДУЩЕГО

Станет мир лучезарным, расцветет рай свободы;
Как рассвет, улыбнутся радость, счастье, мечта.
Светом правды согрета, возродится природа,
Мир счастливый восславит тебя, красота!
        Слушай, свободы бесстрашный боец, —
        Сбросит оковы мир наконец!

В вечность канут тираны, свету станет просторно,
Светлый ангел свободы запляшет средь нас,
Горе сгинет, и музыка грянет мажорно,
И для мира настанет счастливейший час!
        Слушай, свободы бесстрашный боец, —
        Сбросит оковы мир наконец!

Человек своим знаньем путь проложит к свободе,
Станет ложем бесценным природа ему,
Засияет наука и раскроет в народе
Правду жизни, веками одетую в тьму.
        Слушай, свободы бесстрашный боец, —
        Сбросит оковы мир наконец!

Прелесть нежно любимой славу солнца умножит —
Всех пленит величавой осанкой своей,
Всю неправедность сильных красота уничтожит,
Угнетенных оковы падут перед ней.
        Слушай, свободы бесстрашный боец, —
        Сбросит оковы мир наконец!

Мы не знали цветка, что зовется свободой,
Мы не видели пышных, душистых садов.

Наше горе укроют забвения своды,
Став для рая земного одной из основ.
    Слушай, свободы бесстрашный боец, —
    Сбросит оковы мир наконец!

Ты, стоящий на светлой счастливой арене!
Вспомни тех, кто в фундаменте был погребен!
Повторяй наизусть это стихотворенье,
Тех оплачь, кто не дожил до светлых времен.
    Слушай, свободы бесстрашный боец, —
    Сбросит оковы мир наконец!

Да, мы верили только грядущей свободе,
Грудь подставив отравленным стрелам врагов.
Были скованы силы и жизнь на исходе, —
Но мы сбросили тяжкое бремя оков.
    Слушай, свободы бесстрашный боец, —
    Сбросит оковы мир наконец!

Мы томились в темницах за счастье народа,
Чтобы правды живой улыбнулось лицо...
Вдохновляя на бой за святую свободу,
Стали светочем мы для грядущих борцов.
    Слушай, свободы бесстрашный боец, —
    Сбросит оковы мир наконец!

Щедрой, сказочной скатертью станут все земли,
Сад свободы взращен будет сотнями рук,
Запоет соловей, песням вольности внемля,
Цветники, засверкав, засмеются вокруг.
    Слушай, свободы бесстрашный боец, —
    Сбросил оковы мир наконец!

Мы, борцы, возрастали в чертогах природы,
Нашим душам — одной свободой гореть,
В наших землях теперь расцветает свобода —
Наша радость, которой века не стареть.
    Слушай, свободы бесстрашный боец, —
    Сбросил оковы мир наконец!

В этот день — самый лучший из дней нашей жизни —
Всем смеяться и петь суждено до конца.

Светлым раем ты стала, родная отчизна!
К небу светлому рвутся счастливых сердца.
Слушай, свободы бесстрашный боец, —
Сбросил оковы мир наконец!

Солнце — жизни источник, знамя жизни над нами,
Слышишь звонкие песни и радостный смех?
Распустились цветы под твоими лучами,
Двери райской надежды открыты для всех.
Слушай, свободы бесстрашный боец, —
Сбросил оковы мир наконец!

В день свершенья мечты средь живых я не буду,
Но в земле затрепещет истлевший мой прах.
Пусть рожденье свободы — долгожданное чудо —
Слезы счастья разбудит в угасших глазах.
Встань, за свободу погибший боец, —
Сбросил оковы мир наконец!

1908

Я — КНИГА

Я — книга, где в странице каждой — много книг.
Дух революции все строки их проник.

Пускай читают их поборники свобод,
Пусть видят, что во мне надежды свет живет.

Осветит мысль весь мир, что тьмой одет,
В душе моей — зари вольнолюбивый свет.

Пусть родина моя еще в глухой ночи —
Мои мечты горят, как яркие лучи.

В одеждах праздничных свободы встань, народ,
И помни, ты неволи должен сбросить гнет!

О мой народ, ты тяжко ранен саблей зла!
Мчись справедливость к нам, исчезни горя мгла!

Творцами бед украшен тирании трон.
Измучены, как я, все те, кто обречен.

Дух нашей вольности — в объятьях нищеты,
Свобода светлая — в цепях томишься ты!

Мне не грози, носитель горестей и бед:
Могила ждет тебя — вот мой тебе ответ.

Не верь, мой друг, что мы навек у зла в цепях —
Пять дней оно не проживет и обратится в прах.

Без страха вижу тень ползущей темноты —
Настанет день и вновь распустятся цветы.

Мой друг, не забывай, что жизни краток сон, —
Используй каждый миг, и не обманет он!

Знай, старости зима неслышно подползет,
Мгновеньем насладись, пока весна цветет.

В мечты о гуриях прекрасных погружен,
Хлебни воды Кевсер — и сладок будет сон.

Но если ты мечтам всю жизнь свою отдашь,
Смотри — вдали блестят не вóды, а мираж!

Ты лучше чашу за свободу осуши —
Тогда вино зажжет огонь твоей души.

В жизнь смело выступи, раздвинь могильный свод,
Чтоб знать, о чем тебе в день судный дать отчет.

В ад те отправятся, кто сеял зло и тьму.
Кто полон мудрости — дорога в рай тому.

Я прославляю тех, кто знаньем озарен,
Кто не идет ко власть имущим на поклон.

Людей науки мир всегда глубоко чтит.
Невежда в косности дни жалкие влачит.

Чтоб мир от зла спасти, томящийся во мгле,
Свет миллиардов звезд необходим земле.

Судьба жестокая нам испытанья шлет,
Чтоб закалить в горниле тяжких бед народ.

Наружу вышли горькой истины цветы.
О родина, когда от сна очнешься ты!

1908

СКОРБНОЕ ПЕНИЕ, ИЛИ ХАОТИЧЕСКИЕ МЕЧТАНИЯ

О мысли, стремящейся в сферу бессмертья, пою:
Витает душа моя в светлом, прекрасном раю.

Слепым, бессловесным, глухим приказали мне быть...
Легко ли мне, зрячему, между слепыми прожить?!

Я — тварь, но не ведаю, кем сотворен и зачем...
Я — стих, что течет в берегах, не обжитых никем...

О правда, ужель ты в могилу со мною сойдешь?
Нужна ль ты драконам, которым мила только ложь?

Я верю, что черную землю мечта озарит.
Хоть родина тонет во мраке — заря победит.

Знай, даже в ночи непроглядной горят огоньки, —
То светят, блистая в полночных полях, светляки...

То светлые души свободных сияют во мгле
И долгую ночь озаряют на черной земле...

Когда говорят о свободе, царящей в стране, —
Не верь, — эту гурию можешь обнять лишь во сне!

На мелких букашек, влачащих смиренные дни,
Мы смотрим с презреньем — средь нас одиноки они!

Пока меж людьми еще живы сомненья и страх, —
Любимица-правда останется в тайных мечтах.

Насилье и зло безмятежно тираны творят,
Молчит справедливость, и раны людские горят...

Молчанье дано современникам нашим в удел.
Друзей не ищу — слишком рано я их захотел!

Друзья — я их знаю и вижу их мысли насквозь, —
Нет, с ясным умом человека средь них не нашлось!..

Живого меня пожелала судьба схоронить
Средь мертвых, которые жаждут живыми прослыть.

Зачем я, несчастный, родился на свет средь людей
Высокоученых, исполненных «высших идей»?!

Себя как мудрейших на бедной земле они чтут...
Нет чистой еды среди этих прославленных блюд!

Не скажет никто, что его простокваша горька;
Чужую хлебнувши — найдет, что с горчинкой слегка.

К познаньям, к культуре стремятся народы земли.
Мы, выучив азбуку, дальше нее не пошли...

Людьми иль природой куется оружье войны?
Ужели без битв в этом мире мы жить не должны?!

Полями сражений простерлись просторы земли.
Кто слабых осилил, в герои того возвели!

Отшельник в болоте своих заблуждений живет.
Лишь ищущий истину движется твердо вперед!

О слабые люди, учитесь, ищите пути —
Наставника лучше, чем книга, теперь не найти.

Рукой разных наций заполнены жизни листы.
Народ мой, не внес свою подпись один только ты!

Зов: «Встань! Пробуждайся!» — гремит над вселенной давно,
Но спит мой народ... Иль проснуться ему не дано?

Звезда человечества светит, над миром горя,
Всю землю согрела прекрасной надежды заря.

Пылинка в небесных просторах — земля, ты — родник
Неведомой силы, где разум вселенной возник!

Сильней и прекраснее разума нет ничего —
Вся мудрость вселенной сказалась в созданьи его.

О матерь-природа, неведомых тайн ты полна,
Жизнь тысяче тысяч созданий тобою дана!

Откуда взялась эта нежность, пьянящая взор,
В очах у красавиц, — с древнейшей поры до сих пор?

В объятьях любимой блаженство свое нахожу,
И сердцем пылаю и нежные речи твержу...

А ты, о красавица, рада мне зло принести:
Такой беспощадно прекрасной, как ты, не найти!

Что ж, мучь сколько хочешь и кровью упейся моей, —
Не кровь ли твоя в моей чаше — нектара пьяней?

И губы красавиц и щеки их, ярче огня,
В вино превращаются, бедных влюбленных пьяня...

А если тоска замыкает любимой уста, —
Еще несравненней в печали ее красота.

К заросшей цветами могиле, голубка, приди,
Где сердце средь маков горит, как когда-то в груди!

Почувствуй, как жажду свиданья, всем сердцем любя,
Приди, чтобы я не стыдился средь мертвых тебя.

Молитвы читай, вспоминай, на могилу ходи,
Зови среди мертвых застывшую душу Хади!

Кто помнит несчастных, уснувших до судного дня?!
Лежу я в могиле, и нет никого у меня...

1908

АББАС СИХХАТ

Азербайджанский поэт-романтик Аббас Сиххат Мехтизаде родился в 1874 году в городе Шемахе. Первоначальное образование поэт получил в школе отца моллы Алиаббаса. Здесь он изучил арабский и персидский языки и ознакомился с литературой Востока. В дальнейшем Аббас Сиххат учился в Иране. В 1900 году окончил медицинский факультет Тегеранского университета и получил диплом врача.

Проработав около года врачом в Иране, Аббас Сиххат вернулся в 1901 году на родину в Шемаху.

В Шемахе Аббас Сиххат, сблизившись с известным азербайджанским поэтом-сатириком Алекпером Сабиром, способствовал его росту, вместе с ним принимал деятельное участие в общественной и культурной жизни родного города, занимался педагогической и литературной деятельностью.

Писать Аббас Сиххат начал в 90-х годах XIX века. Ранние романтико-лирические произведения Аббас Сиххата посвящены большей частью описанию природы.

В 1912 году опубликован сборник оригинальных стихов поэта под названием «Разбитый саз».

В произведениях «Просвещенные мусульмане» (1910), «Себялюбцам», «Мужество Ахмеда», «Поэт и муза» (1916) и др. Аббас Сиххат критикует равнодушие буржуазной интеллигенции к жизни народа, общественную несправедливость, зовет трудящихся к борьбе за свободу народа.

Аббас Сиххат в совершенстве владел русским, персидским, арабским и французским языками.

Своими блестящими переводами лучших образцов русской и европейской поэзии на азербайджанский язык Аббас Сиххат способствовал распространению прогрессивных литературных идей среди азербайджанского народа и развитию родной азербайджанской литературы.

В 1912 году Аббас Сиххат издал отдельным сборником под названием «Солнце Запада» переводы русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Крылова, Никитина, Кольцова, Горького и др. на азербайджанский язык.

Аббас Сиххат считается одним из лучших переводчиков Крылова.

Литературная и общественная деятельность Аббас Сиххата была обширна. Он писал стихи, прозу и драмы. Будучи педагогом, составлял учебники и писал статьи, посвященные вопросам литературы, культуры, политики, образования и т. д. Аббас Сиххат писал много и для детей. Он издал первое посмертное собрание сочинений Сабира.

Аббас Сиххат умер в 1918 году.

ПОЭТ И МУЗА

Сладостен был майский вечер. Закатилось солнце, и несравненный серебряный серп луны просквозил в темной листве древесной, озарил ближнюю поляну и речку. Одинокий поэт, давнишний созерцатель луны, приподнялся и промолвил так:

Поэт

Дни и годы не умел цели я найти,
Праздно по свету бродил, путался в пути.
Но чего желать, аллах? Ведомо ль тебе,
Как устал я, как скорблю о такой судьбе?
Иль взамен бесед с луной, сказок на лугу
Лишь отчаянье свое услаждать могу?
Но оглянемся кругом! Как прелестна ночь!
Надо скорбь всю понять, чтобы ей помочь.

И только он поднялся, вдруг видит, что молния осветила окрестность, и снова все потухло в глазах поэта. Но с недалекого холма спустилось видение прелестной девицы. Девица несла некий музыкальный инструмент, называемый цитрой, и так молвила поэту:

Муза

Мой возлюбленный, привет! Светел лунный луг.
Над тобою нежный лик. Не печалься, друг.
Цитру звонкую возьми. Близится весна,
Время песен и услад, неги и вина.

Поцелуй мои глаза в сумраке бровей,
Грудь высокую ласкай, тонкий стан обвей.
Пой, как прежде петь умел, встань, одушевись,
Полетим за облака, в голубую высь.

Поэт

Нет, любимая, я стар для любовных нег,
Я другой любви служу, та ушла навек.
Пусть горят глаза твои и уста влажны —
В доме детский плач, тоска и болезнь жены.
Тот раздет и необут, голоден другой,
Кредиторы рвут долги, я в петле тугой.
Ты велишь мне рифмы плесть, петь венчальный гимн?
Нет, любимая, прощай, уходи к другим.
Разлюбил я голос твой, позабыл тебя,
Потерял тетрадь стихов, юность загубя.

Муза

О неблагодарный друг! Где твой ранний дар,
Вдохновенье, блеск ума, вечно юный жар?

Поэт

Ты, вручая мне огонь, омрачила дух.
И любовь моя росла тайно, как недуг.
Потому-то я и стал жалким голышом,
А ведь мог бы торговать в лавке с барышом.
Почитаемый в кругу близких и родни,
Мирно кончил бы свои старческие дни.
Все твердили бы: Гаджи — имярек — хорош!
Мог бы стать еще муллой за народный грош,
Упоенно бы служил, как велит ислам,
Важен, ревностен, учтив, пел бы небесам.
Почитал бы свой Коран, помнил каждый стих.
Но с тех пор как облик твой пламенный постиг,
Кто я? Нищий и банкрот, выжатый вполне...
Даже к собственным стихам страсти нет во мне.

Муза

В бренном мире нет судьбы равной по красе!
Человечьи судьбы — тлен. Рассмотри их все.

Я дарю тебе весь мир, молодость дарю,
Душу песней затоплю и зажгу зарю.
Ты избавлен от обид, чист от мелочей,
Созерцаешь ад и рай, и слуга ничей.
Захоти лишь, я сольюсь навсегда с тобой.
Что ж ты жалуешься так, угнетен судьбой?

Поэт

Помню школьные года, алгебры урок.
Вдруг раздался тихий твой нежный говорок.
И сейчас же поднялись, облик изменя,
Скорпионы цифр и букв, чтоб терзать меня.
Шли недели. Я сходил медленно с ума.
Стал бродягой. Ты меня путала сама.
Я к ученью охладел, балагур и врун,
Всё готовый потерять, кроме звонких струн.
Встречу девушку — и вдруг тень твоя встает.
Старый мусульманский мир в памяти поет.
Словно грузчика согнув, навалив мне кладь,
Приказала донести и не растерять.
Бич соседей-мусульман, обличитель зол, —
Что я нажил? — Ничего! Лишь врагов нашел.
Даже старая жена стала мне врагом.
Без копейки, без друзей и в долгах кругом.
Вижу: следует разбить звонкий мой кумир!

Муза

О любимый, не грусти! Краток бренный мир.
В вечной радости пари, крыльями гребя,
Человечеству служи и забудь себя.
С низким другом не водись, облаков жилец,
Ненавидь удел раба, вольности боец.
Я зову тебя вперед, дальше звездных сфер.
Там щедроты без границ, широта без мер,
Сонмы ангелов летят, крыльями гребя.
Пляшут гурии как встарь, пери ждут тебя.
Так спеши! За мной, со мной, глубоко дыши!

Поэт

О любимица моей конченой души!
Уведи меня отсель, протяни крыла́.
Я устал от всех потерь, жизнь моя прошла.

Но оттуда, с облаков, с звездной высоты,
Взглянем мы с улыбкой вниз оба — я и ты...

И тут поэт в беспамятстве падает. Прелестное видение исчезло. Над распростертым склоняется юноша в городской одежде и, горько улыбаясь, как бы рассуждает сам с собой:

Горожанин

Ишь, разлегся весельчак, будто на кровать.
Кончил важные труды, бросил пировать.
Как он бледен, как он тощ! Как лицо мертво!
Труп живой иль гроб живой — вот портрет его.

Тут поэт открывает всё же глаза и заявляет:

Поэт

Назови меня — Меджнун, впавший в скорбный бред.
О безумье не забудь, дорисуй портрет.

Горожанин

Что ж, портретик недурен. Объясни мне, в чем
Заключается печаль, чем ты удручен?

Поэт

Стар, устал, убит нуждой.

Горожанин

Встань, открой глаза.
Будь мужчиной и бойцом. Унывать нельзя.
Всякий, глядя на тебя, так же загрустит.

Поэт

Убирайся!

Горожанин

Слушай, друг! Это срам и стыд.
Время важное пришло. Будет горячо.
Если ты талантлив, смел, если жив еще,
Если совесть не молчит, не продажна честь,
Если сердце не кремень, — встань! Работа есть!
Каждый, глядя на народ, жалостью горит.
Наша помощь — только долг. Этот путь открыт.

Поэт

Совесть, молодость, талант — всё во мне мертво.
Не тревожь, прошу тебя, пенла моего.

Горожанин

Брось болтать. Ты жив, здоров, рослый человек,
Не похож на большинство, не в ряду калек.
Соплеменники твои стонут в кандалах.
Пытка мучит их тела, души губит страх.
Эй, гуляка и болтун, чем ты занял ум?
Душу продал кабакам, шлялся наобум,
Карты, нарды, домино, шахматы всю ночь,
Клубный звон, шашлычный дым — отметаю прочь!
Разве ты не услыхал родины своей?
Разве мать не вправе ждать милых сыновей?
Если матери беда, сын не смеет спать!
Подымись! Позор и стыд! Говорю опять.

Поэт

Понял. Ясные слова. Но к чему упрек?
Разве я боец и вождь? Разве я пророк?
Я беспомощный лентяй, бесполезный трус,
За великие дела даже не берусь.
Любит публика мои легкие стихи,
Много в них нарядных слов, пестрой чепухи,
Только дерзости одной, только силы нет.
Я не вождь и не боец, а простой поэт.

Горожанин

Можешь стиля не создать, гением не быть,
Несравненных редких слов нам не раздобыть.
Но поскольку ты поэт, встань, садись, пиши.
Вырви из народных недр, из людской души
Всё, чем родина больна, чем горит в жару,
А не то ступай домой и одень чадру.
Муж-девчонка, шах-лакей, пожилой юнец,
Ты разбит параличом, разорен вконец.
В небе молнии рассыпь, бурю подыми —
Будь покоен: прозвучит песня меж людьми!

Поэт

Горожанин, ты мудрец и, наверно, прав,
Но, житейские дела плохо разобрав,

Счел отступником меня и лгуном назвал.
Посмотри: я сам в цепях, а вокруг — обвал.
Вечной истиной клянусь, честью и детьми,
Солнцем, небом и землей — я в цепях, пойми.
Совесть шепчет мне слова в яростной красе,
Как на грех, они во рту застревают все.
Убежать? Но крут мой путь. Ноша на плечах.
Поневоле я в пустых песенках зачах.
Разве птицу понесет сбитое крыло?
Разве странно, что в слезах сердце изошло?
Есть последняя мольба даже у раба:
«Дай терпенья мне, творец», — вот и вся мольба.

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Брат мой, любимый товарищ и друг,
Горе и беды ты видишь вокруг!
Пусть же душа не томится твоя,
Знай — разожмутся тиски бытия.
Не ужасайся и, глядя вперед,
Верь в свою силу и в этот народ.
Пусть обнимает тирана тиран.
Мир изнемог от бесчисленных ран.
Пусть зацветет он рассадником зла,
Пусть попирают святые дела,
Пусть нас приказов железо сечет,
Пусть наша кровь по дорогам течет,
Пусть тирании неправедный гнет
Мудрых поносит, правдивых гнетет,
Знаю, поверь мне, что время придет —
Шедший к свободе свободу найдет.
Земли в один обратятся цветник,
Только любовь будет царствовать в них.
Полною чашей станет страна,
Горе и гнет уничтожит она.
В мире не станет ни зла, ни вражды,
В счастье и в солнце утонут сады.
Высохнет слез многолетний ручей,
Не будет виновных и палачей.
Брат мой, ты сказкой надежд не считай.

В будущем правду о них прочитай.
Взглядом окинь мирозданье. Оно
Тяжких мучений и пыток полно.
Темень со всех наступает сторон.
В черную кровь человек погружен.
В распрях, несчастьях народ изнемог —
В жизни он вытерпел больше, чем мог.
Очи подняв, наш печальный народ
Ищет весну эту, ищет и ждет.

ОГОНЬ

О, работай, перо, огонь извергай,
Суеверья, невежества тьму разгоняй!..
Эй, встряхнись кто застыл, у кого сонный вид!
Посмотри: чудеса наука творит.
Чушь внушали тебе, ты выслушивал вздор, —
Рок, судьба — это всё пустой разговор.
Ты надеялся: счастье тебе принесут, —
Оттого-то и пуст твоей жизни сосуд.
Надо волю иметь, надо сильно желать,
Надо за руку будущее хватать!
Невозможного в мире сегодня нет,
Всё пробьет, всё осилит науки свет.
Каждый сможет сегодня достичь своего,
Коль усвоит, что знание — сила его.
Потому, добиваясь цели своей,
Для науки ни дней, ни труда не жалей.
На земле или в небе — где бы ни был ты,
Не отказывайся от дерзкой мечты.
Будь усерден — и будешь властен, могуч.
В суть вещей углубись, это к подвигу ключ.
Ты за счастье борись, а не верь судьбе!
Даст наука широкие крылья тебе,
Чтоб как птица летал, чтоб, исполнен сил,
Всем владел ты, все тайны природы раскрыл.
Жизнь на свете лишь силе подчинена,
Всё, что слабо, что хило, губит она.
Будешь счастлив, науку как мощь любя.
А иначе, поверь, уничтожат тебя.

МУЖЕСТВО АХМЕДА

Немолчно день и ночь грохочет Черный город.
Работа тяжела, и воздух там тяжел,
И всё кругом черно, и все черны, как порох...
Иранцем был Ахмед, работу здесь нашел.

Тверды мозоли рук, а плечи в кровь истерты.
Он деньги слал домой, где мать, сестра да брат.
Он помнил свой народ, измученный и гордый,
Хоть жил сейчас вдали, без ласки и добра.

Тяжелый долгий труд в жаре и адском гуле
Не истощили сил, душа огня полна.
Однажды слышит крик — и с площадей и с улиц:
Газетчики вопят: «В Иране бунт! Война!»

Газету он прочел, от гнева содрогнулся —
Его страна в огне, горит Иран родной:
Изгнанник — старый шах — отбить престол вернулся,
Восстал народ простой, вступил он с шахом в бой.

Отряды шли прогнать иранского тирана,
Немедля в их ряды идти Ахмед решил...
Вернулся он в Иран, заныла в сердце рана...
В селениях пустых холодный ливень лил.

И женщины с детьми в степи дрожат от страха:
Разорены дома набегом беков-псов,
Растерзаны мужья приспешниками шаха,
Повсюду тишь могил, а в пепле — слезы вдов.

О, боль земли родной! О, горький траур вдовий!
В слезах сказал Ахмед: «Пусть тот, кто виноват,
Кто всё разбил и сжег, — своей заплатит кровью!»
И зубы сжал Ахмед и заспешил в отряд...

А ветер стылый дул, гудел, как голос трубный,
Под этот грубый рев Ахмед шел напрямик,
А буря била в грудь, дышалось в буре трудно,
Но вдруг в степи и впрямь напев трубы возник!

Повстанцев вел Ефрем, Ахмед их обнаружил, —
Свободы алый флаг дружинников собрал.
И к ним Ахмед примкнул и получил оружье,
Теперь уже в строю с друзьями он шагал.

Полями шли они, где всё знакомо было...
Уже его село виднелось за холмом.
Ахмеда бил озноб, и сердце тяжко билось,
Но только слезы с глаз смахнул он рукавом.

Глаза сощурив шел и, полон острой грусти,
Хотел увидеть мать, приникнуть к ней челом...
Но вдруг она его с повстанцами не пустит?..
А звуки звонких труб уж плыли над селом.

И сразу детвора усыпала дорогу,
Детишек оглядев, увидел брата он.
И, обо всем узнав, прогнал Ахмед тревогу
И с братом передал он матери поклон!

Теперь бодрей глядел и стал сильнее духом,
Спокойно ожидал последнего броска, —
На следующий день сошлись у Фирузкуха
Дружинников отряд и шахские войска.

Начался бой с утра, стрельба по всей округе,
Повстанцев бил огонь, хлестал железный град.
Ахмед увидел кровь — и задрожали руки,
Валились все вокруг, как листья в листопад...

Но в этот страшный миг опять запели трубы,
Опомнился Ахмед, исчезла страха тень, —
Он ринулся вперед, через пальбу и трупы...
Повстанцы и войска сражались целый день.

Метель кружила снег, летели градом пули,
Забил из пушек враг, войска пошли стеной.
Повстанцы стали вдруг, и, дрогнув, повернули.
И крикнул тут Ефрем: «Товарищи! За мной!»

И подхватил Ахмед: «За родину! В атаку!»
И вновь, сомкнув ряды, рванулся в бой отряд,
Чтоб люто отомстить предателям-собакам...
Вот шахские войска отброшены назад.

Ахмед был невредим, и страха он не ведал,
Так почему ружье он выронил из рук? —
В тот самый миг, когда была близка победа,
Он, пулею сражен, на землю рухнул вдруг.

Жестокий бой кипел до наступленья ночи,
И победил отряд, войска разбив дотла...

Пришла пора полей, пора набухших почек.
Ахмеда мать-вдова в неведеньи жила...

Колени охватив, сидела у порога,
Выспрашивала всех — найти хотя бы след! —
И долго-долго мать глядела на дорогу...
И всё же дождалась: вернулся к ней Ахмед!

Сестра, и брат, и мать его в слезах встречали,
Но благость этих слез — не горечь слез печали!

ПТИЦЫ

Не покидайте нас, о птицы, —
Без вас страдать мне и томиться.

Мне нужен звонкий птичий щебет —
В траве, на крышах или в небе...

О, только б вы не улетели!
С ветвей прольется дождик трелей.

Невольно птицам песней вторишь,
Без них приходит в сердце горечь.

Зачем вам странствовать по свету,
Пустой оставив землю эту?

Но все мольбы мои впустую:
И я без щебета тоскую.

Я только слышу отзвук дальний,
Он всё печальней и печальней:

«Близка зима, и воздух стынет,
И дышат холодом пустыни.

Нам зимовать пора на юге,
Чтоб не застыла кровь от вьюги.

А долгожданных встреч отрада
Сильнее, чем разлук отрава!

Растает снег. И ливни хлынут,
С вершин сойдет вода в долины,

И будут полны мутной влаги
Ущелья, пропасти, овраги.

Кипенье вод, их рев и грохот, —
Земля очнется с долгим вздохом!

И станут дни длинней и чище,
И ты услышишь — птицы свищут!

Вернулись все к местам знакомым,
Вновь посвист, щелканье и гомон...

Возня и шорох в старых гнездах,
И снова бродит пряный воздух.

И всё омыто новизною,
И все сердца полны весною!

КОЧЕВКА

Роса весны на склонах голых,
Пора уж в путь, окончен отдых.
И мокнут женские подолы
В воде дорожных луж холодных.

Идут мужчины и подростки,
Идут невесты в покрывалах,
Кто в башмаках, кто в туфлях жестких,
По тропам горных перевалов.

В ущельях крики, гул и ругань.
Бараны, кони, овцы, люди.
Возы волы влекут с натугой,
Идут верблюдицы, верблюды.

Волу грозит шестом возница,
А на верблюде мальчик едет, —
Всему смеется и дивится,
Поет про всё, что он заметит:

«Верблюд мой белый шагом томным
Бредет вперед, бредет без лени.
Печаль в его глазах огромных,
Мозоли на его коленях.

Верблюд мой белый к песне глух.
Бредет к воде: юх-юх!
Верблюдица во весь свой дух
Ему в ответ: юх-юх!»

ПЕСНЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

Если б я не сеял просо и кунжут,
Если бы в пшеницу не вложил я труд,
Голод погубил бы маленьких детей!

Если бы не сеял льна и конопли,
Паруса откуда взяли б корабли?
Не хватило б даже платья у людей!

Не косил бы трав я, — не было кормов,
Как же я доил бы коз или коров?
Без сыров и масла стало б голодней!

Если бы не пас я баранту в горах,
Не было бы шкур для шуб и для папах,
Чтоб зимою людям стало потеплей!

На земле безделье — самый тяжкий грех,
Мать-земля согреет и прокормит всех, —
Только будь достоин матери своей!

ВОР И ЕГО МАТЬ

Однажды, балуясь, бездумный мальчишка
Тайком у приятеля вытащил книжку.

И книгу принес домой он украдкой,
У матери спрятал — всё будто бы гладко!

А мать, онемев, наказать не решалась
Любимого сына за глупую шалость.

И школьник решил: «Поступаю по праву».
Сперва воровство превратил он в забаву.

«Зачем же чурек выпекать для обеда,
Коль можно пирог утащить у соседа?!»

Потом он забросил ученье и скоро
Пошел по дорожке бандита и вора.

Утратил он совесть, и доблесть, и разум,
Прослыл он напастью опасней проказы.

Однажды в свирепом набеге разбойном,
Попавши в засаду, убийца был пойман.

Его по закону судили, немедля:
«За все злодеяния — голову в петлю!»

Бандит был испуган решеньем суровым,
К суду обратился с последним он словом:

«Неужто же смертной достоин я казни?!
Преступника мать ведь гораздо опасней!

Я книгу похитил, и с первого раза
Я матерью не был примерно наказан.

Ведь если б отведал родительской палки,
Не стал бы теперь я пропащим и жалким!

И кто ж виноват, что я плохо воспитан?
Кто должен быть ныне за это убитым?!»

ЛЕНТЯЮ

Вставай, лентяй, проснись, лентяй!
Своей судьбы не упускай.

В лучах зари блестит роса.
Никто не спит! Открой глаза!

Ты у себя крадешь часы,
Не зная свежести росы.

В безделье затхлом ты зачах.
Твоя ж судьба — в твоих руках.

А коли толку нет рукам,
Ты бестолковым станешь сам.

Ведь мы живем своим трудом,
Искусством рук, как волшебством!

РОДИНА

Огонь моей души и свет ума и сердца!
О родина моя, любимая до смерти!

Меня вскормила ты, воспитан я тобою, —
Могу ль забыть тебя? Мы связаны судьбою.

Ребенка молоком накормит мать с любовью,
И молоко потом течет по жилам кровью.

Вот так всегда во мне — земля, народ и воздух,
Как помню я всегда о солнце и о звездах.

Хозяйничать не дам врагу в твоих просторах,
И станет гнев огнем, и вспыхнет кровь, как порох!

А горы кто забыл, яйлаки и ущелья,
Предатель тот и трус — и нет ему прощенья!

И предков чтит она, храня надгробий плиты,
Ребенку — колыбель, а юноше — защита.

И тот не человек, кто как чужой в отчизне.
О, свет моей души и вечный факел жизни!

ШКОЛЬНИК

В полной форме школьник вышел,
Сумку вздернул он повыше,

Побежал скорее в школу,
Свежий, славный и веселый.

Книги утром, книги в темень, —
Не отстать! Идти со всеми!

Больше знаем — больше будем
Мы полезны нашим детям!

Слезы пусть глаза не застят,
Мы тебе желаем счастья.

Хоть и трудно, всё же нужно —
В град и в дождь, и в зной и в стужу.

И в ученье ты получишь
Всё, чтоб жизнь построить лучше.

Посмотри — ученый тоже
То расстроен, то встревожен.

Неудачи и помехи —
Только плата за успехи.

Ты устал, охрипло горло,
Но учись, малыш, упорно,

Чтоб ума была палата,
Чтоб страна была богата,

Чтоб успехами своими
Человека славить имя!

СТАРУХА И ЕЕ СЛУГИ

Петух старухе помогал —
Перед рассветом запевал.

Закукарекает петух —
Старуха сразу будит слуг.

Не сжились слуги с петухом —
Его зарезали тайком,

Чтоб на рассвете не кричал,
Чтоб вволю выспаться давал.

Сказался здесь хозяйский нрав,
И, хитрость эту распознав,

Она сама, не тратя слов,
Будила слуг до петухов.

БАСНИ

ЖАДНЫЙ ТЕЛЕНОК

Однажды два теленка,
Уйдя от всех в сторонку,
Решили, что в овраге
Полно травы и влаги.

Когда спустился вечер,
Подул холодный ветер,
Один, толкнув другого,
Сказал телячье слово:

«Здесь пропадешь без толку,
Попавши в зубы волку!»
Второй сказал: «Едва ли,
Тут волка не видали.

Ступай домой, теленок!
Трава сочна по склонам:
Вся уместится в чреве, —
Тогда посплю я в хлеве».

Искать в селе защиты
Ушел теленок сытый.
А волк явился следом
И жадным пообедал.

Щебечут птицы звонко,
В траве белеют кости,
От жадного теленка
Остался жалкий хвостик.

МЕДВЕДЬ И ЛЕВ

Медведь и Лев в союз вступили прочный,
Для пира изловили зайца срочно.
Но всем известен хищников обычай:
Не поделивши общую добычу,

Полезли в бой: удары, рев и вопли...
Порвали шкуры и в крови намокли.
Не вколотив друг в друга истин явных,
Упали наземь — в единеньи равных!
Лиса, не слыша их возни и воя,
Пришла — стащила зайца с поля боя!

Вконец добиты наглостью такою,
Союзники смотрели вслед с тоскою...

МУРАВЕЙ И МУХА

Так Муха Муравью жужжала:
«Ведь я знатней тебя, пожалуй!

И всем моя известна смелость:
Хочу — лечу, хочу — уселась.

А сесть могу — на каждом блюде,
Куда влечу — мой дом и будет!

А ты ничтожен и тщедушен,
С утра ползешь поспеть на ужин.

А я быстра, быстра и буду
В беде, в еде, всегда и всюду!

Лишь тень беды примечу глазом —
Меня уносят крылья сразу.

Я ем всегда, везде и вволю.
Найди еще такую долю!

На шелке сплю и ем я сахар,
Живу в меджлисе и у шаха.

А ты что видел, что изведал,
И с кем знаком, и где обедал?»

Но Муравей ответил скупо:
«Чужим богатством хвастать глупо!

Ничем не занятая летом,
Зимой — не сыта, не согрета.

А я в тепле зимою смело:
Запасы, дом — я дело сделал!

Я счастлив тем, что всё умею.
Лентяю жить куда труднее. . .

А ты, спесивости полна,
Из мухи делаешь слона».

ОСЕЛ И ЛЕВ

С одним Ослом был странный случай:
Он видит — Лев идет могучий.

И поднял сразу крик великий!
Сбежались все на эти крики.

Заметив Льва, без малодушья
Все люди взялись за оружье.

Увидел Лев: близка расправа —
И удалился величаво.

«От страха зверь укрылся в чаще! —
Тогда решил Осел кричащий.

Меня боишься, трус паршивый?
Где я — не жди себе поживы!»

И, осмелев, пошел по следу,
Смакуя легкую победу.

А Лев, взглянув с брезгливой миной
На пакостный галоп ослиный,

Свалил Осла ударом лютым
И угостился свежим блюдом.

Когда бы крик был силой главной,
Ослы могли бы править славно!

ЛИСА И ОБЕЗЬЯНА

Лисе сказала Обезьяна:
«В природе всё не без изъяна:

Вот я — бедна, гола, жалка я,
Ты — ходишь в мехе утопая.

А шуба так теплом и пышет!
А хвост? Как он красив и пышен!

Не стыдно ли тебе, Лисица,
Так перед нищими хвалиться?!

Ведь у тебя довольно меха,
А хвост, по-моему, помеха.

И он тебе совсем не нужен,
Меня же спас бы он от стужи».

Лиса сказала: «Не ищи ты
Такой от холода защиты!

Ненужный пусть имеет вид он, —
Природой каждый хвост рассчитан:

Слыла б я вором и шакалом,
Когда б следы не заметал он!»

ГУСЕЙН ДЖАВИД

Выдающийся представитель азербайджанской поэзии XX века Гусейн Джавид Расизаде родился в 1882 году в городе Нахичевани. Отец Джавида, Гаджи Молла Абдулла Шахтахтлы, являлся духовным лицом — ахундом, имел хорошее образование и был влиятельным человеком в Нахичевани. Начальное образование поэт получил в родном городе в духовной школе. Отец намеревался подготовить сына для получения духовного ввания.

Джавид продолжительное время страдал болезнью глаз. Она началась у него в раннем возрасте, во время обучения в начальной духовной школе и в последующие годы прогрессировала. В 1901 году для лечения глаз и продолжения образования Джавид уехал в Тебриз. В Тебризе он учился в духовной школе — медресе; изучал арабский, персидский языки и литературу. Во время учебы болезнь Джавида усилилась. После года обучения в медресе поэт вынужден был прервать занятия и возвратиться на родину. Затем продолжительное время он занимался самообразованием. Глубоко и с большим интересом изучал произведения азербайджанских и восточных классиков. В 1905 году Гусейн Джавид поехал в Турцию. Там он поступил на литературное отделение Стамбульского университета. В Стамбуле Джавид встречался с известным турецким поэтом-философом Рза Тофиком и другими видными турецкими писателями и поэтами. После возвращения на родину из Стамбула в 1909 году Джавид начал литературно-педагогическую деятельность. В школах Тифлиса, Гянджи, Нахичевани он длительное время преподавал азербайджанский язык и литературу, занимался воспитанием молодого поколения. В 1918 году Гусейн Джавид переселился в Баку, где продолжал преподавательскую работу.

Литературную деятельность Гусейн Джавид начал в 1906 году. Первое стихотворение его опубликовано в журнале «Феюзат» за подписью «Расизаде». Затем, в 1913 году, Джавид опубликовал первый сборник стихов «Минувшие дни» и в 1917 году второй сборник стихов — «Весенние росы».

Талантливейший поэт-романтик Гусейн Джавид писал главным образом драматические произведения. Его первая драма — «Мать» написана в 1910 году. Пользуются широкой известностью написан-

ные Джавидом после первой мировой войны драмы «Шейх Санан», «Иблис», «Шейда», «Марал», «Пропасть» и другие. После установления советской власти в Азербайджане Гусейн Джавид написал пьесы «Афет», «Пророк», «Хромой Тимур», «Князь», «Саз», «Сеявуш», «Хайям» и другие, а также поэму «Азер». В 1926 году Гусейн Джавид лечился в Западной Европе, посетил Берлин и другие города Германии. Впечатления, вынесенные из этой поездки, широко отразились в его поэзии («Азер» и др.).

Гусейн Джавид умер в декабре 1941 года.

В БАКУ

Беседа Масуда и Шафиги

Шафига

(Показывая издалека нефтяные вышки Масуду)

Видишь, пятно лесов по небу растеклось...
Темен лес и красив — просится он на холст.
Разве не кипарис взвился там к облакам?
Ты удивить хотел? Или ты мне солгал?
Будто, блуждая здесь, в городе, без конца,
Ты не встречал нигде кустика, деревца?..
Тут шелестят леса кронами на ветру,
Разве твоей душе это не по нутру?
С каждой весною вновь радость они дарят,
Видно, и люди здесь счастливы все подряд...
Что ж, ты, лгунишка мой, пойман теперь на лжи?..
Разве я не права? Ну, не молчи, скажи!..

(С удивлением)

В горькой улыбке вдруг твой искривился рот?

Масуд

...Прости, родная... всё наоборот.
Пейзаж, пленивший издали твой взор,
Необычаен, — не об этом спор.

Гусейн Джавид

На первый взгляд — отличные места.
Однако — схожа ль с истиной мечта?
«В мечте живут — и счастье и краса...
У истины — печальные глаза».
Тебя манит тот стройный кипарис —
К нему, к другим поближе присмотрись.
Не зеленью, а копотью темны
Стоят там рощи вышек нефтяных,
Чудовищных надгробий мрачный ряд,
Они над степью мертвою царят...
Снедаем жаждой — не напьешься ты,
Здесь задохнулись травы и цветы...
Здесь ямы жижей черною полны,
Спирает дух от смрадной пелены.
Да это лес отчаянья и зла!
Здесь погибают человек и злак!
Одни падут — другие обретут
Терпение и непосильный труд.
По лицам их ты их судьбу прочти —
Как смехотворны жалкие мечты.
Кто тут дотянет до седых волос —
Смотреть на них и то нельзя без слез!
Вот что такое хлеб свой добывать!

Шафига

Друг мой, уйдем скорей!

Масуд

Ты — и так быстро вспять?

Шафига

Сердце мое вот-вот выскочит из груди,
Милый, мне твой рассказ душу разбередил.
Хватит ли сил моих видеть горе и зло, —
Может, вернуться нам к дому, пока светло?
Думаю я о тех, пришлых, нищих, больных,
Дальних краев сыны — горек наш край для них.
Жизнь — за жалкую жизнь, — плата так велика,
Спину железо гнет — ноша так нелегка!
Толпы сюда стеклись, толпы в поту черны,
Толпы в черном аду — смерти обречены.

Жены их ждут домой, матери ждут домой,
Долго в надежде ждут, дольше в тоске немой,
Летом ждут и весной, осенью и зимой, —
Их, погребенных здесь, всё еще ждут домой...
И, не дождавшись их, сами пойдут с сумой,
Или — прощай-прости скажут жизни самой.
Где ты, отец и сын? Где ты, любимый мой?
Где ты, праведный бог?! — вечно их ждут домой.
Впалой грудью вперед, руки оголены,
Так они и живут, так и падут они.
Ямы с жижей густой станут могилой их,
Всё лишь затем, что жизнь — вечно влечет живых.
Сколько сломано тут ребер, и рук, и спин, —
Много разных людей, ну, а конец — один.
Я не пойду туда, сердце грызет тоска,
Встречу я там беду, радости — не сыскать!
Бойни кровавый след — черной жижи поток.
Мрачных надгробий ряд — как этот лес высок!
Лес без кустов и трав, лес бессилья и зла...

Масуд

Ты думаешь, что всё ты поняла?
Любимая, в ошибку не впадай,
Не только злом отмечен этот край.
Да, нефть черна — и не найдешь черней,
Но с нею мир становится светлей,
У тех колодцев — золотое дно,
Им поклоняться здесь заведено.
Паломники стекаются сюда.
При нефти жизнь — роскошна и сыта.
Дворцы, чертоги — всё, чем город горд,
От этих вышек повели свой род.

Шафига

Правда. Но ты ведешь лишь о богатых речь, —
Тех, что не знают слез, не утруждают плеч.
Но не забудь других — гибнущих каждый час, —
Вытравит лица пыль, легкие — выест газ...
И почему во тьме бедные гнить должны?
Где справедливость, где?!

Масуд

...Сложны
Твои вопросы, милая моя,
И разрешить их не сумел бы я;
На них ответа в наше время нет.
Лишь будущее даст на них ответ.

1913

ЖЕНЩИНА

Сестра дорогая, скорее проснись!
О, нежная мать, подымись, распрямись!
Всегда тебя, женщина, горе гнетет,
Всегда утопаешь в пучине забот.
Но тает кромешная тьма на земле,
Заря занимается в горестной мгле.
О встань же, подумай, вокруг погляди:
Отчизны сыны, что устали в пути,
Тобой вдохновляются, дышат, живут,
Чтоб ты исцелила их раны — так ждут!..
Детей ты растишь и лелеешь, о свет,
Народ — сирота, если матери нет.
Тяжка твоя доля, в словах не сказать,
О, если б сама ты решилась понять!

О женщина, брось покоряться судьбе:
Ведь силы и стойкости столько в тебе!
Тебе ли, чудесной и нежной, в ночи
Сносить унижения, рабство влачить?
Кто может, кто смеет тебя оскорблять?
Кто есть ты — пора оценить и понять!
Тайком не вздыхай от своих неудач —
Ты лучше слезами протеста заплачь,
Заплачь, чтобы вопли дошли до сердец,
Чтоб совестно стало мужьям наконец,
Чтоб голос твой нежный разнесся кругом, —
Ведь сила могучая кроется в нем!
Заплачь, чтоб разнесся раскатистый гром!

Прости человеку неверный совет,
Меня ты не слушай, не надо, о нет!

Сказав тебе: «Плачь!» — я ошибку свершил:
Что слезы? От них не прибавится сил.
Безбожно твои попирают права.
Борись, распрямляйся, ты будешь права!
Из тьмы выходи и, как воин-герой,
С насилием ринься в неистовый бой!
Берись за науку, учись день и ночь,
Невежество, слабость, неверие — прочь!
Мужай, не надеясь на помощь в борьбе, —
Ты только одна, ты поможешь себе!

1913

ШЕЙХ САНАН

Перед его гробницей

Проснись, о старец блаженный! Отбрось неведенья
сон!
Встань, не теряй времени, — увидишь конец времен.
Слетели ангелы с неба к твоей могиле святой.
Ныне твоя гробница — райский цветник густой.
В небе неудержимо звезды горят, взгляни!
С этими звездами неба спорят Тифлиса огни.
Пойдя за красавицей следом, ты верой своей
пренебрег.
Догмы Корана отбросив, сошел с господних дорог.
Но после себя оставил путь, что сам проложил.
Покуда стоять вселенной — тот путь будет людям
мил.
Камни твоей гробницы люди целуют, любя.
Каабу любви ты создал для всех, чтущих тебя.
Любви толкователи спорят о ней — и ночи и дни.
Почувствовав святость Санана, сразу умолкнут они.

Не было б смысла в созданьи вселенной, —
не прекословь! —
Если б не цель мирозданья — бесспорная цель —
любовь. . .

НЕ РАДУЙСЯ ЧУЖОМУ ГОРЮ

Не радуйся чужому горю, милый,
Злорадство брось, не смейся над бедой,
И не встречай улыбкою постылой
Того, кто схвачен горькою нуждой.

Насмешка, едкое словцо порою
Ножом пронзают сердце на года.
И помни: тот, кто ранен был тобою,
Уже не исцелится никогда.

Не оскорбляй! А волю дашь гордыне
И оскорбишь — откроешь мести путь.
Заплачет завтра, кто смеется ныне.
Не рань других, всегда отзывчив будь!

УЛЫБНИСЬ

Цветок души, улыбнись! Твоя улыбка нежней
Всего, что в мире большом мне счастье дарит, пьяня,
А шелест крыльев твоих, мой утренний соловей,
На выси творчества вмиг всегда возносит меня.

Зачем на светлом лице туман неведомых бед?
Зачем течет по щекам слезинок нежных роса?
Ведь если сквозь стену туч проглянет солнечный
свет,
Твоя улыбка взлетит, как радуга, в небеса.

Твоя улыбка равна странице жизни моей!
Тебе неведом самой предел твоей красоты!
Играет нежность в тебе, как волны в шири морей!

Цветок души, улыбнись! Сорви стесненья печать!
Меня своей красотой, как цепью, сковала ты!
Как раб стою пред тобой, как столп — я должен
молчать.

НЕ ВИДЕЛ

Оглушенный, я поддался крику сердца моего —
И, влюбленный, кроме боли, я не видел ничего.
Жаждет верности красавиц истомленная душа.
Кроме горемычной доли, я не видел ничего.

Розы без шипов не видел и сияния без тьмы,
Только влюбимся — и сразу жить должны в разлуке мы.
Верят в вечную усладу только жалкие умы.
Кроме ветра в чистом поле, я не видел ничего.

Я видал там много слабых исстрадавшихся сердец.
Я жалел людей, не зная, где двурушник, где подлец.
В тех, кого считал я другом, разуверился вконец.
Кроме гадов — им раздолье! — я не видел ничего.

Скрыта горечь за любовью, за улыбкой скрыта лесть.
Наше счастье — бледный отблеск зорь, которым
не расцвесть.
Может статься, ошибаюсь? Всё, что здесь привел я, —
есть.
Кроме злобы и неволи, я не видел ничего.

ТУБЕРКУЛЕЗНАЯ ДЕВУШКА

Пожелтевшая роза, мерцающий отблеск огня,
Ты мечтаешь о жизни, болезни своей вопреки...
Как печаль твоих глаз беспокоит и мучит меня!
Почему дни весны твоей так коротки?

Не печалься и в тайное тайн не вникай —
О, задумчивость вечно приводит к беде!
Возвратится былая беспечность пускай.
Где игривость и резвость обычная, где?

Я хочу, чтоб поклонники звали тебя
Вечной спутницей радости, счастья сестрой.
Для чего, глаз сиянье слезами губя,
Ты тревожные думы лелеешь порой?

О, не знаю, чем чары твои так сильны,
Что душа моя вечно полна лишь тобой!
Улетишь словно ангел, жилец вышины,
Унося мое сердце за свод голубой...

ПЕСНЯ ЧАБАНА

Пусть в саду улыбаются розы в цвету,
Соловьиные трели летят в темноту —
В одинокой душе ты найдешь пустоту.
Где, любимая, ты? Слезы горькие лью.

Мое сердце глубокой печали полно —
От моей чернобровой нет вести давно.
Вместо радости жизни — лишь горе одно.
Где, любимая, ты? Слезы горькие лью.

Я красавиц других не хочу замечать
И весну за весной без любви провожать,
Я похож на дитя, потерявшее мать.
Где, любимая, ты? Слезы горькие лью.

По родимой земле я хожу, как чужой,
Я, как пленник, один со своею тоской,
Рай земной для меня будет только с тобой.
Где, любимая, ты? Слезы горькие лью.

Не могу по любимой тоску заглушить,
Я другой красоту не могу полюбить,
Но «не может ведь ястреба сыч заменить».
Где, любимая, ты? Слезы горькие лью.

Под дугою бровей так светла бирюза, —
Как я вспомню любимые мною глаза,
На ресницах моих засверкает слеза.
Где, любимая, ты? Слезы горькие лью.

Хоть капризами часто дразнила она,
Но любила меня и была мне верна;
И со мною всегда так нежна и томна.
Где, любимая, ты? Слезы горькие лью.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Вчера еще цвела в очах огней игра,
Сегодня горечью они полны до дна,
И речь, веселая и бодрая вчера, —
Сегодня тягостным унынием полна,
И песня грустная чуть тронула уста,
Уснула в ней навек вчерашняя мечта.
На всё тебе судьба нежданный шлет ответ,
Забудь скорее дни тяжелых неудач,
Еще вчера счастлив ты был — сегодня нет;
Вчера ты нищим был — сегодня ты богач.
Забудь же поскорей печальные мечты:
Никто тебя не знал — сегодня знатен ты.

Стал мир совсем иным — нельзя его узнать,
И превратилось в кровь вчерашнее вино.
Обеты прежних дней не может мир сдержать.
Руины, и дворцы, и хижины — одно.
Богатство потерял тот, кто вчера блистал,
Вчерашний лютый враг любимым другом стал.

Всё в жизни движется, меняется, течет,
Законы новые сегодня жизнь ввела.
Наука за собой открытия влечет —
Сегодня новый день и новые дела.
Побед и поисков открылися пути —
К законам старым нам дороги не найти.
Величье прежнее лишь возбуждает смех,
Законы новые родятся каждый день;
Законы старые уходят без помех,
И поглощает их навек глухая тень.
Желанной истины возник слепящий свет
И прорезает мглу невежеству в ответ.

1915
Баку

НА ЗАКАТЕ

Горит, как прежде, душа, больное сердце поет,
Природа и та грустит, везде глухая печаль.
И плачет, преображен унынием, небосвод,

Души немая тоска пронзила мутную даль,
Но если солнца лучи прорежут грязный туман, —
Быть может, буду и я вселенской радостью пьян!

Владеет солнце-султан просторами без конца,
Оно, не знаю зачем, закрыло пологом лик.
Зачем не греет оно нагие наши сердца?
Зачем живительный луч сквозь космос к нам не проник?
«Зачем, не знаю зачем?» — спешу я вопрос задать...
Сгустились тучи, и вот — глухая пропасть опять!

Творец! В светиле твоем — кровавый, бешеный бред,
Лучами, полными зла, жестокий демон грозит,
Скрывает тысячи тайн багрово-искристый свет,
В нем след извечной войны, в нем боль несмытых обид!
Оно — свидетель огней, несущих гибель для нас,
Улыбка его мрачней и злее от часу час.

Угрюмо солнце, — но в том высокая правота:
Над веком двадцатым бьет предвечной злобы крыло.
Устало сердце, — но в нем жестокая правота:
Покорны веку-отцу, творят ученые зло.
Стал ангел людям врагом и принял лик сатаны!
Зачем же пред ним и мы сгибать колени должны?

Мир бойней стал для людей, кругом бушует война,
Никто не может считать себя свободным от бед.
Скажи: в какие года цвела без крови весна?
В любой из эпох земли найди правдивый ответ!
В крови сердца и цветы; леса, долины, поля,
Моря и рой облаков... Лишь кровью дышит земля.

Глаза у наших царей застлал кровавый туман,
Чего же ищут они в безумной злобе своей?
Вой пушек и блеск штыков, немолчно бьет барабан,
Чертоги в воздух летят в завесе алых огней...
Ужели нет ни любви, ни жалости... Не пойму! —
К чему весь этот кошмар, вся дикость эта к чему?

Я спрашиваю «зачем?», — но мощно льется вокруг
Волна стенаний и вопль — войны чудовищный шум.

Подъемлет волосы вверх проникший в душу испуг,
И молний бешеный блеск слепит встревоженный ум.
Но грохот мне говорит, мне шепчет багровый свет:
«Покоя нет без забот и счастья без горя нет».

Уверься: в жизни раздор — природы вечный закон,
Конца не видно ему, начала не видно в нем.
Спасенья нет от судьбы, для смерти нету препон,
А век побед и смертей сулит нам новый подъем.
Но сам ты крови не лей! Ты должен зло одолеть.
Наш мир прекрасен, но им лишь добрый вправе
владеть!

1915

БЕЗМЯТЕЖНАЯ ДУША

О ты, властелин мой, источник сил,
Душа безмятежная, больно мне видеть тебя
без крыл!
Когда бывает твой лик уныл,
Тогда мне грусти не одолеть!

Ведь знала счастье и радость труда:
Жила, вдохновленная песнею, молода.
А нынче в себя погрузилась, горда...
Зачем отвернулась от мира, ответь?

Во всем ты видишь презренную ложь.
Обманута ты, но солнце восходит всё ж.
Любовь, и верность, и слезы найдешь,
Душа, — всё будет нам дáно судьбой!

Не быть обманутой — твой ли обет?
И разве грядущее и настоящее — лишь навет?
Не хочу я, чтоб ты горевала, нет!
Не могу я больше мириться с тобой!

Довольно сердиться! Тебя мне жаль.
Смотри: обмануты люди, а верят, стремятся вдаль,
На счастье надеются, гонят печаль,
И верят в счастье свое они!

Взлети в просторы, весельем дыша,
Отбрось сомненья и, крылья свои распрямив,
душа,
Лети за любовью, неправду круша,
И радости жизни прочь не гони!

Бесстрашно борись со своей тоской:
Порой и в отчаяньи можно найти покой, —
Люби и плачь — исцеленье в тебе самой.
Высокие чувства свято храни!

ПОСЛЕДНИЕ ВОПЛИ ДЕВУШКИ, ИЛИ ГОЛОС ИЗ ЗАСТЕНКА

Моя мечта умрет со мной, никто мой голос не услышит,
А свет в глазах моих погас. О боже, грудь почти
не дышит.

Жгут тело злые палачи, от боли корчусь я в мученьях,
Мне страшно! Боже! Таково ль мне свыше
предопределенье?

Так юность отцвела моя, так всё во мне
переменилось...
Вот ныне существо мое, вот что со мною совершилось!

На свет не вместе ли со мной родились горести и муки?
Ночь глубока... Уснули все, — везде покой, пропали
звуки.

Весь мир уснул, какая тишь! .. И птиц не слышно
щебетанья.
И звезды дремлют в вышине, едва заметно их
мерцанье...

В недоумении молчит вокруг пространство мировое.
Земля, дыша чуть слышно, — спит, молчит природа.
Всё — в покое.

Я одинока, — лишь луна в ночной тиши, моя подруга,
Как я, печальна и бледна, обходит небосклон
по кругу,

Как я, истаяла она, как я, бессонницей томится,
Как я, несчастна и больна, к небытию она стремится...

Лишь в том различье, что луна свободна в небесах
далеких,
А я и жизнь моя — в руках злодеев, палачей жестоких!

Что это значит — быть в плену — луна-счастливица
не знает,
Свободным светочем она по небу тихо проплывает...

Ежеминутно тягость дум меня гнетет, обуревая,
Не приближается ли смерть? Что на душе тоска
такая?

Мне кажется, что впереди уже я вижу мрак могилы...
Такую страшную тоску, создатель, вынести нет силы!

Нет, нет, полна печали жизнь, к чему страдание
такое?
Не надо больше ничего, уйди, оставь меня в покое.

Не жажду больше жизни я, мои надежды прахом стали,
Не сбудутся мои мечты, желанья сожжены, увяли.

О, спутница ночей, луна! Скользя по высоте небесной,
Одна ты видишь всех, одна, и в мире всё тебе известно!

О, сколько девушек и жен порою на тебя взирает! —
Несчастные, они тебе свои печали поверяют...

Ты им поведай обо мне, ты расскажи им без стесненья,
Что я, собою ради них пожертвовав, терплю мученья.

За радостное завтра их, чтоб горя, зла они не знали,
Чтоб этих темных и сырых застенков грязных
не видали, —

Сама я, как свою судьбу, избрала черную темницу,
Исполнила священный долг... Теперь конец... Пора
проститься.

УХОДИ

Не хочу я слышать слова про любовь и страстную
дрожь,
Уходи! Я знаю тебя! Все твои увёренья — ложь.
Уходи, красавица, прочь! Знаю цену твоей любви.
Всё понятно: скоро себе ты другого друга найдешь.

Если даже ты ангел — прочь, лицемерная, отойди!
У того, кто верит тебе, хаос чувств бушует в груди.
Понял я закон христиан! Мне довольно горьких обид!
Раны сердца, кафира дочь, понапрасну не береди.

Мне казалось, что ты проста; ангел ты — я думал
всегда.
Что же делать? Душе моей ты всё время была чужда.
Не могу я верить тебе и любить тебя не могу,
Или это была любви и влюбленности череда?
Не толкуй мне больше про страсть и про неги
сладостный плен.
Я постиг, что это обман. Наслаждения мира — тлен.

ПЕРЕД БОГИНЕЙ ВОЙНЫ

О месть искрящая на огненных крылах,
О ты, богиня войн, дракон нещадно злой,
Ты нагляделась всласть на кровь, крушенья, прах:
Трагедию кончай и занавес закрой!
О гений катастроф, довольно сеять жуть,
Оставь свою игру! Пусть вольно дышит грудь!

От ужасов твоих трепещет белый свет,
Стенает под пятой не только род людской —
В земле и под водой живым пощады нет,
И даже хищники, объятые тоской, —
Пантеры, львы — вопят: «Спасения от бед!..»

О мечущая гнев, побед слепой творец,
Довольно! Мир устал! Устанешь ты когда?

Все в распрях и борьбе измучились вконец.
Дай кровь земле впитать, исчезни без следа!
Покоя жаждет мир, свободы ждет народ,
Надеждой сладкою на лучший день живет.

Пока здесь правит зло, — в загоне тишина,
Хоть свет, в конце концов, родится в тьме
ночей. . .
Свобода — неженка, для счастья рождена:
Пока земля в крови, — не улыбнется ей.
А злой закон земли живет с седых времен;
Какой бы ни был бог, — до крови алчен он.

Но тьма рассеяна, зло втоптано во прах.
Надежды торжество в заре знамен цветет,
Лучат глаза тепло, улыбки на губах:
То справедливость к нам желанная идет!
Но вольность на земле — не сладкие ль мечты? . .
Свобода, отзовись! На свете есть ли ты? . .

17 мая 1917

ИЗ ДРАМЫ «ИБЛИС»

1

Иблис

Я — единственная мощь, я рожден из пустоты!
Все на свете мне враги, я врагов сметаю в прах,
И соперником моим может быть один аллах.

(Смеется.)

Всё, что вера вам несет, что политика дала,
Мук и бед круговорот — это всё мои дела!
Там величье вознеслось, там стенанья и хаос, —
Вот что создал я для вас и на землю вам принес.

Элхан

Эти злобные слова нам грозят, бросая в дрожь. . .
Ты же внешностью своей на отшельника похож.

Иблис

Прихожу я, словно сон, ухожу, посеяв страх,
На Востоке — марабут, а на Западе — монах,
Иногда я — просто поп — сею споры и разлад,
Становлюсь порой вождем, превращая землю в ад,
Иль, как папа, продаю избавленье от невзгод.
Омрачится Иисус, если вновь сюда придет.
Все вопросы всех наук до конца известны мне.
Мудрость вер и тайны сект мной изучены вполне.
Превратившись в пастуха, я смотрю на мир светло,
Иногда, наоборот, сею я вражду и зло.
То я старец с бородой, то мальчишка молодой...

2

Иблис
(с ироническим хохотом)

Иблис я! Имя мое, всегда родящее страх,
Известно на всей земле, во всех ее уголках.
Дворец, и крепость, и храм меня под сводом таят.
В Қаабе и в будхане — везде присутствую я!
Все внемлют моим словам, и все ненавидят мрак,
И каждый из них мой раб, и каждый из них мой враг.
О вы, богач и бедняк, бранящие силу зла!
Мое дыхание вмиг обоих спалит дотла,
А впрочем, и без меня не станет вам веселей:
Достаточно на земле безжалостных королей!
Эмиры, шахи, цари и беки любой страны,
Невежественны, горды, женолюбивы, жадны,
Политики без конца тенета для вас плетут,
Служители разных вер вас в секты свои влекут, —
Они вас губят, глумясь, и вам не спастись от мук,
Чтоб род людской истребить, теперь достаточно рук!
А я уйду, ибо мне постыло дело мое...
Рожден из небытия — вернусь я в небытие.
Кто этот жестокий дух, затмивший солнечный свет? —
Иблис, порожденный тьмой, дьявол, источник бед!
Кто же тот человек, в ком ложь и злоба сплелись? —
Он дух вездесущий тьмы и ненависти — Иблис!

1918

АЗЕР

(Отрывки из поэмы)

Свободные рабы

Комфортабельный, пышный и очень веселый салон:
Блеск бокалов и крики, и тосты, и речи, и звон.
Позолоченной люстры горит многогранный алмаз,
И хрустальные звезды горят мириадами глаз,
И кипит-закипает веселых огней водопад,
И малиновый звон, и веселье, и смех невпопад,
и стихи декламируют...

Жухнут краски восторга, и крики погасли вокруг,
Начинаются танцы. О, сколько протянутых рук!
Каждый музу свою приглашал, напевая мотив.
И туман кутежа заклубился, тяжел и криклив.
Начинаются танцы... Кривляясь, танцоры пошли,

И хмельные глаза не могли оторвать от земли.
Стала музыка тише, нежней, свет погас,
Загорелся другой, красноватый, тотчас.
Листья всюду валяются, и, точно искры в золе,
Будто звезды горят эти листья в неприбранной мгле...

Прервались поцелуи и остановились на миг, —
не заметили б их.
Стены очень хотели во всем походить на весну.
Цветники говорили пестро, обретя новизну,
А фонтаны клубились, и лепет их был точно звон...
нет, всё это не сон!
Перестали играть. Тишина воцарилась вокруг.
И сдвигаемых чарок раздался томительный звук.
И влеченью, страстям так хотелось во всем потакать,
И кокетство блистало опять.

Спустилась полутьма... и только...
На сцене вспыхнула веселая звезда,
И чаровало пенье, то ликуя,
То унывая иногда.

И тяжело душа вздыхала,
И пенье льнуло к ней, маня.
Любовь... предательская старость...
Как обманули вы меня!

Цветы склонились надо мною,
Листва скользила предо мной.
Весны смятенье начиналось
Любовной песенкой земной.

И эта песня улыбалась
Счастливой дочери небес...
Теперь, увы, о прутья клетки
Обломано крыло чудес.

Открылся занавес. Восторги, и свет, и музыка опять.
И ночь любовью загорелась, хотелось снова танцевать.
Опять наполнены бокалы. Воспламеняются сердца.
Опять смятенье новолунья, и тосты, тосты без конца.
Тела красавиц словно розы, сияющие по весне.
Богиня музыки стояла с тяжелой думой в стороне.
Что за искусство! Что за чудо! Конец. Погашены огни.
Окончен бал. Уходят гости. Остались пьяницы одни.
Одни развратники остались, что пьют, жуют и жертвы ждут.
Американцы-толстосумы швыряли золотыми тут.
Бокалы во хмелю кружились, сияла в ложах глубь зеркал.
Пришла пора запретной ласки. Задернуть шторы миг настал.
Европы-девственницы гордость за дверью, мраком залитой,
Американцы покупали за звон монеты золотой...

Всё это зажгло в Азере ненависти костер.
Стоявшие рядом три женщины тихо вели разговор.

Первая

Мы остались без хлеба, дочь моя молода.
Как горька наша жизнь! Что тут скажешь: беда!
В этот рай мы вступили — потемнели глаза,
Как с ума не сойти! Тосты, смех, голоса!

Вторая

Брат погиб, муж погиб на войне у меня,
Но остались две дочки — свет померкшего дня.
Ни работы, ни хлеба, ни женихов.

(Показывает на ложу.)

Это властвует похоть — страсть стариков.

Третья

Из-за бархатных штор в золотой тишине
«Здесь меня подожди!» — дочка молвила мне.
Буду ждать, ждать должна в свистопляске ночной.
Заработает дочь и поделит со мной...

На глаза навернулись слезы, на печальные эти глаза,
И Азер, что молчал угрюмо, с неподдельной скорбью сказал:
«Было время, когда на Кавказе, в дикой Африке, в старой Азии
Покупали девиц.
Европейцы говорили о том: «Безобразие!»
Называли это развратом, улюлюкали ночи и дни,
Делали снимки и зарисовки, издевались, смеялись они...
А теперь как назвать всё это? Европейцев нежные глазки
Почему отвернулись стыдливо от продажной девичьей ласки?
Неужели для европейцев так естественно это вот:
Дочь себя продает за золото, мать за шторой трясется, ждет...»

———

О, ненавистная мне дикость!
В салонном напомаженном раю
Твои прислужницы охотно
Тебе слагают песнь свою.

Голодные голубки летят в клетку,
Летят — была бы золотой.
«Довольно, отпусти, о боже!» —
Раздался голос молодой...
Мать увидала дочь родную:
И, увидав, что было сил
Заголосила и упала:
«О боже, кто тебя убил?!»
К чему ответ! Сама ведь знает
Причину горестей она...

В салоне воцарился ужас
И гробовая тишина.

Очаг эмигрантов

Азер с дорожной сумкой спешит, скитаньем гоним,
Пред ним ресторан «Москва» рассыпал свои огни.
Азеру хотелось есть — вошел и сделал заказ,
Навстречу ему мадам с улыбкою поднялась.
Величьем былых годов светилась еще она;
Увы! Здесь каждый лакей иные знал времена,
Здесь те, кого шторм разбил и вышвырнул на песок...
Стал праздником каждый грош и каждый хлеба кусок.
Здесь некогда высший свет пылился в густой тени,
Надменность ушедших лет угодливостью сменив.
Гнетет непривычный труд, а прошлое — всё на слом...
На плечи тяжестью лег убогий грязный салон.
Их что-то манит сюда, толпятся они в дверях,
Берлинцы тут тоже есть, но больше всего бродяг...
Один стоял у стены, где занят Азером стол...
Он думал... И ликом он, казалось, был схож с Христом.
И руку ему Азер в молчании протянул...
Задумчивый эмигрант в ответ глубоко вздохнул:

«Я — изгнанник, без руля и без ветрил,
Целый свет за восемь лет исколесил.
Как и все мы — был и наг и одинок...
Кто повинен в том — мы сами или бог?

Испугал нас революции огонь,
Не ступить на землю родины ногой.
Если б ведали мы там, кем станем тут!
А на родине кончал я институт...
Страхи-посулы свели меня с ума,
А теперь нам долей — нищая сума.
Кто они, к чьему ковчегу я прирос?
Захотите — вам отвечу на вопрос...
Эта, схожая с коровой племенной,
Называлась прежде графскою женой.
Вот останки обитателей дворца,
Без достоинства, без мысли, без лица...
...Робко дама проскользнула меж колонн,
Хоть бы кто-нибудь отвесил ей поклон...
А когда-то и при имени одном
В шумных залах всё ходило ходуном.
Этот боров — старый царский генерал,
Щедро царь его крестами одарял,
Только он не поумнел от тех щедрот
И остался идиотом идиот.
А вот тот блистал лишь блеском эполет,
И без них он — тень, ходячий силуэт.

(Указывает на сидящих на сцене)

Посмотрите вы на этих забулдыг, —
В детстве музыкою забавляли их,
Но когда живот от голода взыграл,
Каждый музыку профессией избрал.
Вот сейчас смычки взметнутся, и пойдет
Забавлять других — отныне их черед.
Революцию не в силах отвратить,
Только золото успели захватить,
И — сюда! Бегом! В Европу! На постой!
Окунуться в кутежи! Найти покой!
А у немцев — у самих-то бед полно,
Занавесил траур каждое окно...
Нищета привычной стала в их домах, —
Становились деньги грудою бумаг.
Состоянья, что ни день, летели вниз,
Помогало только золото спастись...
Ну, а в этих — жизнь хлестала через край,
Им казалось, что они попали в рай,

Жемчуга тогда сверкали на любом,
Пировали так, что дым стоял столбом.
Сумасбродство в них сидело искони,
И, представьте, свято верили они,
Что пройдет, быть может, месяц, может, год,
И, конечно, революция спадет.
И тогда в свои дворцы вернется знать,
Только надо им немножко подождать.
А пока что — хоть исподнее долой! —
Всё вернем, когда воротимся домой.
Срок пророчеств несомненных истекал,
Кто-то снова этот срок отодвигал,
Но всё реже становились торжества,
Но всё тише были громкие слова.
Кто теперь поверит праздной болтовне? —
Революция шагает по стране!..
А когда ушло всё золото в заклад,
Принялись искать работу стар и млад,
Разом сгинули достоинство и честь,
И одна томит забота — что поесть...
Немцы ожили, воспряли, но тогда
Головой поникли эти господа».
Тут музыка, будто вихрь, над пестрой взвилась толпой.
Как голубь из клетки — вмиг из комнаты боковой
Вспорхнула девушка. Ей — звезде из Москвы — дано
В сердцах у них оживить утерянное давно.
Ах, сколько грации в ней, какая легкость и стать!
Похожа на стебелек, который легко сломать.
Причудливый тонкий луч по грязной сцене скользит,
Как много потухших глаз сияньем своим слепит...
Да разве это балет? Ведь это же танец фей!..
Мир — чистый, блаженный мир, и мир этот — только в ней.
Богиня любви, как мать, вскормила грудью ее...
Она влюблена в себя, а все влюблены в нее...
Гремит изумленный зал... Улыбка... Прощальный взгляд...
Но грохот ладоней вновь ее возвратил назад...
Бушует пьяный салон — прекрасная снова здесь!..
...И вот, когда стихло всё, она начинает песнь...

Песня девушки

Ночью ясной и трепетной, когда я задремала,
Я очнулась в раю — я узнала, узнала —
Белокрылые ангелы целовали меня.

Я упала подкошенной... Но мне в душу запало,
Как прозрачное утро в окно щебетало —
Девы, нежные девы целовали меня.

Сном, как счастьем, окутана — я тогда ликовала,
Я бежала в луга, я цветы собирала,
Что, в слезах от росы, целовали меня.

Глаз с меня вы не сводите... Уберите их жала!
Замолчите, глаза! Я устала, устала...
Не касайтесь меня... Не целуйте меня...

Так кончилась эта песнь. Ей жадно внимал весь зал.
В израненные сердца она пролила бальзам.
И вновь бесновался зал — настаивал, звал, молил...
Напрасно! Никто в ответ на сцену не выходил.

Тогда, печально скривив болезненные уста,
Сказал человек с лицом, похожим на лик Христа:

«Общей участи я тоже не избег...
Я люблю ее... Она чарует всех.
Она выше унижений и похвал —
Этот мир ее ничем не запятнал,
Вышла в жизнь едва раскрывшимся цветком...
Путь обычный: из Москвы. Живет с отцом
(В прошлом граф. Пустоголовый и больной),
И приходится семью тянуть одной.
Чтоб развратник старый жил, имел на хлеб,
Каждый день она нисходит в сей вертеп.
А отец... Да впрочем, грош ему цена!
Что со всеми нами сделала она!
Посмотрите — они больше не грустят,
Посмотрите, как глаза у них блестят,

Будто сразу задышалось им вольней,
Будто света они заняли у ней!..»

Вот ушла она, все тоже разбрелись,
Лишь с полдюжины еще знакомых лиц.
Каждый поиском работы одержим,
Им — домой вернуться, вот что нужно им.
Только пустят ли туда?! Откроют дверь?
Оставаться здесь рискованно теперь.
Жизнь трудна... Но всё же надо как-то жить...
Хоть куда-то свои руки приложить...
Место сыщется порой за много дней —
Как нарочно, потрудней да погрязней.
А найдешь — так перестанут узнавать.
Будто в чем-то перед ними виноват.
Оговаривать начнут, злословить вслед.
Если просто ты добыл себе на хлеб.
И за то мы славим господа подчас...
...Революция! О, если бы погас
Твой огонь — хоть на немного, хоть чуть-чуть!
Если б можно было родину вернуть.
Там — наш дом, обитель наша, наш очаг,
Неотступные, они стоят в очах...
...Бесконечная чужая сторона!
А на родине была б и смерть красна.
Ехать, ехать, ехать, ехать — тяжкий крест,
И к тому же денег нет на переезд.
А вернуться? Как пути туда сложны!
Что нас спросят? Что ответить сможем мы?
Скажут — старый волкодав, миллионер,
К стенке! Разом! Без разбору! Всем в пример!
Умереть... Одно осталось... Но зачем?..
. . . .
Так кончил он свою речь — усталый, с лицом Христа...

...По залу прошла, как дрожь, внезапная суета...
Из комнаты боковой послышался крик иль стон?
Чей голос? Ужели той, которой был зал взметен?
Всего полчаса назад?!. До боли взметен, до слез...

...Упал последний аккорд, и сердце оборвалось...

Дочь Нила

Трамваи, автомобили — гудящий, звенящий рой —
С грохочущих магистралей врываются в мир иной.
Здесь май загостился летом, здесь целое лето —
май...
В густую зелень одеты балконы, окна, дома.
Застенчивые аллеи берет под крыло простор,
Пейзажи как откровенье рожденных солнцем холстов.
В роскошном благоуханьи, в сияньи земных чудес
Красавицы меж цветами скользят чередою здесь.
Их смех раскатист и звонок, и лица счастье сулят,
Порой нельзя разобраться — где блещет цветок, где
взгляд.
Но только одна — всех краше, всех ярче и всех
стройней,
И все похвалы прохожих относятся только к ней.

Шамса... Шамса... Красавица Шамса...
Метали молнии ее глаза...
Лучи струились от ее чела,
Окинет взглядом — и спалит дотла.
И не было надменней и нежней,
Чела лучистей и очей черней.
Из древней бронзы изваял Восток
Свою мечту в ней — пламя и восторг.
Египет новый видел в ней себя...
Но, Нил покинув, бросилась сюда,
Как мотылек, приманенный свечой.
Ее отец — в темницу заточен...
Писал он книги... Гордый и прямой,
Не мог он видеть родину — тюрьмой,
Он с вольностью расстаться не хотел...
Пустынный остров — вот его удел...
В песках безводных смерти обрекал
Таких, как он, — английский генерал.
Удар был тяжек, не хватало слез,
На Запад дядя девушку увез.
Вокруг нее — беспечная гульба,
Но нет улыбки на ее губах,
И на чужбине, уж который год,
Она всё ждет, всё ждет она и ждет —

Хоть весточка б оттуда, хоть строка...
Душа ее мятежна и строга,
Едва она услышит эту весть —
В глазах ее решимость, гнев и месть.

Когда последний луч на небе гас.
Всё изменялось на земле тотчас.
Плыла фантасмагория цветов —
Оттенков, бликов, красок и тонов...
Мелькание вечерней суеты,
Нескромностью распятые цветы...
Для прихоти у каждого свой лад...
Благопристойный здесь царит разврат.
И грязь, что вездесуща и темна,
Под соусом пикантным подана.
Азер себя здесь чувствовал чужим...
Один лишь образ голову кружил,
Стеснял дыханье и к себе манил,
Вставал ожившей фреской перед ним.
Прошла и не помыслила о нем, —
Она всё та же и не та, что днем,
Касался нежный тюлевый платок
Губ приоткрытых, влажных, как цветок,
Лишь Клеопатра в юности своей
Могла соперничать, пожалуй, с ней.
Она вошла в сверкающий салон,
И был салон красою ослеплен.
В салоне от подобной красоты
Вставали пьяные, разинув рты.
Ну, а она... Друзьям своим верна,
Изгнанникам, таким же, как она,
С пожаром древней бронзы на щеках
И с тою же решимостью в очах.

Немного позже человек вошел —
Невзрачен и приятности лишен...
Но наглый взгляд, но смуглых щек провал
Чиновника колоний выдавал...
Он шел по залу, горделив и тверд,
Самоуверен, как английский лорд.
Шамса вскричала: «Он! Не кто иной!..

Всем нашим бедам он один виной...
С таким вот чинным, благостным лицом
Он надругался над землей отцов...
В Египте сеял горе он и смерть!
Он выставку приехал посмотреть...»
И вмиг на лица вкруг ее стола
Как дальний отсвет ненависть легла.
«Уйдем отсюда», — зло сказал один...
Шамса в ответ: «Зачем же? Посидим...
И потанцуем... — Взгляд ее лукав. —
Здесь весело, и полночь далека».
Недоуменье у друзей, испуг,
Ее, бывало, и не втащишь в круг,
А тон ее, развязность... Что за черт?!
Зато был ею очарован лорд...
Он пригласил — и руку подала,
Как будто только этого ждала...
Лишь туфельки мелькали на полу...
Вернулась... Но уже к столу...
Да, тот безумец, кто ей доверял! —
Друзья в смятеньи двинулись к дверям!
Казалось им — прекрасные черты
Продажностью и низостью черны.

А лорд всё пил и снова подливал,
Он стал вдруг мягок,
Подстреленною птицей голова
Клонилась набок.
Одна Шамса смеялась за столом...
Потом он встал, согнать пытаясь хмель:
«Решайся, дева!
Тебя я в лучший отвезу отель,
Как королеву!..»
И с ним Шамса покинула салон.

Азер поднялся с рассветом — он день на ногах
встречал,
Он вышел на свежий воздух — и радовался лучам.
Но что там? — Любой прохожий подошвами прилипал,
Сгорая от любопытства, — у дома пухла толпа.
И слух метался невнятный и правдою ужасал...

Идут!
Кольцо полицейских, и в центре его — Шамса...
— Убийца!
— Кто бы подумал?!
— Красива, как божество!..
Светилось из древней бронзы отлитое торжество.
— Представьте...
— Личные счеты!..
— Два выстрела...
— Наповал...
И кто-то в толпе был тронут, и кто-то не понимал...
Товарищи, что в салоне проклятья бросали ей,
Растерянно и угрюмо теперь шагали за ней...
...О, родина! Край далекий!
Палач твой упал и мертв.
За старую кровь ответил —
и новую не прольет.
Идет богиня Свободы и видит: разверзлась мгла —
Прекрасная роза мая средь терния расцвела.

Наслаждение черепахи

Европа устала от фарса и драмы...
Томясь на курорте в беспечном безделье,
Пришли на концерт джентльмены и дамы,
Стремясь обрести в неизвестном веселье...
Вот занавес поднят, и скрипки запели,
Но все удивленно на сцену смотрели.

Пустые подмостки... но что-то сереет...
И даже не видно: тарелка иль камень...
А музыка бьется скорее, сильнее,
И кажется: звуки сменились стихами...
Вдруг встала на лапках своих черепаха, —
И пению скрипок внимает без страха!

Она, как жирафа, головкой качала,
Надменно глядела с помоста пустого,
И каждый из пьяного музыкой зала
Звериною радостью был зачарован.
Вдруг музыка смолкла, под всплески оваций
Нежная гадина спряталась в панцирь...

Парижский филолог, любитель Востока,
Нагнулся к Азеру с улыбкой кротчайшей,
«Вы, кажется, прибыли к нам издалека,
А нравятся ль вам развлечения наши?
Здесь даже рептилия с ритмом знакома, —
Пришлось ли вам видеть подобное дома?»

Азер усмехнулся: «Ни гады, ни люди
У нас наслаждений подобных не знают,
Там руки сухие, там чахлые груди,
От голода толпами там погибают!
Одеты в лохмотья, в погоне за пищей,
Ютятся в холодных и тесных жилищах.

Одни — подбирают объедки богатых,
Другие — копают в ущельях коренья, —
А тут черепахи в роскошных палатах
Находят в напевах свое упоенье.
Я понял сегодня, что это такое:
Для радости — нужно несчастье чужое!

Всё то, чем на Западе счастливы люди,
Одеты, обуты, и сыты, и пьяны, —
Течет из Востока растерзанной груди,
Сквозь жгучие, вечно открытые раны!»

Бесприютные дети

Вечером зимним в вихре снеговом
Были камни белыми и земля — седой. . .
В этот вечер каждый, кто имел свой дом,
Торопился — в дом свой,
И лишь у обочины, под котлом,
Где днем варили кир,
Согрет ускользающим теплом,
Столпился бездомный мир.
Мальчишки, — что им вьюги вой
Над непокрытой головой!

Сказкам нет конца,
                    и горит костер,
И голодный язык остер.

Снег попал за шиворот, шею намочил,
Словно ужаленный один вскочил.
«Какая мерзость! Будто скорпион», —
Сетовал горестно он.
А другой сказал ему: «Ты б молчал,
Или обращался бы — к богачам...
Вон в окне напротив штора поднялась,
Видишь — женщина смотрит на нас.
Снег, что глаза тебе слепит,
Для нее — только прекрасный вид;
Вьюга, что в лицо тебе плюет,
Для нее как пестрых бабочек полет...»
Третий — по-другому время коротал,
Слов понапрасну не тратил он,
Черную корку глодал,
Яблоком закусывал краденым...
Зевнул и обратился к кому-то впотьмах:
«Что едят мальчишки в богатых домах?»
Четвертый, скорчив рожу, вылез на свет:
«Э! на это лишь я тебе дам ответ...»

(Представляет.)

Мальчик

Мама, кушать!

Мать

Что ты хочешь, говори скорей!
Вот икру принес с базара твой бей.
Есть и масло свежее, и душистый мед...

Мальчик

От однообразия заболит живот.

Мать

В погребе и курица припасена...
Может, шоколаду?

Мальчик

Ешь его сама...
Вот разве мармеладу я был бы рад...

Мать

Ах, сынок, ты съел уже весь мармелад!

Мальчик

Апельсин мне с сахаром не претит,
Возбудит, пожалуй, он аппетит.

Мать

Пусть, тебе, мой мальчик, и не снится он;
На пустой желудок не годится он...

Ребята прижались друг к другу тесней,
Ребята засмеялись — и стало теплей...

...Азер смеялся тоже, слыша этот смех,
И думал: над мальчишками — ночь и снег,
Метели — их постели, и тьма кругом — их дом,
И хлеб для них — находка, что сыщешь с трудом.
Но мускулы их крепче, смех горячей, —
Разве так смеются дети богачей?..

...Бесчувственным, грузным комом
Пьяный лежал перед ближним домом...
Едва-едва языком ворочал —
С бывалым жандармом схожий очень.
К нему подошел мальчишка один:
«Товарищ, помогите, мы есть хотим!»

Пьяный
(хмуро, враждебно)

Ну, это уж слишком, хватит с меня!
Тебе бы в товарищи сгодилась свинья,
Нет, даже свинья б за тобой не угналась,
Я им товарищ?! Какая наглость!

Женщина с собакой шла по улице,
Остановилась и подошла, —

Собака резвится, поводок крутится,
Намордник сдвинулся и ослаб.
И мальчик даме сказал: «Однако
Она ведь добрая, ваша собака,
Намордник ей настроение портит.
Скажите, мадам, зачем ей намордник?
Произведем небольшую замену, —
Я примененье ему сыскал,
Намордник на пьяного я надену,
Чтоб он понапрасну людей не кусал».

Маленькие бродяги смеялись до слез:
Еще не известно, кто из них — пес!
И думал Азер: «Они правы, разве
Меньше в людях злобы и грязи?..
Есть ведь и такие — с виду хороши,
А внутри таится — ядовитый шип».
Бойся тех, чья злоба лестью обернется,
Тех, кто, жало спрятав, ласково смеется,
Кто с ножом крадется в мягких сапогах, —
Бойся! — Они хуже злых собак.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий сборник вошли образцы произведений наиболее крупных поэтов Азербайджана начиная с ранней поры сложения письменной литературы и до первой четверти XX в. В сборник не включены произведения Низами Гянджеви и М. А. Сабира, творчеству которых посвящены отдельные издания «Библиотеки поэта».[1]

Произведения азербайджанских поэтов в русских переводах начали появляться еще в первой половине XIX в. С развитием экономических, культурных отношений русского народа с азербайджанским развиваются и литературные связи между передовыми азербайджанскими поэтами и писателями и прогрессивными деятелями русской литературы.

Личные дружеские отношения А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, А. А. Бестужева-Марлинского с А. К. Бакихановым, М. Ф. Ахундовым, Мирза Шафи Вазехом и другими положили начало литературным связям, русским переводам азербайджанской поэзии. С тех пор в русской периодической печати и в виде отдельных изданий появилось множество произведений различных азербайджанских поэтов.

Наиболее интенсивно и полно азербайджанские поэты на русском языке стали печататься после Великой Октябрьской социалистической революции. Лучшие образцы творчества азербайджанских классиков, а также советских поэтов издавались неоднократно как отдельными книжками, так и в периодической печати.[2]

Антологии азербайджанских поэтов издавались дважды. Первая «Антология азербайджанской поэзии» (1939) вызвала большой интерес у советских читателей. Наиболее полной явилась «Антология азербайджанской поэзии» (1960) в трех томах. В этих антологиях, наряду с произведениями поэтов, представлены стихи ашугов и образцы фольклорной поэзии.

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Поэты Азербайджана» ставит своей задачей дать представление об основных направлениях азербайджанской поэзии, о наиболее выдающихся ее деятелях.

---

[1] Низами. Избранные произведения. Большая серия. Л., 1947; Низами. Поэмы и стихотворения. Малая серия. Л., 1960; Сабир. Сатиры и лирика. Большая серия. Л., 1950.

[2] См. библиографию: И. И. Старцев. Художественная литература народов СССР в переводах на русский язык. 1934—1954. М., 1957.

В изданиях «Библиотеки поэта» обычно публикуются произведения поэтов, уже завершивших свой творческий путь. При некотором ограничении числа поэтов, включенных в данный сборник по сравнению с предыдущими антологиями, творчество наиболее крупных поэтов представлено бо́льшим числом произведений, имеющих определенную ценность как в художественном, так и в историко-литературном отношении. Прежде всего это касается творческого наследия таких видных азербайджанских поэтов, как Хагани Ширвани, К. Закир, Г. Джавид, А. Сиххат.

В этой книге русский читатель впервые ознакомится со стихотворениями поэта-романтика М. Хади.

Подавляющее большинство новых переводов для этого сборника выполнено группой ленинградских и московских поэтов. Вместе с тем в сборник вошли и ранее публиковавшиеся лучшие переводы М. Алигер, П. Антокольского, Е. Долматовского, В. Луговского, К. Симонова, Л. Озерова и других. В некоторые из этих переводов внесены авторские исправления.

Переводы произведений средневековых поэтов осуществлялись по наиболее авторитетным критически пересмотренным изданиям их сочинений, а поэты позднего времени переводились по посмертным научным изданиям.

В помощь читателю сборник снабжен примечаниями и словарем. В примечаниях даются пояснения историко-литературного характера. В словаре, наряду с специфическими ближневосточными словами, оставшимися без перевода, приведены имена лиц и географические названия.

При составлении примечаний и словаря использованы исследования по истории азербайджанской литературы, а также комментарии и словари к предшествовавшим азербайджанским и русским изданиям произведений поэтов, вошедших в этот сборник.

В составлении и подготовке материалов сборника принимали участие академик Академии наук АзССР М. Ариф, писатель Али Сабри, а также С. С. Рафили.

СТИХОТВОРЕНИЯ

КАТРАН ТЕБРИЗИ

Касыда о Тебризском землетрясении. Стихотворение посвящено землетрясению, произошедшему в 1042 г., в результате которого город Тебриз был сильно разрушен и погибли десятки тысяч жителей.

МАХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ

Рубаи 11. *Ты отнюдь не Фархад и влюблен не в Ширин.* В этом рубаи использована игра слов: ширин — «сладкий» и Ширин — имя героини поэмы Низами.

Рубаи 23. *У фисташки хорошенький, маленький рот*. Фисташка — небольшой орех с чуть приоткрытой скорлупой, напоминающей маленький рот. Это сходство часто используется поэтами как образ тонких, красивых губ.

Рубаи 33, 35, 36 и 38. *Сын хатиба*. Речь идет о муже поэтессы, который был сыном гянджинского хатиба (см. сл.).

ХАГАНИ ШИРВАНИ

Развалины города Медаин. *Привратником здесь был властитель Вавилона*. Это утверждение поэта, видимо, связано с легендами различного характера. Властитель Вавилона в Медаине (Ктесифоне) быть не мог, так как Вавилон как самостоятельное царство перестал существовать значительно раньше, чем Ктесифон стал парфянской, а позднее сасанидской столицей. *Где Кесры апельсин и где айва Первиза?* Кесра и Первиз — цари сасанидской династии. По мусульманскому преданию, сасанидские цари, помимо всяких яств, подавали на торжественный стол изготовленные из золота фрукты (апельсин, айва) как символ богатства и пышности. Поэт риторически спрашивает: где это великолепие?

Жалоба о заключении в цепи. *Ее потолок подо мной, а порог надо мной*. Поэт говорит о темнице — яме в земле с небольшим отверстием, куда он был заключен ширваншахом. *Ты помнишь, ведь то же с Юсуфом случилось, когда От зависти вспыхнула в сердце у братьев вражда*. В этом бейте поэт имеет в виду библейскую легенду о том, как Иосиф Прекрасный (Юсуф) был брошен в колодец братьями, завидовавшими его красоте.

«Когда времена погасили огонь Санаи...». *Когда времена погасили огонь Санаи, Небесная воля мой светоч для мира зажгла*. Санаи — выдающийся поэт конца XI — первой половины XII в. В начале своего творчества он был придворным поэтом, позднее покинул двор, вел аскетический образ жизни. Несмотря на приглашение, ко двору не вернулся. Протест Санаи против жестокости и деспотизма газневидских султанов, нежелание им служить соответствовали бунтарскому настроению Хагани. Поэтому он сравнивает себя с Санаи. *И если один чудотворец в Газне опочил, Ширвана страна чудотворца другого дала*. Хагани сравнивает родину Санаи Газну — столицу газневидского государства — со своим Ширваном. *Коль третий иклим потерял чародея-певца, То в пятом иклиме другой зазвенел, как пчела*. Иклим — климатический пояс. По средневековой географической науке Газна относилась к третьему поясу, а Ширван — к пятому поясу. *Когда отлетела султана Махмуда душа, Сельджука великого славная мать родила*. Султан Махмуд — выдающийся правитель (998—1030) газневидского государства. Сельджук — предводитель рода, представители которого к концу XI в. создали огромное сельджукское государство, куда входили

Иран, Малая Азия, Сирия, Палестина, Месопотамия, Аравия и часть Закавказья. *Когда, омраченный, к закату склонился Бахман, Звезда Искендера Румийского ярко взошла.* Бахман — легендарный древнеперсидский царь. Искендер Румийский — так звали на мусульманском Востоке Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.), покорившего древний Иран. *Когда над Египтом умолк справедливый Юсуф.* Юсуф — герой коранической легенды. Здесь назван справедливым, так как, будучи сановным вельможей, не мстил своим братьям, хотя они в свое время с ним поступили жестоко. *В потоке Мусу фараонова дочка нашла.* В древней легенде, перешедшей в Коран, говорится, что фараон, стремясь ослабить племя Мусы, велел умерщвлять всех рождающихся мальчиков. Мать Мусы, чтобы спасти своего сына, бросает его в просмоленной корзине в море. Жена («дочь») фараона замечает плывущую корзину и спасает мальчика. Мать Мусы, не выдавая себя, нанимается к ним в кормилицы и кормит своего сына. *Та давняя ночь, когда умер Абу-Ханифа, Началом пути Шафии, как слыхал я, была.* Абу-Ханифа (умер в 767 г.) и Шафии (родился в 767 г.) — известные мусульманские правоведы.

«О ходжа, ты смотри не позорь Хагани...». *Коль Первиз уничтожит письмо Мустафы, Может сын растерзать ему грудь, отомстить!* По преданию, Мустафа (см. сл.) обратился к Хосрову Первизу, сасанидскому царю, с предложением подчиниться ему и принять ислам. Первиз отклонил это предложение и разорвал письмо. Этим он навлек на себя гнев Мустафы (Мухаммеда), и Иран был покорен.

«Как только в Армению прибыл я, — сразу...». *Особенно несториане, соседи, — Вторым Иисусом меня называли.* Несториане — последователи несторианства, течения в христианстве, возникшего в раннем средневековье в восточных провинциях Византии. Позднее оно имело широкое распространение на Востоке, в том числе и среди армян. В отличие от ортодоксального христианства, считавшего Иисуса Христа богочеловеком, несториане исходили из человеческой природы Христа. Слова поэта перекликаются с этой догмой, говорят об оказанном ему почете. *Сочли меня там небосводом четвертым.* По мусульманской космогонии небосводов семь. Самым высоким из них, доступным человеку является четвертый. Остальные три — владения аллаха. Считать человека четвертым небосводом — значит оказать ему самую высокую почесть. *Арджишские воды вдруг сладкими стали.* Арджиш (озеро Ван) — соленое озеро.

«Так халиф мне сказал: приходи, Хагани, чтобы писарем быть у меня...». *Меркурий* — вестник богов, по мусульманскому преданию, небесный писец.

Подарок двум Иракам. Поэма «Подарок двум Иракам» (Ираку арабскому и персидскому) написана Хагани после его путешествия по Ближнему Востоку в 1156 году и посвящена глав-

ным образом впечатлениям, вынесенным из этого путешествия. Кроме красочных описаний природы, городского пейзажа, событий, очевидцем которых был автор, в поэме имеется богатый автобиографический материал. В поэме содержатся также сведения об ученых, поэтах — современниках Хагани, характеристики государственных деятелей, правителей различных областей, с которыми он встречался. Особенно часто упоминается имя правителя города Мосула — Мухаммеда Джамаладдина, которому посвящена поэма. Поэма «Подарок двум Иракам» до нас дошла в многочисленных рукописных экземплярах. Наиболее полный вариант поэмы содержит более трех тысяч бейтов. На основании надежных списков поэма несколько раз издана печатным способом.

Обращение к солнцу, упрек золоту. *За золото роза выносит страданье Под прессом, как золота слиток в чекане.* Поэт пишет о том, как подвергают страданиям розу — символ чистой красоты, выжимают из нее масло для продажи. *«Зер» — золото, в имя «Зердушт» оно входит.* Поэт, говоря о вреде золота-богатства, развращающего человека, использует одинаковое звучание персидского слова «зер» — золото — с первым слогом имени основателя (Зердушт) враждебной исламу религии зороастризма. Этим он подчеркивает свою непримиримость к богатству. *И стана «алиф» точно «мим» изогнулся.* Излюбленный поэтический прием, где для образных выражений используется начертание букв арабского алфавита. В данном случае поэт говорит, что его стан, стройный как вертикальная линия первой буквы алфавита — алифа, согнулся подобно изогнутой букве — миму.

Встреча и беседа с Джамаладдином Мосульским. *От гибели судьба меня спасла И в сторону Ирака привела.* Перед путешествием по Ближнему Востоку у Хагани с ширваншахом были весьма натянутые отношения. Хагани было известно, что шах замышляет расправиться с ним. Возможно, путешествие было предпринято с целью избегнуть зиндана — тюрьмы, о чем в приведенном бейте говорит Хагани. *Вот из Канана, где я голодал, В Египет благодатный я попал!* Канан — Ханаан — древнее название Палестины. В коранической легенде говорится о том, как Якуб прибыл из Палестины, где царил голод, в Египет — страну изобилия. Поэт в этом бейте Палестину сравнивает с Ширваном, а Египет с Мосулом. *Немою рыба рождена в морях, — А место ей нашлось на небесах.* Имеется в виду легенда о вознесении рыбы на небо (созвездие Рыбы). *Доколе ты аджам — ты помолчи, Сперва язык арабский изучи!* Аджам — перс, иранец. В этом бейте говорится о роли арабского языка для изучения различных наук в средневековом Ближнем Востоке. Во времена Хагани в Азербайджане все науки развивались на основе арабского языка. *Был царь семи вселенной поясов* (см. примеч. к стихотв. «Как только в Армению прибыл я, — сразу. . .», стр. 390). *Я двинулся назад, как Сад-акбар.* Сад-акбар — созвездие Большой Медведицы. Для человека, находящегося в Ираке — Мосуле, созвездие Большой Медведицы располагается на северной стороне небосвода. Хагани, возвращаясь к себе на родину — в Ширван, мог ориентироваться на это созвездие. *Дух алчности меня к ту-*

ганам гнал, Дух жадности к тегинам звал. Туган и Тегин — составные части имен многих сельджукских правителей времени Хагани. В этом бейте они употреблены в нарицательном значении.

Жалоба на свое положение. *У верных праздник есть — Новруз весной.* Новруз — мусульманский, ишитский праздник первого дня весны. *Чтоб в Индию обратно улететь, Как попугай — я должен умереть.* Поэт намекает на индийскую сказку, в которой попугай добивается освобождения из неволи, притворившись мертвым.

НАСИМИ ИМАДЭДДИН

Бахария. Стихотворение посвящено весне. Здесь и в других стихотворениях Насими в завуалированной форме, пользуясь эротическими образами, излагает суфийские и хуруфитские (см. сл.) взгляды. В этих стихотворениях бог-человек является возлюбленной, иногда безжалостной и лукавой, иногда верным другом, истина постигается в опьяненном состоянии. *Священный Синай запылал* — см. ниже примеч. к стихотв. «Шербет разлуки горькой мне, как сахар, душу подсластит...».

«В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь...». *Я — шесть сторон твоей земли.* Имеется в виду сферическое измерение: кроме четырех сторон, еще верх (зенит) и низ (надир). Другими словами — весь материальный мир.

«Шербет разлуки горькой мне, как сахар, душу подсластит...». *Моисея дерево звало на поклонение огню.* По библейскому преданию, Моисей (Муса) встретился на горе Синай (по-арабски — Тур Сина) с богом в образе горящего, но не сгорающего куста («синайский куст», «неопалимая купина»). С этим преданием, вошедшим в мусульманскую мифологию, связана приведенная строка.

«Мир не стоит, пусть и твои пройдут в движеньи дни!..». *Как Магомет, опять к луне свой палец протяни.* В предании говорится, что мекканцы не верили Мухаммеду (Магомету) в начале его религиозной деятельности. Они потребовали от Мухаммеда доказательства его пророчества. Мухаммед согласился и, протянув палец к луне, сказал, чтобы она разделилась надвое. Чудо произошло, и Мухаммед был признан. *И если ты, как Моисей, встречаешься с огнем* (см. выше). *Скажи Ширин, что мертв Фархад, потухли глаз огни.* Сюжет «Фархад и Ширин» использовали многие поэты мусульманского Востока. Низами назвал свою поэму «Хосров и Ширин». В ней Фархаду отведено второстепенное место, и смерть его вызывает у Ширин только жалость. В других вариантах поэмы, в частности у Алишера Навои («Фархад и Ширин»), гибель Фархада, главного героя поэмы, повергает Ширин в неутешное горе. Насими имеет в виду этот вариант.

«Светильней лика твоего, как моль, душа опалена...». *В огне синайского куста ты откровенья купина* (см. выше, стр. 392).

«Ты мне — всё! И не будет подруг у меня других никогда!..». *В кольцах дивных твоих кудрей, как в петле, повиснул Мансур.* Поэт сравнивает себя с Мансуром аль-Халладжом (см. сл.), казненным в Багдаде.

«Несравненна твоя красота, строен стан и прекрасен лик...». *Из-за блеска твоих ланит, из-за дивной дуги бровей Между месяцем и луной нескончаемый спор возник.* Луна в восточной поэзии является образом женской красоты, а узкий серп луны (месяц) — образ красивых женских бровей. Спор между луной и месяцем — спор между красивым лицом и прекрасными бровями.

«Сегодня подругу себе, вседержителя дар, я нашел...». *Иосиф Прекрасный* (Юсуф) — персонаж библейской легенды, позднее перешедшей в Коран; символ юношеской красоты. *Если я посмел, как Мансур, воскликнуть: «Сейчас я — бог!»* См. в словаре имя Мансур аль-Халладж. *Словно в древности Моисей, сам в себе свой образ ищи.* Возможно, смысл этой строки связан с некоторыми положениями суфийского учения о поиске истины-бога в самом себе.

«Подобен Корану твой лик, я весь его изучил...». *Все восемь эдема садов отшельник мне обещал.* По мусульманской мифологии, в раю (эдеме) имеется восемь садов.

«Я у вечности на пиру был прекрасным лицом опьянен...». *Древо познанья* — по коранической легенде, в раю находились два заветных дерева: древо жизни и древо познания добра и зла. *Знай, что Ной, Давид, Соломон и Захарья, и Шуэйб, Моисей, Иисус, Мухаммед, — каждый в сердце своем опьянен.* Ной (Нух), Давид, Соломон (Сулейман), Захарья (Захарий), Шуэйб, Моисей (Муса), Иисус (Иса), Мухаммед — мусульманские пророки и святые.

МУХАММЕД ФИЗУЛИ

«Когда б мое Фархаду горе, вздохнул бы... И беда!..». *В кудрях гнездившаяся птица упала б из гнезда!* В поэме «Лейли и Меджнун» говорится, что Меджнун, обезумев от своей несчастной любви, жил в пустыне, и птица свила гнездо в его кудрях.

«Пусть многие свои стихи слагают на фарси...». В этой кыте отражена борьба, которую приходилось вести Физули и его современникам, азербайджанским поэтам, писавшим.

вопреки традиции, не на персидском языке, а на азербайджанском (тюркском), борьба поэтов, использовавших азербайджанский язык наравне с персидским и арабским языками как язык письменной литературы.

Лейли и Меджнун. Романтическая поэма «Лейли и Меджнун» написана Физули в 1536—1537 гг. в период расцвета творчества поэта. Сюжет трагической любви Лейли и Меджнуна обрабатывался различными поэтами Ближнего и Среднего Востока, такими, как Низами, Навои. У Физули в поэме с новой силой прозвучал протест против устарелых обычаев и традиций, против духовного рабства человека. В ней рассказывается о любви двух молодых людей, которые, не достигнув счастья, погибают. Лейли и Меджнун являются жертвой деспотических патриархальных обычаев, противопоставленных человеческой свободе и счастью. Поэма написана на азербайджанском языке.

ВАГИФ

«Ты Кааба, Кербела, Мекка, Медина моя!..». Эта гошма посвящена жене поэта Медине. Здесь игра слов: Медина — женское имя; священный арабский город Медина — место паломничества мусульман.

«Видади, ты на черствые эти сердца погляди...». Иранский шах *Ага Мухаммед* в 1797 г. захватил столицу Карабаха Шушу. Визирь бежавшего Ибрагим хана Вагиф был посажен в темницу. Ночью Ага Мухаммед шах был убит врагами. На следующее утро Вагиф был освобожден из заточения. Это событие описано в газели. *Для доски гробовой нужно шаху четыре гвоздя, — На того, кто от гибели спас кузнеца, погляди!* Здесь имеется в виду легенда, где говорится о том, как некий падишах невзлюбил своего кузнеца и искал повода, чтобы его казнить. По совету визиря, падишах дал кузнецу невыполнимое задание — за одну ночь сделать тысячу болтов для укрепления крепостных ворот. Падишах предупредил кузнеца, что в противном случае он будет казнен. Когда печальный кузнец пришел домой, «мудрая жена» посоветовала мужу лечь спать с надеждой, что «бог милостив». Утром явился гонец с вестью, что падишах умер и нужны всего четыре гвоздя для гроба.

«Я правду искал, но правды снова и снова нет...». Написано поэтом к концу жизни, под впечатлением кровавых событий, происходивших в Карабахе в 1797 г.

ВИДАДИ

«Каждое утро здесь ветерок ищет любимую на заре...», Вагифу. В творчестве Видади важное место занимает поэтическая полемика с его младшим современником — Вагифом. В этих стихотворениях проясняется отношение обоих поэтов к окружающей их действительности, взгляды на задачи поэзии и пр.

Среди полемических произведений Видади очень характерным является стихотворение с редифом «заплачешь». Отвечая Вагифу, упрекавшему его в пессимизме, Видади справедливо говорит об ограниченности поэзии Вагифа, о своем печальном опыте, о превратностях судьбы старого поэта. *Сары Чобан-оглы* и *Гасан* — современники поэта.

ЗАКИР

«Всё в мире поет, воздает песнопенья любви...» *Ведь даже Юнис Проглочен был рыбой из моря.* Библейская, перешедшая в Коран легенда повествует о том, как пророк Юнис (Иона) был проглочен рыбой, в чреве которой он возносил молитвы богу, и в конце концов был спасен.

Хуршидбану Натаван ханум. Стихотворение-письмо адресовано младшей современнице, землячке Закира — поэтессе Хуршидбану Натаван ханум. *Вершил твой родитель благие дела.* Поэт говорит об отце поэтессы, последнем правителе Карабаха — Мехти Кули хане. *Но как я встревожен твоею судьбой: Зачем не идет она в ногу с тобой?* Вероятно, Закир имеет в виду неудачное замужество поэтессы. Поэтесса была замужем за Хасай ханом Усмиевым, после развода с которым вернулась в родной город с двумя детьми.

Дорогому сыну. Стихотворение посвящено сыну поэта — *Наджафкулу,* участнику Крымской войны 1853—1856 гг. Оригинал и русский перевод стихотворения были напечатаны в газете «Кавказ» 30 июня 1854 г. *Три врага у нас — их всех погибель ждет.* Три врага — это Англия, Франция и Турция. *Луи Наполеон* (1808 — 1873) — император Франции, сын падчерицы Наполеона I. *Эшкабус* — один из героев «Шах-наме» Фирдоуси. *Искандер* — племянник поэта.

Послание к Мирза Фатали Ахундову. Закир в ряде своих произведений высмеивал и изобличал местных беков и царских чиновников за их жестокость и грубость, за беззаконие, которое они творили. Карабахские беки боялись и ненавидели Закира и, чтобы избавиться от него, писали о нем губернатору ложные доносы, всячески порочили его. Тогдашний губернатор князь К. Тарханов преследовал Закира и выслал его в Баку, а его сына и племянника — в Россию. Закир обращается с письмом к другу М. Ф. Ахундову, служившему тогда в канцелярии наместника Кавказа в Тбилиси. Благодаря помощи М. Ф. Ахундова и его вмешательству Закир был освобожден от ссылки. Но Закир глубоко переживал судьбу сына и племянника. Силы старого поэта были надломлены. В письме поэт рисует широкую картину жизни провинциального Азербайджана в середине XIX в. — беззакония, взяточничество, бандитизм, разбой, бывшие в то время обычными явлениями.

Кази. *В месяц гибели имамов ты гулять ходил в Кайнак, В день десятый мухаррема в Фенку забегал, Кази.* Шииты (см. сл.) первые десять дней месяца мухаррема соблюдают траур по Хусейну (см. сл.). Здесь говорится о кази (см. сл.), который нарушил этот обычай — во время траура развлекался в Кайнаке и Фенке — курортных местах Карабаха.

«Меня кое-кто подстрекает стихи написать...». *Усули* — глава религиозной секты в Карабахе. *...сам Гавриил Пророку в уста дал Корана священное слово.* По преданию, священная книга мусульман — Коран была ниспослана пророку Мухаммеду аллахом через посредство архангела Гавриила (Джебраила). *Кёлбасан, Таняг, Дизаг* — населенные пункты в Карабахе.

МИРЗА ШАФИ ВАЗЕХ

«Коль песнь пою, — упоены...», Прощание с Тифлисом, Из серии «Мирза Юсуф» переведены русским поэтом Н. И. Эйфертом и изданы впервые в 1880 г. (Сборник песен и романсов Мирза Шафи. М., 1880). *Подобно кубку Джам, она — Источник откровенья.* Джам — кубок легендарного иранского царя Джамшида. По преданию, на дне этого кубка были скрыты все тайны земли и, взглянув в него, можно было их разгадать. *Мирза Юсуф* — поэт, современник Вазеха. Вазех написал серию стихотворений, в которых упрекает Мирзу Юсуфа за неоригинальность его произведений, за то, что все его поэтическое творчество состоит из одних подражаний великим поэтам-классикам Саади, Хафизу и другим.

Песня, посвященная Хафизу. Переведена поэтом-революционером М. Л. Михайловым, другом Н. Г. Чернышевского, и помещена в сборнике его стихов (М. Л. Михайлов. Стихотворения. Берлин, 1862).

«Ты, сидя в палатке, откинула косы, красу лица обнажив...». *В день суда из гробницы султана Махмуда будет услышан стон: «В райских вратах не нуждается тот, кто саблей Аяза сражен!»* Речь идет о султане Махмуде Ганевиде (998—1030) и его любимом рабе Аязе. Саблей Аяза сражен — сражен любовью.

Сусани. Стихотворение посвящено армянской девушке Сусани.

МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ

На смерть Пушкина. Написано на персидском языке в 1837 г. В том же году оно было напечатано в «Московском наблюдателе» (часть XI, книга II, стр. 297—304) в прозаическом переводе автора. Позднее стихотворение было повторно переведено дру-

гом М. Ф. Ахундова поэтом-декабристом А. А. Бестужевым-Марлинским и помещено в «Русской старине» в 1874 г. с небольшой вступительной статьей А. П. Берже. *Ни небесам семи, ни четырем стихиям.* По мусульманской мифологии, небо делится на семь сводов (см. примеч. к стихотв. «Как только в Армению прибыл я, — сразу...», стр. 390). В словах «сын семи небес» содержится признание высоких заслуг Пушкина. Поэт приравнивает Пушкина к небожителям. Вместе с тем Пушкин у него — реальный земной человек, так как четыре стихии — вода, воздух, земля и огонь — основа всего материального, земного.

Письмо Закиру. Письмо написано в 1854 г. современнику Ахундова поэту Закиру. В нем речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. Ахундов высмеивает противников России — Англию, Францию и Турцию, выражает уверенность в победе над ними. *Ведь шел за Балканы Дибич-храбрец. Паскевич взял Эрзерум, удалец.* Дибич Иван Иванович (1785—1831) и Паскевич Иван Федорович (1782 — 1856) — русские генералы, герои русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Дибич с 20-тысячной армией прорвался за Балканы, взял Эдирне (Адрианополь) и оказался в нескольких переходах от столицы Турции Стамбула. Паскевич командовал армией на Кавказском фронте, захватил Эрзерум — важную турецкую крепость. *Игит карабахский ринулся в бой, Берет он первенство в схватке любой.* Поэт имеет в виду карабахские азербайджанские отряды, принимавшие активное участие в войне.

Повесть о сеиде Ахмеде Сальянском. *Чингиз говорил: «Вот шестьсот уже лет, Как народ мой на горе обрек Мухаммед».* Здесь имеется в виду Чингисхан, завоевавший в XIII в. мусульманские государства и рассматривавший эти захваты как освобождение народов этих стран от горя, на которое обрек их Мухаммед в VII в.

Ванда. В 1876 г. Тифлис посетил польский музыкант-исполнитель Конт с дочерью Вандой. Музыкальная общественность тепло приняла гостей. Ахундов по просьбе своего друга ученого-литературоведа А. П. Берже написал стихотворение, посвященное Ванде. В этом стихотворении поэт, используя классические восточные метафоры, воспевает красоту и ум польской девушки. *Сабухи* — псевдоним поэта.

НАТАВАН ХУРШИДБАНУ

Сыну моему. Посвящено памяти сына поэтессы, умершего в юношеском возрасте.

СЕИД АЗИМ ШИРВАНИ

По случаю открытия памятника Пушкину. Стихотворение посвящено открытию памятника Пушкину в Москве в 1880 г. *Ноя славный потомок из рода Яфетова — Рус.* По мусуль-

манской легенде, восходящей к Библии, один из сыновей Ноя — Яфет — является родоначальником индоевропейских, в том числе славянских народов.

Сыну. *Что мне в этом: ты шейх или важный бабид.* Бабид — сторонник бабизма — религиозного течения в исламе, возникшего в Иране в середине XIX в. Бабизм носил реформаторский характер, отражал интересы национальной буржуазии, выступал против феодальных порядков и иностранного капитала. *Хоть, колеблясь, земля и пыталась сама Поглотить минареты его и дома.* Речь идет о довольно частых землетрясениях в Шемахе, на родине поэта.

Рассказ стихотворца. Стихотворение является автобиографическим. Оно в начале немного сокращено, где речь идет о детских годах поэта, о землетрясении в его родном городе — Шемахе. *Эсриб* — Ястреб — древнее название города Медины, одного из культурных центров мусульманского Востока. *Шам* (см. сл.). *Сказание о Гюландам! Любовь Бахрама восхвали, Воспой Керема и Асли! И пусть Гариб и Шахсенем Воскреснут в лучшей из поэм!* В этих строках перечислены имена героев фольклорных легенд и литературных произведений. *О славном Кероглу в стихах Сложи ты сказку, бисмиллах!* Кероглу — герой азербайджанского эпоса. Бисмиллах — арабское восклицание: «с именем аллаха».

О ширванских беках. Одно из широко известных сатирических произведений Ширвани. Оно вызвано присвоением отдельным разбогатевшим людям бекского звания. Поэт высмеивает этих лжебеков, которые попали в списки знати благодаря взяткам и грязным махинациям царских чиновников и феодальной верхушки Шемахи. Ширвани стрелы своей сатиры направляет, главным образом, против новых и старых беков, алчных и жестоких, сосущих народную кровь. Однако, высмеивая их, Ширвани недостаточно ясно понимал, что царское правительство, закрепляя свое положение в окраинных районах России, опиралось не только на старую местную знать, но создавало новое привилегированное сословие из надежных и состоятельных людей. *Ермолов* Алексей Петрович (1772—1861) — герой Отечественной войны 1812 года, управляющий Кавказским краем в 1816—1827 гг. *Пучин* — царский чиновник.

МУХАММЕД ХАДИ

Я — книга. *Дух революции все строки их проник.* Как и другие деятели демократической интеллигенции Азербайджана, Хади активно откликнулся на события революции 1905—1907 гг.

АББАС СИХХАТ

Поэт и муза. Написано под влиянием стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин».

Мужество Ахмеда. Посвящено борьбе иранского народа в 1906—1911 гг. против контрреволюции и реставрации престола реакционного шаха Мохаммеда Али. *Повстанцев вел Ефрем.* Ефрем Давидиянц — армянин по происхождению, один из активных участников борьбы против реставрации власти Мохаммед Али шаха.

ГУСЕЙН ДЖАВИД

В Баку, Женщина были опубликованы в первой книге стихов поэта, изданной в Тбилиси в 1913 г. В этой книге под названием «Минувшие дни» были собраны стихи, написанные между 1905—1913 гг.

Шейх Санан, Не радуйся чужому горю, Улыбнись, Не видел, Туберкулезная девушка, Песня чабана, Вчера и сегодня, На закате, Безмятежная душа, Последние вопли девушки, или Голос из застенка, Уходи — были включены в сборник стихов «Весенние росы», вышедший в Баку в 1917 г. Поэт в этот сборник включил стихи, написанные в 1905—1916 гг. Стихотворение Шейх Санан посвящено легендарному шейху, который, полюбив христианку, ради нее отказался от ислама и был лишен высокого положения.

Из драмы «Иблис». Драма в стихах, написана в 1918 г. Главным действующим лицом является Иблис (дьявол). В этой драме поэт выступает против опустошительных войн и их вдохновителей, разоблачает гнилую философию непротивления злу, наивную надежду людей на победу доброго начала в капиталистическом мире. Драма написана под ощутимым влиянием «Фауста» Гёте. *Элхан* — один из персонажей драмы.

Азер. Над драматической поэмой «Азер» Джавид работал в 1926—1936 гг. В «Азере» нашли широкое отражение впечатления поэта, вынесенные от пребывания в Германии, в Берлине.

СЛОВАРЬ

Аба — мужская верхняя одежда, накидка без воротника.

Абджед — цифровое значение букв арабской письменности; алфавит.

Абу Бекр — первый после Мухаммеда правоверный халиф (632—634).

Абу Нувас — известный арабоязычный поэт конца VIII — начала IX вв. Жил при дворе аббасидских халифов.

Ага — титул богатого человека.

Адам — человек.

Азраил — ангел смерти.

Алем — знамя.

Али — зять и двоюродный брат пророка Мухаммеда, четвертый правоверный халиф (656—661).

Аман — прощение; о боже мой! (восклиц.).

Амбал — грузчик, носильщик.

Амираслан — современник поэта Закира, знатный бек, наместник Карабаха, известный своей жестокостью.

Анаша — опиум.

Анга — мифическая птица огромной величины, которая способна заслонить солнце.

Аракс — река в Азербайджане.

Арджиш — арабское название озера Ван.

Ар-Рашид — Харун-ар-рашид (786—809), халиф (см.) аббасидской династии (750—945).

Ахриман — зороастрийский злой дух.

Ахунд — мусульманское духовное звание, которое присваивают знатокам богословия и шариата (см.).

Бадахшан — область, расположенная большей частью в нынешнем Афганистане и частично в Таджикской ССР (Горно-Бадахшанская АО). Горный район.

Байрам — праздник.

Барбут — старинный струнный щипковый инструмент.

Батман — мера веса, равная примерно восьми килограммам.

Бахария — песня о весне (бахар — весна).

Бейзави Насреддин — крупный мусульманский богослов XII в.

Бейт — стихотворная строфа, состоящая из двух строк. Первое полустишие называется мисра, второе — макта.

Бек — титул представителей знати, богатых людей.
Бекташи — название дервишского ордена.
Бенефше — фиалка.
Бехбехан — город в южном Иране.
Бисутун — высокая скала в Иране с высеченными на ней клинописными надписями и барельефами в честь побед Дария I (522—486 до н. э.), царя ахеменидской династии.
Бозбаш — мясное блюдо.
Будхане — храм идолопоклонников.
Бюль-бюль — соловей.

Ваиз — проповедник.
Валлах (Валла) — «клянусь аллахом!» (восклицание).
Вамиг — герой поэмы Унсури (XI в.) «Вамиг и Узра». Имя Вамига в литературе стало нарицательным для преданного влюбленного.
Визирь — сановник, ближайший советник правителя. Великий визирь — главный сановник.

Гаджи — титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку.
Газель — стихотворение любовно-лирического характера, размером от пяти до пятнадцати бейтов (см.), где рифмуются первые два полустишия и последние полустишия каждого бейта. Нередко, вслед за рифмой, в каждом бейте повторяется редиф (см.).
Ганун — музыкальный инструмент, род гуслей.
Гебр — последователь зороастрийской (см.) религии.
Гейс (Кейс) — настоящее имя Меджнуна (см.).
Герайлы — лирическая стихотворная форма, перешедшая в письменную литературу из народной. Состоит большей частью из пяти строф, по четыре строки в каждой. Размер — восемь слогов.
Схема рифмовки:
первая строфа — а, б, в, б;
вторая и последующие строфы — г, г, г, б;
д, д, д, б
и т. д.
Гылман — херувим, юноша, которому в раю надлежит услаждать «правоверных».
Гошма — лирическая стихотворная форма, состоящая из нескольких строф, по четыре строки каждая. Строка состоит из одиннадцати слогов. Схема рифмовки: первая строфа — а, б, в, б;
вторая и последующие строфы — г, г, г, б;
д, д, д, б
и т. д.
В письменную литературу проникла из народной.
Гурия — по мусульманской мифологии, вечно молодая и вечно невинная красавица рая.
Гырахбасан — селение на берегу Куры в Азербайджане.
Гюлизар (гюльзар) — сад роз, цветник.
Гюлистан — цветник, сад роз. Название известного произведения персидского поэта XIII в. Саади Ширазского.
Гюлаб — буквально: «розовая вода», духи.

Гянджа — город в Азербайджане, ныне Кировабад.
Гяур — у мусульман всякий иноверец, немусульманин, а также еретик, безбожник.

Дарга — управляющий хозяйством при помещике.
Деджла — река Тигр.
Дервиш — странствующий мусульманский монах.
Джами Абдурахман — выдающийся поэт персидской и таджикской литературы XV в.
Джамшид (Джам) — мифический царь Ирана, изображенный Фирдоуси в «Шах-наме». По легенде, Джамшид обладал несметными богатствами и кубком, на дне которого отражались события, происходящие в мире.
Джейран — вид газели, распространенный в Азербайджане, Иране.
Джейхун — река Аму-Дарья.
Джинн — злой дух.
Див — фантастическое существо, злой дух.
Диван — сборник газелей (см.), рубаи (см.), касыд (см.) и других малых лирических стихотворных произведений одного автора. В диване произведения обычно располагаются по алфавиту рифм.
Динар — наименование золотой монеты.

Епанча — длинная и широкая верхняя мужская одежда.

Забур — мифический певец, обладатель чудесного голоса.
Заль — отец Рустама, героя «Шах-наме» Фирдоуси.
Заххак — один из мифических героев «Шах-наме» Фирдоуси. Заххак — царь-тиран, из плеч которого росли две змеи. Он ежедневно убивал двух человек, чтобы их мозгом кормить своих змей.
Зекят — налог, взимаемый мусульманскою церковью с имущества и со скота, формально в пользу бедных.
Земзем (Замзам) — священный источник в Мекке у храма Кааба (см.).
Зороастризм — религия, возникшая в Древнем Иране в первом тысячелетии до н. э. Основателем считается Заратуштра (Зороастр — в греческой передаче). Основные положения зороастризма изложены в «Авесте».
Зуннар — пояс, обычно красный, который носили в странах ислама (см.) немусульмане. Надеть его — означало отречься от ислама.
Зурна — народный духовой музыкальный инструмент.

Игит — герой, храбрый человек.
Иезд — город в центральном Иране.
Имам — лицо, под руководством которого мусульмане совершают молитву в мечети. У шиитов (см.) потомок Али (см.).
Иншаллах — арабская религиозная формула: «Если пожелает аллах».
Искандер — Александр Македонский; герой поэмы Низами «Искандер-наме».
Ислам — мусульманская (магометанская) религия.

Исрафил — по мусульманской мифологии, имя одного из четырех архангелов, хранителя небесной трубы. Протрубив в эту трубу первый раз, он умертвит все живое, второй — воскресит всех мертвых, возвещая о наступлении страшного суда.

Исфаган — город в Иране.

Кааба — мечеть в Мекке, главная святыня мусульман, место паломничества.

Кадий — судья, рассматривающий дела на основе шариата (см.).

Казах — город в Азербайджане.

Кази — то же, что кадий.

Калагаи — большой шелковый платок.

Карабах — область в Азербайджане, столица — Шуша.

Карун — библейский персонаж, упоминаемый в Коране (см.). По легенде, обладал несметными богатствами, но был жестоким.

Касыда — ода, монорифмическое стихотворение хвалебного характера. Может быть посвящена конкретной личности или религиозному, философскому учению. Касыда, как правило, содержит до ста и более бейтов (см.).

Кафир — то же, что гяур (см.).

Кевсер — по мусульманской мифологии, река в раю.

Кеманча — народный смычковый музыкальный инструмент.

Кербела — город в Ираке, южнее Багдада. Место паломничества мусульман-шиитов (см.) к могиле имама Хусейна (см.).

Кесабе — женское шелковое покрывало, украшенное серебром или золотом.

Кесра — здесь: Хосров Нуширван (см.).

Кибла — сторона (направление на Мекку), к которой обращаются мусульмане во время молитвы.

Кир — нефтепродукт, вид асфальта, которым в горячем виде покрывают плоские крыши в Баку.

Колхида — область в Грузии на восточном берегу Черного моря.

Коран — главная священная книга мусульман.

Корейш — название арабского племени, из которого происходил Мухаммед.

Куфа — город в Месопотамии, в VII—X вв. один из культурных центров мусульманского мира.

Кухистан — горная область на востоке Ирана.

Кыта — короткое монорифмическое стихотворение, состоящее из двух — пяти, а иногда и более бейтов (см.); использовалось для выражения интимных чувств, затаенных мыслей.

Кызыл-баши — объединение большой группы тюркских племен, существовавшее в Иране с XV века.

Лал — рубин.

Лейли — героиня поэмы «Лейли и Меджнун» (см.), символ горячо любящей, но не достигшей счастья девушки.

Мансур аль-Халладж (858—922) — известный суфий-пантеист. За выступления против ортодоксального ислама казнен в Багдаде. Перед смертью, не боясь своих палачей, выкрикнул: «Сейчас я — бог».

Марабут — мусульманский отшельник в Африке.

Медаин — арабское название древнего города Ктесифона на берегу Тигра. Ктесифон был столицей парфянских, позднее сасанидских царей. Разрушен арабами в 637 г.

Меджлис — собрание, общество, пиршество.

Меджнун — буквально: «безумный от любви», прозвище Гейса, героя средневековой романтической поэмы «Лейли и Меджнун». Этот сюжет использован многими поэтами мусульманского Востока.

Медресе — духовная мусульманская школа высшего типа.

Менбер (мимбер) — кафедра в мечети для произнесения молитвы или хутбы (см.).

Месневи — стихотворная форма, применяющаяся в крупных произведениях, где рифмуются полустишия каждого бейта (см.).

Минарет — башня рядом с мечетью, с которой муэззин (см.) призывает мусульман на молитву.

Мисра — стихотворная строка, первое полустишие бейта (см.).

Михраб — округлая ниша в мечети, сделанная в стене, ориентированная в сторону Мекки, куда обращаются мусульмане во время молитвы.

Мишк — ароматическое вещество.

Моди — иди сюда (по-грузински).

Моисей (Муса) — один из главных пророков, почитаемых мусульманами.

Муджтеид (муштеид) — мусульманский правовед, толкователь законов.

Мураббе — стихотворная форма, состоящая из строф по четыре строки со следующей рифмовкой:

а, а, а, а
б, б, б, а
в, в, в, а
и т. д.

Муров — чиновник в дореволюционном Азербайджане, выполняющий административные и полицейские функции.

Мусаддес — стихотворная форма, состоящая из шестистрочных строф.

Мускус — ароматическое вещество.

Мустафа — один из эпитетов Мухаммеда (см.).

Муфтий — высшее духовное лицо, толкователь вопросов мусульманского права, шариата (см.).

Мухаммес — стихотворная строфа, состоящая из пяти строк.

Мухаррем — первый месяц мусульманского лунного года.

Мушаире — переписка в стихах.

Муштеид — высшее духовное лицо, толкующее каноны религии.

Муэззин (муэдзин) — служитель при мечети, призывающий с минарета мусульман к молитве.

Мюрид — последователь, ученик духовного наставника — мюршида (см.).

Мюршид — буквально: указующий верный путь; духовный руководитель, наставник.

Навои Алишер (1441—1501) — великий узбекский поэт, основоположник узбекской литературы.

Налейн — легкая обувь без задников.

Намаз — ритуальная молитва, совершаемая мусульманами пять раз в день.
Нарды — старинная восточная игра, где шашки передвигаются по лункам, в зависимости от числа очков на выбрасываемых косточках.
Нимтене — женская куртка из бархата или шелка.
Нуманский мак — вид мака или тюльпана.
Нуширван (Нуширеван) — см. Хосров Нуширван.

Оман — область в юго-восточной части Аравийского полуострова.
Омар (634—644) — один из первых четырех халифов (см. сл.).
Омман — Индийский океан.
Ормузд — имя нескольких царей династии сасанидов.

Первиз — см. Хосров Первиз.
Пери — добрая фея, охраняющая людей от злых духов.

Рази Фахреддин — мусульманский богослов XIII в., один из крупных комментаторов Корана (см.).
Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста.
Рахш — любимый конь Рустема, героя «Шах-наме» Фирдоуси.
Редиф — слово или группа слов, повторяющихся после рифмы в каждом бейте.
Рей (Рага) — древний город недалеко от теперешнего Тегерана.
Рубаи — четверостишие, малая форма лирического стихотворения. Рифмуется: а, а, а, а
или а, а, б, а
Рум — Византия, позднее османское государство.
Рустем — главный герой эпопеи Фирдоуси «Шах-наме». Образ бесстрашного и всепобеждающего героя.

Саади Мушрифаддин — крупный персидский поэт XIII в. Автор широко известного «Гулистана».
Саги — виночерпий.
Саз — струнный щипковый музыкальный инструмент.
Сарданапал — ассирийский царь Ашшурбанипал (668—633 до н. э.).
Сасаниды — царская династия в Иране, правившая с 224 г. до 651 г.
Сеид — потомок пророка Мухаммеда (см.).
Сель — горный, стремительный поток.
Семендар — легендарная птица, которая, увидев огонь, бросается в него и погибает.
Симург — мифическая птица, символ счастья.
Синайские горы — горы на юге Синайского полуострова.
Сир — государь (обращение).
Суннизм — главное, ортодоксальное направление в исламе. Суннизм наравне с Кораном (см.) признает и сунну — сборник преданий о жизни и деяниях Мухаммеда (см.). Сунниты (см.), в противоположность шиитам (см.), правоверными считают всех четырех первых халифов — Абу Бекра, Омара, Османа и Али.
Суннит — мусульманин, представитель суннизма (см.).

Суфий — последователь суфизма — религиозного учения мистического характера, представляющего собой некоторую оппозицию исламу. Проповедует аскетизм, утверждает возможность общения с богом без посредничества священнослужителей.

Тагар — мера сыпучих тел и земельного участка.
Тазкире — сборники поэтических произведений с некоторыми сведениями об их авторах.
Тахаллус — литературный псевдоним, подпись поэта мусульманского Востока, упоминаемая в последних бейтах (см.) текста.
Тар — народный струнный музыкальный инструмент.
Тебриз — город в южном Азербайджане.
Теджнис — буквально: двусмысленность; игра слов. Название короткого лирического стихотворения, построенного на созвучии и омонимичности слов или группы слов.
Тендир — род печи.
Терджи-бенд — стихотворная форма из нескольких строф, объединенных одной темой. Строфы состоят из 12—20 монорифмических строк. Последний бейт (см.) первой строфы повторяется в конце последующих строф.
Теркиб-бенд — стихотворная форма, состоящая из нескольких строф по 12—30 и более строк. Строфы объединены единой темой, смысл которой в сжатой форме выражается в последнем, самостоятельном бейте. Схема рифмовки:
а, а, б, а, в, а . . . д, д.
Туба — дерево, растущее в раю.
Туллаб — ученик.
Туман — денежная единица.
Турач — фазан.
Туркестан (страна тюрков) — историко-географический термин, под которым понималась обширная область в Средней и Центральной Азии.

Уд — струнный музыкальный инструмент.

Фархад — каменотес, герой поэмы «Хосров и Ширин» Низами. Фархад был влюблен в красавицу Ширин (см.) и ради этой любви прорубал туннель в скале. Имя Фархада является синонимом верности и любви, полной страданий.
Фатиха — название первой главы (суры) Корана (см.).
Феникс — сказочная птица, обладающая способностью сгорать в огне и возрождаться снова из пепла. Символ постоянного обновления и возрождения.
Фирман — письменный приказ правителя.
Фирузкух — город в северном Иране.

Хаган — титул монарха в некоторых восточных странах.
Халил — прозвище одного из главных мусульманских пророков — Ибрагима.
Халиф — титул главы мусульманского государства (халифата). Халиф совмещал светскую и религиозную власть.
Хатем — мифическое лицо, олицетворение щедрости.

Хатиб — проповедник, читающий в мечети по пятницам молитву (хутбу) во славу аллаха, Мухаммеда и за благополучие царствующего правителя.

Хафиз Мухаммед — великий персидский поэт XIV в.

Хашимит — род пророка Мухаммеда в составе арабского племени корейш (см.).

Хиджра (хиджрат) — бегство Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. С этого года ведется мусульманское летосчисление.

Ходжа — духовное лицо, учитель в медресе (см.).

Хорасан — провинция на северо-востоке Ирана.

Хосров Нуширван — Хосров I (531—579), один из наиболее могущественных царей династии сасанидов.

Хосров Первиз — Хосров II (590—628), царь династии сасанидов. Герой поэмы Низами «Хосров и Ширин».

Хуруфизм — мусульманская еретическая секта, сложившаяся в XIV в. и направленная против гнета династии тимуридов (1370—1507) и ортодоксального ислама. Хуруфизм проповедовал мистическую идею символического значения букв Корана (см.). По преданию хуруфитов, человек, познав эти значения, становится богом. Последователи хуруфизма подвергались жестоким гонениям.

Хусейн — имам, сын Али (см.), внук Мухаммеда (см.). Был убит в 680 г. при Кербеле (см.) во время битвы с войсками халифа Иезида из омейядской династии. Хусейн и брат его Хасан, наравне с Али, наиболее почитаемые шиитами (см.) святые.

Хутба — молитва, читаемая во славу аллаха, Мухаммеда (см.) и царствующего правителя.

Хызр — легендарный мусульманский святой. По легенде, Хызр, отыскав источник «живой воды» и выпив из него, стал бессмертным. Имя его — символ мудрости и бессмертия.

Чадра — покрывало, закрывающее лицо и фигуру мусульманской женщины.

Чалма — мужской головной убор, состоящий из длинного куска ткани, обернутого несколько раз вокруг головы.

Ченг — род арфы.

Черный город — промышленный нефтяной район старого Баку.

Черный камень — камень метеоритного происхождения, вделанный в стену Каабы (см.), является предметом особого почитания.

Чин — Китай.

Чуха — мужская длиннополая верхняя одежда.

Шаль-тирме — дорогая шерстяная ткань. Головной убор девушек.

Шам — Сирия, также город Дамаск.

Шариат — свод мусульманских юридических и религиозных правил, опирающихся на Коран (см.).

Шейх — первоначально — глава арабского племени; позднее — старец, почтенный человек, наставник.

Шахсевены — тюркское кочевое племя в иранском Азербайджане. Некогда феодальная верхушка шахсевенов (буквально: любящих шаха) представляла собой опору сефевидских правителей Ирана (1502—1722).

Шейх-уль-ислам — глава мусульманского духовенства в различных странах Востока.

Шеки — старое название одного из древних городов северного Азербайджана — Нухи.

Шербет — сладкий прохладительный напиток.

Шиизм — одна из наиболее крупных сект ислама, противостоящая, главным образом, суннизму (см.). Шииты (см.) из четырех первых халифов (см.) признавали только Али (см.).

Шиит — мусульманин, представитель шиизма (см.).

Ширван — древняя область на территории современного Азербайджана с центром в городе Шемахе. Иногда Шемаха называется также Ширваном.

Ширин — героиня поэмы «Хосров и Ширин» Низами. Образ преданной, любящей жены.

Шуша — город в Азербайджане, столица Карабаха.

Эмир — военачальник, правитель в некоторых мусульманских странах.

Эмират — область, подвластная эмиру (см.).

Юсуф — герой библейской легенды Иосиф Прекрасный. Эта легенда вошла также и в Коран (см.). Краткое содержание легенды: у Якуба (Иакова) было двенадцать сыновей. Он особенно любил младшего сына Юсуфа. Братья завидовали красоте Юсуфа и однажды, взяв его с собой на охоту, бросили в сухой колодец. Отцу они сообщили, что Юсуфа растерзали волки. Случайные путники помогли Юсуфу выбраться из колодца и увезли его с собой в Египет. В Египте его купил как раба вельможа Китфир (Пентефрий). Жена Китфира — Зулейха влюбилась в Юсуфа, но Юсуф отверг ее домогательства.

Сюжет этой легенды привлекал внимание многих поэтов мусульманского Востока, и появились различные варианты поэмы «Юсуф и Зулейха». Отдельными образами и эпизодами этой поэмы широко пользовались поэты в своих лирических произведениях.

Яджудж — яджудж-маджудж (по-библейски — гог-магог) — название внушающих страх, свирепых народов, упоминаемых в религиозной мусульманской литературе.

Яйлак — летнее, горное пастбище.

Ясин — название тридцатой суры (главы) Корана (см.), которую читают по усопшим.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

СОДЕРЖАНИЕ [1]

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ХАГАНИ ШИРВАНИ

ГАЗЕЛИ

КЫТА

РУБАИ

НАСИМИ ИМАДЭДДИН

ГАЗЕЛИ

МУХАММЕД ФИЗУЛИ

ГАЗЕЛИ

ВАГИФ

ГОШМА

ГАЗЕЛИ

МУХАММЕСЫ

МУШАИРЕ

ВИДАДИ

ГОШМА

ГАЗЕЛИ

МУСАДДЕС

ЗАКИР

ГОШМА

ГЕРАЙЛЫ

ГАЗЕЛИ

ТЕДЖНИС

ТЕРДЖИ-БЕНД

МУХАММЕС

САТИРЫ

БАСНИ

МИРЗА ШАФИ ВАЗЕХ

ГАЗЕЛИ

МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ

НАТАВАН ХУРШИДБАНУ

ГАЗЕЛИ

СЕИД АЗИМ ШИРВАНИ

МУХАММЕД ХАДИ

АББАС СИХХАТ

БАСНИ

ГУСЕЙН ДЖАВИД

ПОЭТЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Редактор *А. А. Нинов*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *Э. Е. Миронова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 28/IV 1962 г. Подписано в печать 5/IX 1962 г. М 08526. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 14 (22,96). Уч.-изд. л. 19,26. Тираж 3500. Зак. № 846. Цена 83 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

